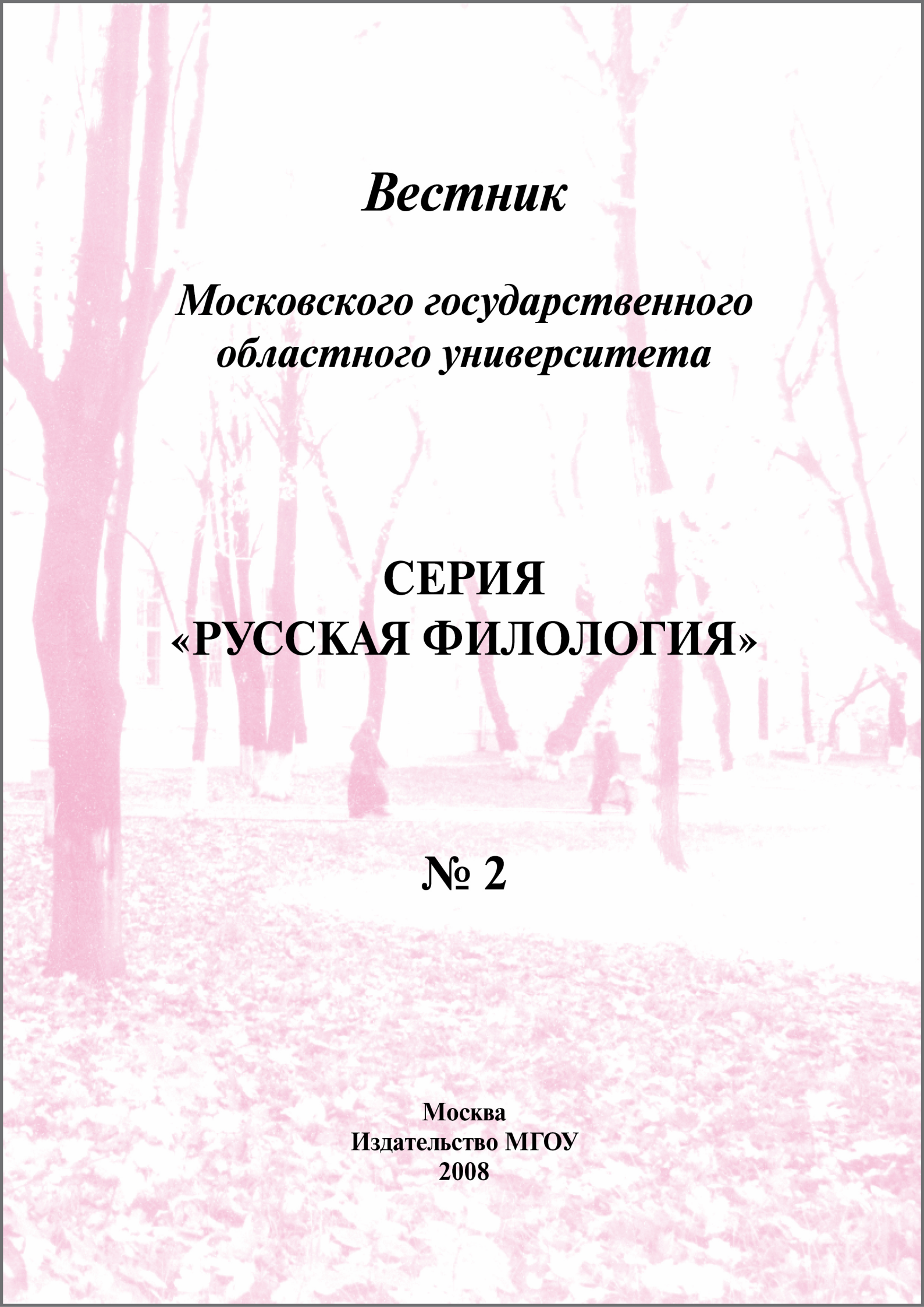

The background of the cover is a photograph of a park. It shows several tall, thin trees with bare branches, suggesting a late autumn or winter setting. A path leads through the trees, and there are some people walking in the distance. The ground is covered with fallen leaves.

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

**СЕРИЯ
«РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»**

№ 2

**Москва
Издательство МГОУ
2008**

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

**СЕРИЯ
«РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»**

№ 2

**Москва
Издательство МГОУ
2008**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе,
доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Яламов Ю.И. – проректор по научной работе и международному сотрудничеству,
доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «Русская филология»:

Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор)
Шаповалова Т.Е. – доктор филологических наук, профессор (зам. ответственного редактора)
Алексеева Л.Ф. – доктор филологических наук, профессор
Аношкина В.Н. – доктор филологических наук, профессор
Копосов Л.Ф. – доктор филологических наук, профессор
Леденёва В.В. – доктор филологических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 2. – 2008. – М.: Изд-во МГОУ.
– 166 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей докторантов, а также аспирантов и соискателей (решение президиума ВАК от 07. 03. 2008 г.).

В «Вестнике» могут публиковаться статьи не только работников МГОУ, но и представителей других научных и образовательных учреждений.

ISBN 978-5-7017-1266-7

© МГОУ, 2008

© Издательство МГОУ, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

Махницкая Е.Ю.

Смысловая доминанта дискурсивной нормы в эпоху рыночной экономики 5

Рубцова Н.В.

Пунктуационная норма как отражение категории однородности в русском языке 14

Синько Л.А.

Функционирование местоимений: коммуникативно-дискурсивный подход 21

Хачмафова З.Р.

Актуальные направления в исследовании женской языковой личности в современной лингвистике 28

Свиридова Т.М.

Категория согласия/несогласия в конструкциях простых предложений 34

Публикации аспирантов

Волкова Е.А.

Термин и его место в лексической системе языка 44

Колясева Т.Ю.

Средства выражения эмоциональной оценки в произведениях Д.И. Стахеева 50

Купоросов П.А.

Эмоциональные частицы, выражающие радость, в русском языке 57

Магомедова И.А.Средства выражения градуальности в компаративных конструкциях *хорошо — лучше* ...63**Назарова Е.А.**

Влияние заимствований из английского языка на функционирование имён существительных в современном русском языке (конец XX — начало XXI вв.) 67

Овчинникова Т.Е.Способы репрезентации пространственно-временного компонента у модальных частиц (на примере частицы *уж*) .....71**Романова В.Н.**

Выражение модального значения целесообразности/нецелесообразности в инфинитивном предложении 78

Чигаев Д.П.

Креолизованная лексема 82

Шаповалов И.С.

О связи ментально-лингвального комплекса личности и этноса (на материале романа Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада») 86

ЛИТЕРАТУРА

Жилина Н.П.

«Идиллический» мир в поэме А.С. Пушкина «Цыганы» 93

Лунина И.Е.

Особенности поэтики книги Дж. Лондона «Дорога» 100

Стрельцов В.И.

Есть ли у нас литература? 107

Стрельцов В.И.

Эстетические категории В.Г. Белинского как результат сравнительно-типологического анализа национальных литератур 111

Публикации аспирантов

Аносова Л.В.

Феномен субцикла в цикле М. Кузмина «Лодка в небе» 111

Белотурова М.М.

Детали предметной изобразительности и их назначение в «Заметках из дневника. Воспоминаниях» М. Горького (на материале очерков «Могильщик», «Дора»): отражение межтекстового подхода 125

Гараев А.И.

История формирования литературной репутации М.П. Арцыбашева 130

Дворянова Н.В.

Художественное изображение семьи и семейных отношений в повести В.И. Белова «Привычное дело» 135

Холодкова Е.К.

Национальные традиции погребения человека в произведениях В.П. Астафьева, В.Г. Распутина и Б.П. Екимова 90-х гг. XX в. 142

Черешнева Г.П.

Поэма И.С. Никитина «Кулак» 149

Рецензия на учебное пособие «История русской литературы XX века» в 4-х книгах, выпущенное издательством «Высшая школа» в 2005-2008 годах 157

Информация 162

РУССКИЙ ЯЗЫК

Е.Ю. Махницкая,

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и журналистики Ростовского государственного экономического университета

СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА ДИСКУРСИВНОЙ НОРМЫ В ЭПОХУ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Дискурсивная норма – это узуальная норма, характеризующаяся коммуникативной целесообразностью при условии возможности (а в некоторых случаях – обязательности) поливариантной интерпретации реальности. В данной статье в качестве смысловой доминанты дискурсивной нормы в эпоху рыночной экономики рассматривается обман.

E. Makhnitskaya

THE DOMINANT SENSE OF DISCOURSE STANDARD IN THE EPOCH OF MARKET ECONOMY

A discourse standard is a usual standard which is characterized by communicative advisability under conditions when there is a possibility (in some cases – necessity) of polyvariant interpretation of reality. In this article «deception» is regarded as the main dominant sense of discourse standard in the epoch of market economy.

Современный экономический дискурс – это вербализованная речемыслительная деятельность в сфере экономики, представляющая собой некоторую структуру как результат речемыслительной деятельности (в собственно лингвистическом плане) и общий для коммуникантов мир (в экстралингвистическом плане).

Поскольку всякий дискурс есть речемыслительная деятельность, формирующаяся на фоне социально-исторической ткани, адекватным представляется трехстороннее изучение дискурса (а соответственно, и дискурсивной нормы):

- 1) со стороны взаимодействия социальных групп и индивидов;
  - 2) со стороны используемых в процессе коммуникации когнитивных стратегий;
  - 3) со стороны обусловленного этими факторами выбора языковых средств.
- Тройственность структуры экономического (как, впрочем, и любого другого) дискурса предъявляет к исследователям ряд требований.

Во-первых, поскольку экономический дискурс есть использование языка, его изучение предполагает анализ экономических текстов, охватывающий разные области: синтаксис, лексику, различные пути модализации (акценту-

ации или интенсификации) отдельных компонентов с целью прояснить либо, наоборот, затуманить какие-то детали.

Во-вторых, экономический дискурс формирует, «вживляет» представления, что связывает его исследование с эпистемологией (гносеологией) и делает необходимым анализ продуцирования текстов и их интерпретации с целью выяснить, каким образом из элементов языка дискурса выстраивается целое. Адресат связывает воедино «информационные единицы», содержащиеся в лексике, морфологии и синтаксисе дискурсивных текстов, благодаря своим общим знаниям и культуре, имеющейся у него информации о трактуемом феномене экономики, объекте экономической действительности, а также в соответствии с собственным мировоззрением.

Дискурс является неотъемлемой частью общественных отношений, ибо, с одной стороны, формирует эти отношения, а с другой – формируется ими. И поэтому, в-третьих, экономический дискурс должен изучаться в контексте социально-экономической структуры и культуры общества на определенном историческом этапе.

Рыночная экономика – это такая экономическая ситуация, при которой происходит расслоение общества, а взаимодействие между различными социальными группами протекает с высокой интенсивностью и эмоциональным «зашкалом», поскольку затрагивает разные сферы социальных отношений с разными логиками. Особенно наглядным противоречие становится в рамках экономических отношений, поскольку экономические отношения вступают в противоречия с социальными, в которых преобладают ценности справедливости, искренности, порядка.

Обеспечить возможность сохранения наличных коммуникативных структур в условиях расходящихся или практически несовместимых интересов способен ... *обман*, одна из социальных функций которого состоит в том, чтобы находить всевозможные способы реализации интересов и достижения цели за счет других или вопреки желаниям других.

Обман как объект познания лежит на пересечении интересов философии (причины и следствия), психологии (субъекты, мотивы, уловки, невербальные средства), логики (логические формы) и лингвистики (синтаксические и семантические правила). В аспекте изучения и описания дискурсивной нормы современного экономического дискурса особый интерес представляет лингвистический план обмана, то есть используемые с этой целью языковые средства и их конкретное употребление. Однако рассмотрение их логичнее будет начать с аспектов, на первый взгляд, далеких от лингвистики.

Обман как феномен общественной жизни уже достаточно подробно описан в научной литературе, что позволяет, обобщая и в чем-то усредняя точки зрения различных ученых, выделить в обмане основные составляющие и в общем виде обрисовать его структуру.

Первый шаг в анализе структуры обмана предполагает выделение и описание трех качеств: обманывающего (автора и исполнителя дезинформирующего действия), обманываемого (того, кто пока еще не обманут или уже разоблачил обман) и обманутого (того, кто верит в подлинность дезинформации, принимает ее как истинное, правильное, справедливое и т.п. и соотносит с ним свои мнения, оценки, решения и действия).

Носителями указанных качеств способны выступать следующие социаль-

ные субъекты: а) *индивидуальный субъект* (отдельный человек, личность), индивидуальный субъект может выступать как одновременно в трех ипостасях, так и поочередно в каждой из них, включая самообман. Самообман проявляется в нежелании знать правду, бессознательном уклонении от некоторых знаний, их вытеснении, активном поддержании иллюзорных представлений и всевозможных «выгодных» верований; б) *коллективный субъект* (образующие коллектив лица, связанные между собой различными, нередко весьма тесными отношениями – родственными или деловыми); в) *массовый субъект* (определенные слои общества, большие социальные группы, классы, народы); г) *институциональный субъект* (государственные органы, ведомства и их подразделения, общественные организации и учреждения – все, что подходит под категорию социального института).

Каждый из выделенных субъектов способен выступать в роли «обмывающего», «обманиваемого» и «обманутого», фактически одновременно совмещая в себе эти качества в различных соотношениях. Следует отметить, что *массовый субъект*, в отличие от всех остальных, не способен производить намеренный обман.

Говорить об обмане невозможно без понимания того, что именуется *правдой*. Ответ на этот вопрос до сих пор остается открытым, поскольку не всегда ясно даже то, в каком смысле говорится о правде. Бесспорно лишь то, что правда представляет собой высокое знание, несущее положительный или отрицательный ценностный заряд. Многие ученые сходятся также в том, что правда имеет две ипостаси: правда-справедливость и правда-истина, которые являются не альтернативными, а взаимообусловленными в такой же степени, как знания и ценность. Иными словами, правда имеет форму знания (включающего его оценку) о том или ином объекте.

Говоря о форме выражения правды (суждение, умозаключение, концепция, теория и т.д.), из области интересов философии мы попадаем в область пересечения интересов логики и лингвистики. Ср.: «Так как формы мысли (предмет науки логики) – это типы структур, типы связей элементов мыслей друг с другом, то можно заранее ожидать, что они должны быть выражены теми языковыми средствами (языковыми построениями, формами языка), которые имеют функции обозначать отношения и связи элементов языка, то есть выражать логические связи» [1]. Иначе говоря, логика как наука о формах мысли и законах правильного мышления выступает, благодаря ее единицам, посредствующим звеном между мышлением и языком, то есть «логика связана с мышлением не непосредственно, а только через языковые формы» [2], «в языке уже изначально «заложена» логика, то есть язык является первичным по отношению к логике» [2]. И поэтому очевидно, что любой человек способен оперировать отдельными понятиями, суждениями, умозаключениями, умеет строить свои доказательства, то есть осуществлять те мыслительные процедуры, изучением которых занимается логика, при условии владения языком на достаточном уровне лингвистической компетенции (ср.: «...наши разговоры полны умозаключений; но мы их почти не замечаем» [3]).

Однако следует помнить о том, что любое суждение и умозаключение с точки зрения содержания может давать истинное или ложное отражение действительности; со стороны формы может быть логически правильным или неправильным.

Вопрос об истинности и ложности суждения – это вопрос из области конкретной науки, ответить на который может подчас только специалист. А вот выстроить правильное умозаключение, при котором принимается во внимание не содержание, а лишь структура посылок и правила логического вывода, способен любой человек, у которого все в порядке с логическим мышлением.

Примером правильного силлогизма в его отношении к истинности отражения действительности может служить схема российского бизнеса. Очевидно, что один из ключевых концептов любой экономики – прибыль (или, иными словами, деньги). Прибыль – это доход, который приносит торговля. Торговля – одна из составляющих бизнеса. Однако у любой медали две стороны. Есть обратная сторона и у бизнеса. Еще со времен Адама Смита известно, что бизнес начинается с производства продукции. Мошенничество начинается с разработки способов присвоения плодов сбыта продукции. Не секрет, что большая часть так называемых «новых русских» – бизнесмены, построившие свое дело не на производстве, а на сбыте, причем многие из них опирались на следующий софизм в виде правильного силлогизма, под которым понимается «демонстративный (доказательный) вывод, в заключении которого устанавливается связь между двумя понятиями (крайними терминами) на основании зафиксированного в посылках их отношения к третьему понятию (среднему термину)» [4]:

Часть I. 1) *Цель бизнеса – это прибыль.*

2) *Цель обмана – это прибыль.*

3) *Обман – это тоже бизнес.*

Часть II. 1) *Прибыль получают только в результате торговых операций и мошенничества.*

2) *Любая торговля предполагает наличие заказчика или покупателя.*

3) *Долг мошенника – создать видимость удовлетворения своего клиента или заказчика [5].*

Софизм – «формально кажущееся правильным, но ложное по существу умозаключение, основанное на преднамеренно неправильном подборе исходных положений; словесное ухищрение, вводящее в заблуждение» [6].

Приведенный пример состоит из двух правильных, с точки зрения формальной логики, силлогизмов, построенных по модусу Barbara, где на основании двух посылок с железной логикой следует правильное заключение. Однако правильное заключение вступает в противоречие с истинностью отражения мира и фактически является софизмом. Очевидным это становится, если «расшифровать», «распространить» посылки:

1) *Основная цель бизнеса – это максимальное удовлетворение нужд и желаний потребителей.*

2) *Цель обмана в торговле – максимальное удовлетворение своих потребностей.*

И заключение здесь будет совершенно иным:

3) *Обман и настоящий бизнес – понятия несовместимые.*

Любой уважающий себя бизнесмен получение прибыли будет основывать на максимальном удовлетворении потребностей клиентов. Мошенник – наоборот.

Таким образом, субъект коммуникации, строя свои умозаключения в естественном языке, сам распоряжается понятием «правильности» и «истинности» умозаключений, исходя из стоящих перед ним коммуникативных целей.

В современной формальной логике было доказано 19 правильных простых категорических силлогизмов, каждый из которых имеет сочетание двух посылок и заключения. Каждая фигура силлогизма соответственно своей структуре имеет определенный смысл в процессе нашего мышления и, следовательно, свои особые правила. Аксиома силлогизма звучит следующим образом: то, что утверждается (отрицается) относительно всех объектов некоторого множества, должно утверждаться (отрицаться) и относительно всех объектов любого из подмножеств данного множества.

Разновидностью силлогизмов являются энтимемы (из греч. «то, что находится в уме»), то есть сокращенные силлогизмы, в которых опущена одна из посылок или заключение. Ср.: *Мужчины, которые находятся в поиске своего стиля, приходят в «SOHO». Мужчины, уже нашедшие свой стиль, приходят в «SOHO». Мы ждем вас в бутике «SOHO» на Буденновском.*

Данная реклама содержит две энтимемы, в которых опущены меньшие посылки:

I энтимема: 1) *Мужчины, которые находятся в поиске своего стиля, приходят в «SOHO».*

[2) *Вы находитесь в поиске своего стиля.*]

3) *Мы ждем вас в бутике «SOHO» на Буденновском.*

II энтимема: 1) *Мужчины, уже нашедшие свой стиль, приходят в «SOHO».*

[2) *Вы уже нашли свой стиль.*]

3) *Мы ждем вас в бутике «SOHO» на Буденновском.*

Употребление в реальной практике мышления и речи силлогизмов либо энтимем напрямую зависит от многих факторов, в частности, в современном экономическом дискурсе важнейшим фактором является область дискурсивного поля экономики. Так, в области теоретических или прикладных экономических наук, где наблюдается усиление эксплицитности текста благодаря использованию повторов, облегчающих понимание (и запоминание) текста, употребляются преимущественно силлогизмы. А в такой разновидности современного экономического дискурса, как реклама, употребляются большей частью энтимемы. Изучение энтимем и силлогизмов и их разновидностей может способствовать пониманию механизма человеческого разума, поскольку структуры языка раскрывают структуры человеческого мышления. Систематическое исследование умозаключений в формах «естественного языка» (на материале немецкого) впервые проведено А.Т. Кривоносовым, правда, пока только на материале сатирического романа «Земля обетованная», где исследуется, как в художественном «тексте» отражено «стихийное логическое мышление» немецкого писателя Г. Манна [см. 2]. Если бы подобное исследование было проведено на материале дискурсивных текстов современного экономического дискурса, это имело бы высокую практическую ценность не только для лингвистов. В частности, исследование умозаключений в «подъязыке» экономики поможет в совершенствовании механизма защиты от обмана и манипуляций. Хотя очевидно, что подобное исследование потребует титанических усилий, возможно, не одного ученого.

Итак, для выяснения основной составляющей дискурсивной нормы необходим анализ тех высказываний, сообщений, идей, которые претендуют на статус правды, на основании следующей системы координат:

1) кто является субъектом правды (ее заявителем, творцом, пропагандистом);

2) кому адресована эта правда (какому субъекту);

3) с какой целью, зачем;

4) что представляет собой заявляемая правда;

5) отношение к данной правде общественного мнения.

Особенно тщательно по данной схеме необходимо анализировать рекламу. Согласно ст. 6 ФЗ «О рекламе», реклама, которая «вводит потребителей в заблуждение относительно рекламируемого товара посредством недостатка у них опыта, знаний, в том числе в связи с отсутствием в рекламе части существенной информации», является недобросовестной. Однако наличие этой статьи отнюдь не спасает от подобной рекламы. СМИ, транслирующие и печатающие рекламу, страхуют себя обязательной припиской: «Редакция не несет ответственности за достоверность содержания рекламных материалов», предупреждая таким образом, что недостоверность лежит на совести рекламодателя. А рекламодатель – типичный представитель вида «homo economicus», то есть «рационально мыслящий субъект, строящий свои планы и действия исходя из принципа получения максимальной выгоды» [7]. Вопрос о наличии совести у представителя данного вида до сих пор остается открытым, поскольку не секрет, что в борьбе за получение прибыли многие стремятся «продать все, даже то, что нельзя, запрещено и крайне вредно для покупателя».

В качестве примера можно взять повсеместно рекламируемые «беспроцентные» кредиты. Реклама «бесплатных» кредитов, предоставляемых магазинами бытовой техники «0 рублей, 0%, 10 месяцев», заполонила и ростовские улицы, и ростовские СМИ (хотя очевидно, что не только ростовские). Но ведь услуга по кредитованию, согласно п. 3 ст. 423, п. 1 ст. 819 ГК РФ, является платной. Тем самым указание в рекламе условия «плата за кредит 0%» противоречит ст. 6 ФЗ «О рекламе».

Также в более выгодных условиях оказывается банк, не раскрывающий полную информацию об условиях кредитования, в отличие от банков, которые честно сообщают своим потенциальным заемщикам о величине своих ставок. Так, например, часто случается, что банк снижает размер кредитов по годовой ставке, но при этом сохраняет и расширяет ряд банковских комиссий, большая часть из которых либо непонятна кредитуемому, либо не доводится до их сведения. В результате объявленная стоимость кредита в 27% - 29% выливается в 54% и даже 64%.

Многое понять в системе потребительского кредитования позволяет предложенная выше система координат. Итак: *Берите кредиты – живите богато. Беспроцентные кредиты на шесть месяцев:*

Первый взнос – 0%.

Плата за кредит 0%.

Комиссия – 0%.

Субъектом рекламы в данном случае выступают банки, заинтересованные в получении прибыли от «работы денег». Адресантами выступают те, за счет кого банки рассчитывают получить прибыль. Цель – привлечь максимальное количество желающих «взять кредит». В соответствии с основополагающим рыночным «законом невидимой руки» возможно это только в результате повышения мотивации, или заинтересованности, потенциальных клиентов. Ключ-

чевыми факторами в повышении мотивации можно считать три: 1) необходимый товар можно получить немедленно, не дожидаясь того момента, когда появится возможность скопить определенную сумму; 2) деньги «в долг» дают «бесплатно»; 3) отдавать можно частями, то есть равными долями, до десяти раз меньше основной суммы долга.

Что представляет собой заявляемая *правда*? Плата за пользование кредитом, разумеется, на самом деле есть. Однако платит не покупатель, а магазин, которому это тем не менее выгодно, поскольку позволяет продать больше товаров. И все же мысль о том, что это «никак не отражается на кошельке покупателя», ошибочна. Стоит лишь обратить внимание на то, что в случае покупки за наличный (немедленный (!)) расчет этот же товар отпускается по значительно заниженной цене. В некоторых магазинах на ценнике значится две цены: стоимость товара, покупаемого в кредит, и – за наличные. Это означает то, что «плата за кредит» уже включена в стоимость товара. К тому же, плата производится через почту на протяжении 3-6-10-12-36-48 месяцев, а значит, человек, погашающий кредит, в течение 3-6-10-12-36-48 месяцев будет платить еще и почтовые расходы (причем даже в случае досрочного погашения кредита (!)).

В настоящее время отношение к подобной услуге перестало быть резко негативным, и уже в ответ на рекламу о беспроцентных кредитах реже произносятся фразу о том, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Реальная возможность «приобрести приглянувшуюся вещь уже сегодня» и возможность возвращать долг частями оказываются сильнее голоса разума, высказывающего некоторые сомнения относительно слишком уж привлекательных условий кредитования. К тому же брать или не брать кредит – дело добровольное, а людей, готовых заплатить (пусть чуть больше, но главное – частями и не сейчас), судя по увеличению числа банков, предоставляющих подобные услуги, становится все больше.

Так называемые «беспроцентные кредиты» – один из психологических приемов воздействия на клиентов, и их отмена сделает покупки в кредит менее привлекательными для покупателей.

К психологическим приемам воздействия на клиентов относится, например, и указание цены типа 5990 руб., которая выглядит привлекательнее цены в 6000 руб., или традиционное в супер- и гипермаркетах написание крупным шрифтом цены без НДС, которая может разниться с конечной ценой в несколько сот рублей. Приятны глазам покупателей и надписи на витрине магазина «Распродажа» или «SALE». В рекламе обычно пишут: «Скидка 20% от стоимости товара», хотя на самом деле идет скидка 20% от наценки на товар. В рекламе бесплатных минут разговора по мобильному телефону, например, никогда не указывается размер ежемесячной абонентской платы за пользование телефоном и т.д. Иными словами, важное условие психологических приемов воздействия – это наличие неполной информации в рекламе.

Типичным признаком того, что в рекламе дается неполная информация, является наличие так называемых «отсылок» типа «подробности на сайте» или «подробности у наших менеджеров в офисе». А там можно получить соответствующую информацию, только задавая определенные вопросы, при условии того, что знаешь, какие именно. Без наводящего вопроса ни один менеджер «лишнюю» информацию не укажет.

Особенно распространен метод «Чука и Гека» (назван по одноименному

произведению А. Гайдара, где два маленьких героя вырвали в окно важную телеграмму и решили: если мама спросит – признаемся, если нет – промолчим!) при проведении экономических реформ. Так, например, при проведении реформы по монетизации льгот не касались вопросов о суммах выплат и об источниках выплат. При проведении реформы ЖКХ умолчали о тарифных ставках, праве наследования и различиях в судьбе приватизированных и неприватизированных квартир. Благодаря методу «Чука и Гека» немногие обращаются в налоговую инспекцию за компенсациями трат на лечение, обучение, покупку или строительство жилья как раз потому, что не знают об этом своем праве. Иными словами, один из основных принципов дискурсивной нормы гласит: «Выгодно для себя, и притом за ваш счет».

Анализ дискурсивных текстов современного экономического дискурса позволяет сделать некоторые выводы:

Во-первых, особенностями когнитивных стратегий реципиентов можно считать стремление: а) подавлять свои сомнения, особенно при встрече с правдоподобной ложью (ср.: «Ложь иной раз так ловко прикидывается истиной, что не поддаться обману значило бы изменить здравому смыслу» (Ф. Ларошфуко)); б) признавать за правду нечто такое, что является лишь надеждой на правду (ср.: «Ах, обмануть меня не трудно – я сам обманываться рад»); в) довольствоваться крохами правды (возможно, потому, что недосказанность дает надежду на благополучный исход дела).

Реципиент как бы намеренно формирует у себя установку на желательный для него обман (который в данном случае способен выполнить компенсаторную функцию), подчас создавая – пусть иллюзорное и мимолетное – но достаточно яркое чувство преодоления разлада между мечтой и действительностью.

Во-вторых, продуценты текстов исходят из возможности достижения своих целей подчас любой ценой. Особенностью когнитивных стратегий адресантов можно считать использование намеренной полуправды как средства защиты интересов субъекта и/или выигрыша в социальных и экономических играх.

В данном случае вопрос о полноте и неполноте правды ставится в коммуникативном смысле. Дело не в полноте знания о соответствующем объекте (присущем коммуниканту как носителю, транслятору правды), а в полноте сообщения адресату того комплекса знаний и оценок, касающихся данного объекта, той информации о нем, которой располагает продуцент текста. В этом аспекте полуправда – это неполное и часто не вполне точное транслирование информации адресату. Традиционно выделяют две типичные разновидности полуправды: 1) когда один субъект, располагающий разнообразной информацией, сообщает другому лишь часть ее, создавая видимость полного, честного его информирования: при этом та часть информации, которая сообщается адресату (индивиду, коллективному субъекту, народу и т.п.), вполне адекватна, не содержит намеренных искажений; 2) когда субъект-транслятор под видом полного и правдивого сообщения передает адресату такую информацию, в которой истинные моменты сочетаются с ложными, то есть адекватные описания объекта и истинные высказывания о нем правдоподобно komponуются с ложными описаниями и высказываниями: при этом обычно утаивается часть весьма существенной для адресата информации (подробнее см.: [8]).

В обоих случаях адресат, как правило, не имеет достаточных средств про-

верки получаемых сообщений и вынужден принимать их на веру, опираясь на авторитет субъекта-транслятора, на свой прошлый опыт, разделяемые им принципы и символы веры, на логические соображения и т.п.

В современном экономическом дискурсе присутствуют обе разновидности с одинаковой степенью распространенности в различных аспектах дискурсного пространства. В официальных сферах современного экономического дискурса, где трансляция ложной информации наказуема (как этически, так и уголовно), распространена первая разновидность и действует принцип, сформулированный еще Л.Н. Толстым: «Чтобы прямо не лгать, нужно стараться не лгать отрицательно – умалчивая». В остальных сферах современного экономического дискурса (особенно на рынке сбыта заведомо некачественных товаров и услуг) активно используют вторую разновидность намеренной полуправды.

В-третьих, объективно, большинство экономических знаний являются опосредованными, то есть такими, в которых заключение с необходимостью следует из посылок, выражающих знания большей степени общности, и являются знанием меньшей степени абстрактности, то есть экономические знания мы приобретаем путем дедуктивных умозаключений. Дедуктивное умозаключение – «это некоторая мыслительная операция, посредством которой из некоторого количества заданных суждений выводится новое суждение, определенным образом связанное с исходным» [4: 40]. Умозаключение – «это форма мышления, когда из одного или нескольких суждений, на основании определенных правил вывода следует новое суждение» [там же]. В результате человек, далекий от высокого уровня профессиональной компетенции в области экономики, склонен логически правильные суждения считать истинным отражением действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ахманов А.С. Логические формы и их выражения в языке // Мышление и язык. – М., 1957. – С. 181.
2. Кривоносов А. Т. Язык. Логика. Мышление. Умозаключение в естественном языке. – М. – Нью-Йорк, 1996.
3. Ивин А. А. Строгий мир логики. – М., 1988. – С. 39.
4. Смирнов В. А. Логические методы анализа научного знания. – М., 1987. – С. 205.
5. Ларичев В. Д. Как уберечься от мошенничества в сфере бизнеса. – М., 1996. – С. 57-78.
6. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 1998. – С. 1242.
7. Райзберг Б. А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – М., 1999. – С. 405.
8. Юнацкевич П. И., Кулганов В.А. Психология обмана. Учебное пособие для честного человека. – СПб., 1999. – С. 86-106.

Н.В. Рубцова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры культуры русской речи
Нижегородского государственного
педагогического университета

ПУНКТУАЦИОННАЯ НОРМА КАК ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОДНОРОДНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье приводится теоретико-практическое обоснование структурно-синтаксической категории однородности; предлагается и иллюстрируется обобщающее пунктуационное правило для членов парадигмы этой категории, имеющих такое же оформление знаками препинания, как и однородных членов простого предложения.

N. Rubtsova

PUNCTUATION NORM AS THE REFLECTION OF HOMOGENEITY CATEGORY IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article gives practice-theoretical basis of the structure-syntactical category of homogeneity. The author offers and illustrates the unifying punctuation rule for the paradigm members of this category, which have the same punctuation detachment as homogeneous members of a simple sentence.

Пунктуационная норма осваивается обучаемыми продуктивнее, если она отражает закономерное в знании и если она представлена системно. Системность знаний в русском языке отражается, в частности, в его категориях. Размышления автора статьи о категоризации (систематизации) языковых явлений, пройдя апробацию на проблемных семинарах по русскому языку и выступлениях на научно-практических конференциях, нашли отражение в ряде публикаций [1, 2, 3].

В предлагаемом материале, систематизируя знания в области синтаксиса, мы обоснуем как с точки зрения теории, так и с точки зрения пунктуационной нормы существование в русском языке структурно-синтаксической категории однородности – в школьных учебниках по русскому языку мы читаем лишь об однородных членах предложения (ОЧП) и однородных придаточных; продемонстрируем, как формируется эта категория; затем на основе мотивированности лингвистической терминологии найдем объяснение номинации этой категории словом “однородность” и предложим обобщающее пунктуационное правило, которое для компонентов категории однородности проиллюстрируем примерами.

Категоризация – один из способов систематизации знаний. В толковых словарях «категория», вслед за Кантом, определяется как родовое понятие, обозначающее наиболее общий разряд явлений, предметов или их признаков, то есть процесс категоризации представляет собой результат отнесения слова (объекта) к более общему классу (группе) [4].

О категоризации языковых фактов как способе описания системности языка известный русский лингвист В.В. Виноградов писал: «...описание строя

современного русского литературного языка – это... воспроизведенная на плоскости история фонетических явлений и грамматических категорий» [5]. Грамматическая категория большинством современных лингвистов определяется как единство *формально* выраженных *грамматических значений*, находящихся в отношении *противопоставления* [6; 7 и др.].

Это определение основывается на толковании грамматических категорий в классическом языкознании. Л.В. Щерба о противопоставлении грамматических значений как основе категоризации писал: «Признаки, выразители категорий могут быть положительными и отрицательными: так, «неизменяемость» слова, как *противоположение* «изменяемости», также может быть выразителем категории, например, наречия» [8]. Говоря о выразителях грамматических значений ученый в другой статье пишет: «Какие же категории надо искать? Надо искать те категории, которые *нашли свое выражение ... в синтаксических формах в широком смысле этого слова*» [9], то есть «внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные: ... окончания, фразовое ударение, *интонация*, порядок слов и т.д.» [8: 64] (курс. – Н.Р.).

Итак, чтобы убедить читателя в существовании структурно-синтаксической категории «однородности», мы должны доказать, что грамматическое значение «однородности» свойственно целой группе синтаксических явлений в отличие от других, не обладающих данным свойством, а также убедиться в существовании «выразителей» значения однородности.

С целью теоретического обоснования категории «однородности» русского языка, проведем дефинитивный анализ общеупотребительного слова «однородный», которое стало источником для терминологического обозначения «*однородных* членов предложения» и «*однородных* придаточных».

Известно, что особенностью терминологии русского языка является её мотивированность, поэтому, найдя сему-источник для обозначения понятия «однородности», мы сумеем сформулировать основания для объединения в класс однородных реалий и других, кроме известных по учебникам, синтаксических явлений русского языка.

Приведем значения общеупотребительного слова «однородный», которые мы обнаружили в различных словарях.

1. «Однородный – относящийся к том же роду, разряду; **сходный** (*однородные явления; Однородные члены предложения* – в грамматике: выполняющие в предложении одинаковую синтаксическую функцию» [10].

2. «Однородный – относящийся к одному и тому же роду, разряду; одного и того же характера; **сходный**. *Однородные члены предложения* (грамм.) – члены предложения, выполняющие в предложении одинаковую синтаксическую функцию»;

«Однородность – свойство по знач. прил. Однородный; *однородность состава. Однородность условий* [11].

3. «Однородный – относящийся к одному и тому же роду; одного и того же характера; **сходный**, однотипный. *О-ые понятия. О-ые члены предложения* (лингв. – члены предложения, выполняющие в предложении одну и ту же синтаксическую функцию)» [12].

Как видим из определений слова «однородность», одним из его семантических множителей является значение «**сходный**». В чем же **сходны** однородные члены предложения? Традиционно однородными, в отличие от других,

называются члены предложения, которые выполняют *одну и ту же синтаксическую функцию* и отвечают на *один и тот же грамматический вопрос*. Правила расстановки знаков препинания между ОЧП зависят от того, соединяются ли они только интонационно или также союзами – и какими.

Однородными в школьной грамматике, кроме того, называются не только члены простого предложения, но и придаточные предложения в структуре сложного, если они имеют *одинаковое грамматическое значение* и, «как и однородные члены предложения, произносятся тоном перечисления; между ними могут быть сочинительные союзы» [13].

К сожалению, несмотря на то что правила пунктуационного оформления однородных придаточных «полностью совпадают с оформлением однородных членов предложения» [14, 15], учебники по русскому языку не предлагают общего правила пунктуационной нормы для этих синтаксических компонентов (СК).

Более того, известно, что есть еще достаточное количество синтаксических компонентов, которые тоже пунктуационно оформляются подобно ОЧП, хотя и не отвечают на один и тот же грамматический вопрос.

Так, ещё в 1962 году проф. В.Ф. Иванова писала: «Но вот сравнительно недавно закрепилось в нашей пунктуации правило об объединяющей смысловой роли *общего* для простых предложений с союзом **И** *второстепенного члена предложения, вводного слова, а также объединяющей роли побудительной, восклицательной и вопросительной интонации*. В таких случаях *запятая перед союзом И, хотя он соединяет самостоятельные простые предложения, не ставится*» [16] (курс. – Н.Р.).

В современных учебниках по русскому языку внимание на это явление обращается по-прежнему: «Если в сложносочиненном предложении с одиночным соединительным или разделительным союзом имеется *общий второстепенный член предложения*, относящийся к обоим предложениям, то *запятая между ними не ставится*» [15: 9] (курс. – Н.Р.).

Ещё о более частных случаях отсутствия запятой в сложносочиненном предложении пишет Д.Э. Розенталь, развивая идеи рецензента своей книги В.Ф. Ивановой:

«Запятая в сложносочиненном предложении не ставится:

– если *сложносочиненное* предложение состоит из *неопределенно-личных* предложений и в каждом из них мыслится *один и тот же производитель действия*, например: Стали искать черкесов во всех углах **и**, разумеется, *ничего не нашли* (Лермонтов);

– если *сложносочиненное* предложение состоит из *безличных предложений*, *сказуемые* которых *содержат синонимичные слова*, например: Не нужно злоупотреблять цеховой терминологией или же следует объяснять термины (Горький);

– если *общим для двух простых предложений* в составе сложного является *третье предложение*, предшествующее им и связанное с ними *бессоюзной связью*, например: Он чувствовал себя нехорошо: тело было слабо **и** в глазах ощущалась тупая боль (Куприн)» [17] (курс., подч. – Н.Р.).

Подобие расстановки знаков препинания в приведенных примерах с пунктуационным оформлением ОЧП заставило автора статьи задаться вопросом о том, нет ли объединяющего начала для приведенных синтаксических конструкций в самом понятии однородности.

Обратимся ещё раз к семантическим множителям слова «однородный» и, используя одну из его основных сем «сходный», запишем парадигму синтаксических компонентов, сходных между собой на основании какого-либо признака:

- *однородные члены простого предложения **сходны** по синтаксической функции и объединению перечислительной интонацией;*
- *однородные придаточные **сходны** по своему грамматическому значению и объединению перечислительной интонацией;*
- *неопределенно-личные предложения в структуре сложносочиненного предложения **сходны** тем, что в них мыслится один и тот же производитель действия;*
- *простые предложения в структуре сложносочиненного **сходны** в том, что предложения передаются побудительной интонацией;*
- *простые предложения в структуре сложносочиненного **сходны** тем, что имеют общий второстепенный член предложения;*
- *простые предложения в структуре сложного **сходны** в том, что к каждому из них имеет отношения общее придаточное предложение;*
- *простые предложения в структуре сложного **сходны** в том, что имеют общее вводное слово, словосочетание или предложение и т.д.*

Теперь, если перейти от семы «сходный» к синонимичной и более привычной семе «однородный», мы можем говорить, что в русском языке существует явление однородности. Но, чтобы этому явлению мы могли придать статус категории, необходимо, как отмечалось выше, доказать, что определенная группа элементов русского языка обладает общим грамматическим значением в противопоставлении другим, не обладающим этим свойством, и существуют «выразители» этого общего грамматического значения.

Сформулируем сначала для членов рассмотренной парадигмы понятие *общего грамматического значения*: если два (или более) синтаксических компонента (слова, словосочетания, предложения) находятся в однотипных отношениях с каким-либо элементом предложения (словом, словосочетанием, предложением, интонацией), то мы можем говорить, что исходные синтаксические компоненты обладают общим грамматическим значением *сходства*, или *однородности*. *Выразителями* этого грамматического значения сходства является прежде всего перечислительная интонация, а также слова, словосочетания, предложения (грамматические элементы предложения), по отношению к которым находятся в однотипных отношениях синтаксические компоненты однородного ряда в его широком понимании.

Предложенные размышления позволяют сформулировать обобщающее правило оформления однородных синтаксических компонентов: «Если синтаксические компоненты (от слова до отдельного простого предложения) *сходны, одинаковы* в чем-либо по отношению к какому-либо элементу в предложении (слову, синтаксической конструкции, интонации), мы их считаем однородными и осуществляем их пунктуационное оформление в соответствии с расстановкой знаков препинания между однородными членами предложения.

Теперь проиллюстрируем это правило, обратившись к некоторым схемам расстановки знаков препинания между однородными членами простого предложения. Примеры мы будем брать из учебников Т.А. Костяевой, Г.М. Чурикова «Сборник диктантов»; Н.С. Валгиной «Трудные вопросы пунктуации»; Д.Э. Розенталя «Пунктуация и управление в русском языке».

Поскольку вопросы о расстановке знаков препинания между ОЧП возникают чаще всего при союзной связи однородных синтаксических компонентов с соединительными и разделительными союзами, на страницах этой статьи обратимся лишь к соответствующим примерам, и в связи с ограниченным объемом публикации их количество будет небольшим.

1. ОЧП соединены не только **интонационно**, но и **союзами**.

Покажем однотипность пунктуационного оформления как ОЧП, так и других компонентов категории однородности при различных графических схемах, выделяя однородные СК курсивом, а жирным шрифтом – тот элемент в предложении, к которому в сходных отношениях находятся однородные синтаксические компоненты. Обратимся к первой из них:

и
да(и)
или
либо

О и О, где **и** = {**одиночным союзам**

1.1. – ОЧП являются **не обособленными членами простого** предложения: **подл.** – У зазнайки Егорки *похвалы да отговорки*; **доп.** – При царе Алексее Михайловиче бунтовщикам **выжигали** на лбу *знак «буки» или букву «б»*, и их прошлое навсегда оказывалось написанным на лбу (по Л.Т. Григорян);

- **ОЧП** в **простом** предложении представляет собой **обособленные** члены предложения: **обст.** – От Урала до Дуная, до большой реки, *колыхаясь и сверкая*, движутся полки (Л.); **согл. опр.** – В зеленоватом **небе**, *чисто выметенном ветром и вымытом дождями*, таяло, не грея, утомленное солнце осени (М. Г.); **распр. прилож.** – Чапаев с Федором, *тесные друзья и неразлучные работники*, у себя на квартире бывали редко... (Фурм.).

1.2. однородными в **сложном** предложении являются:

- **части сложносочинённого** предложения по отношению к общему слову или словосочетанию в предложении: **к обст.** – После грозы *все блестело и сверкало и дышалось легко* (Фад.) (в этом примере мы видим одиночные союзы, объединяющие два однородных ряда); **к доп.** – У Ивана Ивановича *большие выразительные глаза табачного цвета и рот несколько похож на букву ижицу* (Н.В. Гоголь); **к словам в виде разнообразных частиц.** – Между тем *луна начала одеваться тучами и на море поднялся туман* (Л.); **к вводным словам и конструкциям.** – Как это часто бывает, *вспоминается хорошее и забывается плохое*;

- **придаточные по отношению к общему главному предложению:** **прид. изъясн.** – Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, *каково ее здоровье и как она почивала* (А.С. Пушкин); **прид. опред.** – В том краю, *где желтая крапива и сухой плетень*, приютились к вербам сиротливо избы деревень (С. Есенин);

- **два простых предложения в структуре сложного сходны** в своем отношении к общей интонации: **к вопрос.** – Это кто такие и что им надобно? (А.С. Пушкин); **к побуд.** – Подпустить врага и огонь дать по команде! (Фурманов); **к восклиц.** – Как часто мы собирались вместе и какие вели интересные беседы!

- **два простых предложения в сложном сходны** тем, что имеют отноше-

ние к одному и тому же предшествующему предложению, которое соединено с ними бессоюзной связью. – *Берегов не видать: их скрыла ночь и оттолкнули куда-то широкие волны разлива* (Горький);

– сходны два односоставных предложения в сложном: **неопр.-личн.**, если мыслится один и тот же производитель действия. – *Подсудимых тоже куда-то выводили и только что ввели назад* (Л. Т.); **безличн.**, имеющие синонимичные слова в сказуемых. – *Необходимо рассмотреть авторские заявки и надо срочно составить* по ним заключения; **назывн.** – *Смрад и копоть* (Некрасов).

Как видим из примеров, аналогия расстановки знаков препинания между компонентами категории однородности для этой графической модели ОЧП носит регулярный характер, что мы и хотели продемонстрировать.

2. Рассмотрим пунктуационное оформление разнообразных компонентов категории однородности для второй графической схемы ОЧП –

(О,...), О, О и О:

2.1. – ОЧП являются **необособленными** членами простого предложениями: **сказ.** – *Шары* чугунные повсюду меж ними *прыгают, разят, прах роют и в крови шипят* (А.С. Пушкин); **доп.** – Но это уже **начало стужи, метелей и** долгой мертвой зимы (Н. Телешов);

– ОЧП в простом предложении являются **обособленные** члены предложения: **несогл. опред.** – Русый, *с кудрявой головой, без шапки и с растегнутой на груди рубахой*, Дымов казался красивым и необыкновенным (Ч.); **прилож.** – Виктор Быстров, *молодой инженер, сослуживец Николая Николаевича и его приятель*, встретил их необычайной новостью (Фад.).

2.2. **однородными** в сложном предложении являются:

– **части сложносочинённого** предложения **по отношению к общему слову или словосочетанию** в предложении: **к обст.** – *Всю ночь стучали топоры, по-ыхали костры и трещали смоляные факелы* (А. Г.);

– **придаточные по отношению к главному:** **изъясн.** – Глеб не заметил, *как наступило утро, как пробудились куры и голуби и как затем мало-помалу все ожило вокруг* (Григорович).

Выше мы рассмотрели наиболее часто встречающиеся синтаксические конструкции, содержащие компоненты категории однородности, с соединительными и разделительными союзами.

3. Теперь проверим однотипность расстановки знаков препинания между однородными СК в синтаксических структурах, которые используются не столько в повседневной речи, сколько как средство синтаксической выразительности.

Графически эти конструкции выглядят так:

	и
	или
<i>и О, и О, и...</i>	да (и)
<i>О, и О, и О, и..., где и = любому повторяющемуся союзу</i>	{ то
	либо
	не то
	ни

3.1. ОЧП являются **необособленными** членами простого предложениями: **доп.** – Мне мало **надо!** *Краюшку хлеба, и каплю молока, да это небо,*

да эти облака! (В. Хлебников).

3.2. однородными в сложном предложении являются:

- **однотипные придаточные: изъясн. прид.** – Он теперь знал, что такое бой, и что такое смерть, и что такое страх (Фадеев); **прид. врем.** – Он раздражителен и когда здоров, и когда болен (М. Г.);

- **назывные предложения.** – Осинник зябкий, да речушка узкая, да синий бор, да желтые поля (Сурков).

Итак, мы увидели, что пунктуационная норма для большой совокупности сходных в чем-то синтаксических реалий является однотипной. Это позволяет говорить о категориальном характере явления однородности, а использование на занятиях по русскому языку предложенного правила убеждает в продуктивности избранного приема. В связи с этим хотелось бы надеяться, что размышления, которыми автор поделился с читателем, заинтересуют как лингвистов, так и методистов русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рубцова Н.В. Категории языка как отражение его системности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Сер. Филология. Выпуск 1(6). – Н.Новгород, 2005. – С.150 – 155.

2. Рубцова Н.В. Категория однородности как средство выразительности в художественной декламации // Синтез в русской и мировой художественной культуре: Тезисы науч.-практ. конф. – М., 2000. – С. 160-161.

3. Рубцова Н.В. Языковые категории как средство формирования доступности лингвистических знаний // Этнофилология в вузе и школе. – СПб., 2000. – С. 154-159.

4. Семантика и категоризация. – М., 1991. – С. 5.

5. Из трудов А.А.Шахматова по современному русскому языку: Учение о частях речи. – М., 1952. – С. 5.

6. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: В 3-х ч. – Ч. 2. Словообразование. Морфология. – М., 1981. – С. 85-86.

7. Будагов Р.А. Очерки по языкознанию. – М., 1953. – С. 148-150.

8. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 66.

9. Щерба Л.В. Новейшие течения в методике преподавания родного языка // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 54.

10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1975. – С. 406.

11. Словарь русского языка АН СССР в 4-х томах. – Том 2. – М., 1986. – С. 595.

12. Большой толковый словарь русского языка. – СПб, 2000. – С. 702.

13. Греков В.Ф., Крючков С.Е., Чешко Л.А. Пособие для занятий по русскому языку в старших классах средней школы. – М., 1983. – С. 219.

14. Валгина Н.С. Трудные вопросы пунктуации. – М., 1983. – С. 86.

15. Русский язык: Учеб. для 9 кл. общеобразовательных учреждений / С.Г. Бархударов и др. – М., 1996. – С. 54.

16. Иванова В.Ф. История и принципы русской пунктуации. – Л., 1962. – С. 24-25.

17. Розенталь Д.Э. Пунктуация и управление в русском языке. – М., 1988. – С. 125-128.

Л.А. Синько,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории методик начального образования
Армавирского государственного педагогического университета

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ: КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД

Местоимения в русском языке образуют особый лексико-грамматический класс, который по совокупности и разнообразию присущих ему свойств занимает уникальное положение в русском языке. Местоимения, как правило, соотносены с носителями определенных значений, входящих в состав других предложений или даже с целыми предложениями или фрагментами текста. Они являются не только заместителями имен, но и сигналами общей темы. Местоимения участвуют в выражении связности в условиях дискурса и текста.

L. Sinko

THE ROLE OF PRONOUNS: COMMUNICATIVE-DISCOURSE APPROACH

Pronouns in the Russian language form a special lexical-grammatical class, which due to their various and typical characteristics, take a unique and peculiar place in the system of the language. Pronouns, as a rule, correspond to the bearers of the meanings, which are incorporated into the structure of other sentences, or even in to the whole sentences or the fragments of the text. They are not the substitute to the nouns, adjectives, but the indication of a common theme. Pronouns partici-pate in the process of coherence in the discourse and the text.

Характерные черты местоимений как слов особого класса состоят в том, что они обычно обнаруживают одновременно свое присутствие не на одном внутрипредложенческом уровне, а на нескольких уровнях.

Даже при изолированном употреблении местоимения обнаруживается его тесная связь и тонкая зависимость от условий, от ситуации высказывания. В этом нетрудно убедиться, рассмотрев синонимические ряды местоимений, поскольку в условиях синонимии каждый из элементов ряда обнаруживает свои особые признаки, отражающие его уместность или неуместность в условиях дискурса. Некоторые местоимения образуют синонимические ряды, включающие в свой состав близкие по значению местоименные слова, которые, однако, имеют специфические различия в значениях и в стилистическом использовании, оправдывающие их сосуществование в системе языка. Эти тонкие различия можно установить путем сопоставления синонимичных местоимений в различных речевых ситуациях. В качестве примера можно привести синонимический ряд, включающий местоимения *каждый, любой, всякий, всяческий, какой-нибудь, какой-либо, какой угодно*. Доминантой в этом ряду выступает местоимение *каждый*, которое имеет наиболее высокую употребительность и сочетаемость. Это слово является определительным местоимением и в качестве местоимения-прилагательного имеет значение: один из ряда подобных, который взят подряд, без исключений, без пропусков, причем предметы, к кото-

рым оно применяется, вместе составляют единую совокупность (*каждый* ученик класса, то есть все ученики; пометки на *каждой* странице книги, то есть на всех страницах, составляющих книгу).

Местоимение *всякий* во многом сходно с *каждый*. Оно не имеет значения без пропуска, без исключения и по смыслу означает *безразлично какой, но относящийся к данной совокупности*, более употребительно в разговорной речи. Производное от него *всяческий* включает сему неодинаковый, разнообразный.

Местоимение *любой* означает взятый без выбора, независимо от его отличительных признаков, входящий в некоторую совокупность (*любой* человек может этого достигнуть, независимо от его пола, возраста, образования и др. признаков; ср. *какой угодно*).

С определительными местоимениями этого ряда сближаются по смыслу неопределенные местоимения *какой-угодно, какой-нибудь, какой-либо*, которые имеют тонкие стилистические различия и характеризуются общей особенностью: взятый без преднамеренного выбора или предпочтения говорящего (дайте мне *какую-нибудь, какую угодно, какую-либо* книгу об Африке).

Все названные местоимения могут сочетаться с различными конкретизаторами, определяющими границы совокупности, к которой относятся предметы, указываемые этими местоимениями (ср. *каждый, всякий, любой, какой угодно* из числа студентов).

Благодаря их референциальной способности они, как правило, соотносены с носителями определенных денотативных значений, входящих в состав других предложений или даже с целыми предложениями или фрагментами текста. Они служат не только заместителями имен, находящихся за пределами данной предикативной единицы, но и сигналами некоторой общей темы, объединяющей ряд высказываний.

Единство темы может поддерживаться благодаря тому, что местоимения, относящиеся к различным разрядам, обладают соотносительностью между собой по их релятивным связям. Так, местоимение «я» соотносится внутри падежной парадигмы с «меня», «мне», «мной» и т.д., а за пределами этой парадигмы соотносены с «наш», «по-моему», «по-нашему», «свой». С этими местоимениями в тексте могут вступать в корреляцию «такой», «этот» и др. То же можно сказать и о местоимениях других разрядов и групп.

Различные группы местоимений и отдельные местоименные слова могут денотативно соотноситься с единицами различной сложности, протяженности и различного синтаксического и семантического статуса: а) со словом, б) со словосочетанием любой сложности, в) с полупредикативным детерминантом, г) с предикативной частью сложного предложения, д) с предложением в составе сложного синтаксического целого, е) с фрагментом текста любой протяженности, ж) с внеязыковой ситуацией и т.д.

При осуществлении этих связей и соотношений каждое местоимение и каждая местоименная группа обладает определенным потенциалом. Здесь обнаруживается зависимость заместительных и релятивных способностей местоимений, свойств местоимений от их принадлежности к местоимениям-существительным, местоимениям-прилагательным и т.д. и их соотношенность с исходными местоименными словами. Ткань межфразовых связей в тексте проявляется не только в том, что на границе между контактирующими предложениями существуют скрепы союзного или союзоподобного характера, которые

сшивают предложения в тех местах, где они между собой соприкасаются. Существуют и скрепы дистантного характера, как, например, местоимения, которые связывают части текста не формально, а по смыслу.

С.Е. Крючков и Л.Ю. Максимов, говоря о роли соотносительно-указательных слов в сложноподчиненном предложении, называют их «представителями придаточного предложения в главном» [1].

Своеобразие соотносительно-указательных, как и некоторых других слов из состава местоимений, заключается в том, что они по своему референциальному объему соотносительны с отдельным словом, словосочетанием другого предложения или служат показателями связи с целыми фрагментами текста. Поэтому они по-иному «представляют» в своем предложении о соотносительных с ними словах или предложениях, находящихся за его пределами. Но при этом их соединительно-связочная роль в тексте и в передаваемой им дискурсивной ситуации не вызывает сомнения. В этом можно убедиться при рассмотрении уже приведенных примеров и при анализе любых других связанных текстов.

Чтобы проиллюстрировать роль местоимений в связном тексте, их участие в соединении составляющих его предикативных частей, обратимся к известному примеру из нашей классической литературы: «И *какой* же русский не любит быстрой езды? *Его* ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт поberi *все!*» – *его* ли душе не любить *ее*? *Ее* ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках *своих* кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит *вся* дорога невеста *куда* в пропадающую даль...» (Н.В. Гоголь. Мертвые души).

Из 84 слов местоимениями являются 14, что составляет 16,6%. Они как бы прошивают текст в разных направлениях, нередко соотносясь и с теми денотатами, которые находятся за пределами приведенного отрывка. С их помощью достигается более плотное объединение формально самостоятельных предложений в единое целое и обслуживание внутрипредложенческих потребностей одновременно. И в этом фрагменте текста проявляется бифункциональность и даже полифункциональность местоимений. Этим свойством они отличаются от союзов. Союзы служат для соединения контактирующих синтаксических единиц – синтаксем, словосочетаний, предикативных единиц внутри сложного предложения или отдельных предложений в составе сложного синтаксического целого. Местоимения могут сигнализировать о существовании связанности и дистантно расположенных слов, предложений и частей текста. Союзы обычно связывают отрезки с разными денотативными значениями. Местоимения используются для объединения элементов, которые в каком-нибудь отношении одинаковы или аналогичны между собой, но при этом один является номинативно обозначенным, а другой находится с ним в референтных отношениях. Названные особенности местоимений нетрудно заметить в приведенном отрывке из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя.

Эти функциональные особенности местоимений проявляются и в повседневной речи, как в следующем монологе: «На этой улице построили высокий дом, а на той – такой же, но тот немного ниже, чем этот. Тут живут мои знакомые, а там – хорошие магазины и ваши родители». Как видно, местоимения

могут активно маркировать оппозитивные отношения. Но ведь оппозитивные отношения между содержанием синтаксических единиц – это не что иное, как специфическое выражение связей между ними, как проявление своего рода синтаксической антонимии, которая, с одной стороны, подчеркивает сопоставленность и даже противопоставленность составляющих ее элементов, а с другой стороны, свидетельствует об их дискурсивной несамодостаточности, о том, что они в полной мере воспринимаются только вместе, как части единого целого, связанные между собой.

Участие местоимений в выражении связности в условиях дискурса и текста иногда определяют как дейктическую когезию, которая существует в языке наряду с другими способами выражения связности на высших ярусах синтаксиса. Так, Т.В. Милевская выделяет дейктическую когезию наряду с лексической и грамматической и подчеркивает разнообразные проявления функций местоимений при реализации различных референциальных соотношений (отношений соотносительности), реализуемых различными группами местоимений в дискурсе и тексте [2]. Н.Ю. Шведова пишет, что смыслы, oznaчаемые местоимениями и дифференцируемые средствами языковых множеств, «скрепляют собой изобразительное полотно языковой картины мира» [3].

М.В. Панов, подвергнув местоимения анализу с точки зрения позиционной морфологии, приходит к мысли о необходимости «дезаурирования местоимений» как части речи. Он пишет: «Местоимения не должны претендовать на звание частей речи; правы лингвисты, утверждающие (вслед за Ф.Ф. Фортунатовым), что местоимения – не грамматическая, а лексическая группа слов» [4].

Однако это не снижает исключительно важной роли местоимений в языковой системе, в частности, в системе русского языка. По мнению В.Б. Евтюхова, «местоименные слова – один из важнейших компонентов языковой системы, без осмысления места и функций которого представление о последней не может быть точным и полным» [5].

В процессе общения на долю местоимений приходится осуществление и контактоустанавливающей функции. Процесс коммуникации можно рассматривать как взаимодействие концептуальных систем отправителя и получателя речи, которое Ю. Лотман обозначил как перевод с языка моего «я» на язык твоего «ты» [6].

Приведенный нами анализ функций местоимений, проявляющихся в различных сферах языковой системы, подтверждает высказанное нами положение о том, что местоимения в русском языке образуют особый лексико-грамматический класс, который по совокупности и разнообразию присущих ему свойств действительно не укладывается в рамки какой-либо одной части речи, а занимает совершенно уникальное положение в системе языка. В то же время этот анализ дает основания не считать местоимения только лексической группой слов, поскольку им присущи такие динамические свойства и признаки, которые позволяют утверждать, что местоимения являются носителями не столько лексических, сколько грамматических, релятивных и категориальных функций, чем и обусловлено их совершенно особое место и положение в системе языка. Определяя роль местоимений в системе языка, П. Гард пишет: «Грамматика языка предстает перед нами как единство, состоящее из грамматики не-местоимений и грамматики местоимений. Причем вторая имеет от-

нюдь не меньшее значение, напротив, во многих отношениях она даже более поучительна, чем первая» [7]. Такое противопоставление грамматики местоимений грамматике языка в целом является, конечно, фигуральным, но оно служит еще одним подтверждением той исключительной роли, которую выполняют местоимения в языковой системе в целом и какого внимания заслуживает их всестороннее изучение. Это тем более существенно, что система местоимений выполняет еще одну исключительно важную функцию. По мнению Э. Бенвениста, дейктические средства призваны «служить инструментом для обращения языка в речь». Дейктические слова – это своего рода «подвижные определители», приложимые к любому референту. Иными словами, местоимения служат одним из важнейших инструментов реализации взаимодействия социоцентрического и антропоцентрического планов общения [8].

Следует обратить внимание на функционирование местоимений в диалоге.

Характерной особенностью диалогических реплик можно считать присутствие в их структуре авторских ремарок, имеющих значение различных квалификаторов и местоименных вкраплений. Слова автора могут предшествовать реплике персонажа, следовать за ней или внедряться в ее структуру, прерывая ее. Эти включения представляют собой или межфразовые вставки, или они являются (со структурной точки зрения) аналогами вставных предложений. Отличие от последних состоит в том, что они служат для установления связи реплики персонажа с текстом в целом или для комментирования ее в том или ином плане. Весьма часто авторские ремарки содержат местоимения, указывающие на авторство реплики ее адресата.

Служа типичным средством введения и характеристики диалогических реплик, авторские ремарки между собой или с частями авторского текста могут находиться в отношениях дейктической когезии, причем местоименные показатели связности и в таких условиях являются преобладающими в сравнении с союзными.

Прагматическая значимость местоимений в диалогических репликах оказывается выше, чем в повествовательных текстах, поскольку содержательная сторона в диалоге проявляется в констатирующих репликах, служащих друг для друга минимальным и достаточным контекстом. В связи с этим заслуживает рассмотрения соотносительная частотность употребления различных разрядов местоимений. Так, в частности, в диалоге более употребительными оказываются те личные, притяжательные и указательные местоимения, которые отражают антропоцентрическую сторону общения.

Текст представляет линейную последовательность информации, которая кодирует пространственную картину, отражаемую языком и речью. В этой информации есть опорные пункты, на которые опирается вся линейная последовательность. Остальные фрагменты информации располагаются либо препозитивно, составляя левую пропозицию, образуя правую интенцию. Первая является предсказующей (в нашей терминологии катафорической), а правая – поясняющей, развивающей (в нашей терминологии анафорической). Для русского языка более характерна вторая, что находит проявление и в расположении элементов конструкций с местоимениями: – «Заказное из Ростова для товарища Житкова – Для товарища Житкова? Извините, нет такого. – Где же этот гражданин?...».

Местоименные формы *такого* и *этот* не только замещают референтное для них слово, но и поддерживают тему диалогического единства.

Другая особенность функционирования местоименных слов в репликах диалога состоит в том, что его участники из всех возможных, иногда очень многочисленных значений местоимений имеют в виду только те, которые относятся непосредственно к именно тем значениям, которые заданы ситуацией высказывания и значением того опорного слова, на которое опираются значения анафорических местоимений.

В пределах диалогического единства местоимения служат средством реализации дейктической когезии, которая может проявляться в последовательностях различной синтаксической протяженности. Она может отражать связность двух и более реплик диалога, и даже то пространство авторского текста, в которое входит диалог. Референтная соотносительность местоимений, как правило, сохраняется, если участники диалога возвращаются к предмету своего обсуждения после фрагментов авторского текста.

В диалогическом единстве важную роль могут иметь вопросно-ответные отношения, касающиеся субъектов действия, объектов речи, непосредственно действий участников или третьих лиц, различных признаков, количеств, всевозможных обстоятельств и состояний. Иными словами, в диалогических единствах практически нет каких-либо ограничений как в выборе предметов обсуждения, так и соответствующих им синтаксических форм местоимений. Однако в построении вопросительных реплик диалога имеются свои особенности, связанные с тем, что местоимения с вопросительной семантикой, отражающие содержание вопроса, обычно находятся в препозитивной реплике и занимают в ней сильную позицию, проявляющуюся в том, что они несут на себе логическое ударение и располагаются в позиции ремы, обозначают нечто неизвестное, требующее разъяснения. В ответной реплике слово, соответствующее вопросительному местоимению, обычно занимает позицию темы и ему дается дефиниция. Местоимение в вопросительном предложении выполняет катафорическую роль по отношению к его референту, находящемуся в ответном предложении.

Сложившееся разграничение монологической и диалогической речи проявляется и в функционировании местоимений, которые в обеих разновидностях речи выполняют многообразные функции. Но прежде чем рассматривать эти функции, есть необходимость определить нашу позицию относительно объема понятия монологическая речь, поскольку с ним тесно соприкасается такое явление, как авторское повествование в художественных текстах и тексты тех стилей, которые находятся за пределами языка художественной литературы в силу их принадлежности другим стилям языка.

И авторское повествование в стилях языка художественной литературы, и тексты тех стилей и жанров, которые не входят в язык художественной литературы, обладают некоторой общей характерной особенностью, состоящей в том, что в них текст представляется общей семантико-синтаксической последовательностью, не прерываемой разделением по признаку принадлежности разным отправителям и разным получателям информации. Диалогическая речь, напротив, обладает расчлененностью по названным признакам, поскольку она представляет собой такую последовательность, которая состоит из фрагментов, имеющих взаимонаправленность, при которой имеет место постоянная смена ролей отправителя и получателя речи, ее адресанта и адресата. При этом нельзя игнорировать постоянное присутствие автора и возможное наличие дру-

гих участников общения, наличие которых переводит диалог в полилог. Все это влечет использование неодинаковых форм построения синтаксического построения реплик диалога.

Диалогическая речь обладает основными признаками дискурса, представленными в специфическом виде. К числу их, например, следует отнести наличие общей темы и общих предметов обсуждения. Местоимения служат удобными структурно-семантическими сигналами тематической общности реплик диалога. Благодаря их указательной и субституционной способности, они сигнализируют о присутствии объединяющего реплики денотативного значения.

Диалогическая речь характеризуется целым рядом признаков, обусловленных тем, что она осуществляется не одним, а двумя участниками, общающимися между собой. Именно диалог является простейшей моделью общения, условием реализации коммуникативной функции языка. Среди признаков диалога, имеющих непосредственное отношение к теме этой статьи, отметим наличие двух участников, которые попеременно выступают то в роли отправителя речи, то в роли реципиента. Независимо от того, какой удельный вес принадлежит каждому из них, они стимулируют друг друга, способствуют более полному и разностороннему раскрытию избранной ими темы. При взаимном понимании друг друга и того, о чем идет речь, появляется возможность не повторять в каждой реплике уже название ранее упомянутого предмета или понятия, а использовать для его обозначения соотносительные с этим названием местоимения, ставя его в ту синтаксическую позицию и употребляя его в той морфологической форме, которая обусловлена грамматическими условиями его употребления.

Использование в диалоге местоимений делает общение более живым и оперативным, повышает скорость обмена информацией. Это достигается в результате взаимной осведомленности участников диалога о семантике используемых местоимений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крючков С.Е. Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М., 1977. – С. 71-82.

2. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-прагматический и коммуникативно-функциональный аспекты). – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 175-204.

3. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М., 1998. – С. 10.

4. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999. – С. 172.

5. Евтюхов В.Б. Местоимение: Учебное пособие. (Материалы к курсу «Современный русский язык. Морфология»). – СПб., 2001. – С. 97.

6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1999. – С. 41.

7. Гард П. Структура русского местоимения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.15. Современная зарубежная русистика. – М., 1985. – С. 225.

8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. 2-е изд. – М., 2002. – С. 285-292.

З.Р. Хачмафова,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой немецкой филологии
Адыгейского государственного университета

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ЖЕНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Статья посвящена обзору современных научных подходов в исследовании женской языковой личности, репрезентированной в языке художественных текстов. Основные характеристики языковой личности выявляются на трех уровнях языка: вербально-семантическом, тезаурусном и мотивационно-прагматическом. Комплексный анализ всех уровней языковой личности дает представление о мировоззрении писателя. Лингвосоционический подход предполагает изучение текстовых ассоциативно-семантических полей, которые представляют проекцию концепта на индивидуальный лексикон, в состав которого входят все лексические единицы, составляющие ближайший контекст имени концепта.

Z. Khachmafova

TRENDS IN RESEARCH OF FEMININE LANGUAGE – CREATIVE PERSONALITY IN MODERN LINGUISTICS

The article is devoted to the review of the modern scientific approaches in studying of the feminine lingua-creative personality represented in the fiction. The main features of language personality are functioning on the three language levels: verbal-semantic level, level of thesaurus and motivational-pragmatic level. The integrated analysis of all the levels gives the view of the writer. Lingu-istic method includes studying of the textual semantic associated fields, forming the concept of the individual including all the words of the concept's name.

Специфика изучения женской языковой личности предполагает обращение к следующим новейшим лингвистическим теориям, понятиям и методам исследования, среди которых теория языковой личности; теория концептов как означенных смыслов, соотносенных с разными фрагментами реальной действительности; метод концептуального анализа; метод лингвосоционического моделирования (Комиссарова Л. М.) [1]; метод построения текстовых ассоциативно-семантических полей [2].

Теория языковой личности базируется на работе Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», в которой определяются основные параметры и целостная структура языковой личности. По мнению Ю.Н. Караулова, для выявления основных характеристик языковой личности особое значение приобретают три уровня владения языком [3]:

1) вербально-семантический уровень, элементами которого являются слова, грамматические, парадигматические, семантико-синтаксические, ассоциативные структуры, модели словосочетаний и предложений. Его структурную основу составляют *лексические единицы* с присущими им значениями и смыслами, а также сеть семантических и грамматических отношений между ними.

Лексикон – это лексико-грамматические знания человека, на основе которых строится языковая картина мира, а единицами лексикона являются слова, стереотипные сочетания;

2) тезаурусный уровень, когнитивный уровень языковой личности, отражающий понятийную картину мира, иерархию смыслов и духовных ценностей для людей, говорящих на одном языке, определяемый национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией. Он содержит знания человека о мире: ценностные ориентиры личности, знания культуры, искусства, науки, страноведческого характера, бытовые и т.д. Тезаурус отражает картину мира или мировоззрение личности. Единицами этого уровня являются обобщенные *понятия, концепты, идеи*, которые выражаются с помощью лексикона. В тезаурусе сконцентрирована ситуативно обусловленная информация, представленная через «схемы», «фреймы», «модели». Этот уровень считается базовым, так как он представляет сознание, мышление, память индивида. Данный уровень языковой личности напрямую связан с психологическими особенностями личности, поскольку хранит актуальную для индивида информацию (то есть энергетический код внешнего мира), представляет внутреннюю систему психологических приоритетов. Тезаурус личности – это совокупность понятийных категорий, лежащих в основе функционирования концептуальных систем личности.

3) мотивационно-прагматический уровень, прагматикой языковой личности, включающий устойчивые коммуникативные потребности и коммуникативные черты, порождаемые целями и мотивами; глубинный уровень языковой личности, «пронизывающий» остальные два уровня. В нем содержится информация об индивидуальных предпочтениях, оценках, мнениях и т.д. Прагматикон подразумевает субъективное отношение человека к миру, отраженное в языке. Он координирует коммуникативно-деятельностные потребности личности: необходимость высказаться, стремление воздействовать на реципиента письменным текстом, желание получить информацию от коммуниканта или из текста. Данный уровень является отражением межтипных психологических связей и отношений, выявляет *психологические стратегии* коммуникантов различных психотипов (социотипов).

Таким образом, комплексный анализ всех уровней языковой личности дает нам представление о мировоззрении человека. Мировоззрение – это результат соединения когнитивного с прагматическим, результат взаимодействия системы ценностей личности, картины мира с ее жизненными ценностями, целями, поведенческими мотивами, установками, проявляющимися, в частности, в порождаемых ею текстах.

Под воздействием интеграционных процессов в современной гуманитарной науке в рамках теории языковой личности Л.М. Комиссаровой был разработан метод лингвосоционического моделирования, применяемый при обучении русскому языку как иностранному. Понятийный аппарат можно применить и при анализе индивидуального лексикона языковой личности, например, языковой личности определенного автора (в контексте нашего исследования женской языковой личности).

В основе лингвосоционической методологии стоит фигура языковой личности, «наделенной информационно организованным сознанием», особого рода связью с миром, в котором соединены различные межсубъектные отношения:

человек – человек, человек – общество, человек – природа, человек – предметный мир.

Также предполагается, что «каждая языковая личность обладает predisположенностью понимать сообщение с определенным содержанием – логическим, эмоциональным, эстетическим» [4]. Отметим, что каждая языковая личность склонна передавать информацию определенного рода, свойственную ее психотипу, социотипу. Языковая система предоставляет языковой личности возможность индивидуальной, соционической интерпретации ситуации действительности,

Социокод, реализованный в тексте, отражает особенности использования языковой знаковой системы автора текста в процессе освоения реальной действительности. Вследствие этого текст, порождаемый личностью, можно рассматривать как форму социально-психологического взаимодействия в межличностных отношениях [5], которую можно связывать с результатом коммуникативной деятельности – пониманием, а также процессом, коммуникативным актом – конструированием объекта сообщения, соответствующего мировоззрению человека, в котором наиболее ярко проявляются размытие языковых стандартов, деавтоматизация представления, свойственная индивидуальной творческой языковой личности.

Мировоззрение личности напрямую связано с сознанием, представляющим собой «скоординированное единство прагматических и когнитивных структур. В эти структуры, вырастающие на наследственном базисе, укладывается и организуется собственный опыт индивида, тысячекратно обогащенный и скорректированный, благодаря языку, коллективным опытом человечества» [6].

Таким образом, в трехчленной структуре языковой личности просматривается возможность познаваемости уникального человеческого мышления и перспектива относительно точного коммуникативного декодирования порождаемых личностью текстов и, как следствие, гармонизации межличностного общения, построения успешной коммуникации, так как «сущность языка состоит не в том, что он нечто обозначает, а в том, что он нечто сообщает» [7].

Так как текст в рамках лингвосоционического исследования «является языковым сообщением о соционических свойствах его автора и информирует декодирующего о соционической норме в ее психологическом, языковом и информационном аспектах <...>, а текстовая деятельность языковой личности является средством согласования человека как природной самобытной системы, наделенной архетипической структурой сознания, с его социальной ролью», то к вышеперечисленным условиям гармонизации общения мы добавим и знание социокода, представляющего «языковую ситуацию, текстовую парадигму как «антропоцентрическую модель» [8].

Языковая система предоставляет языковой личности возможность индивидуальной интерпретации ситуации действительности через использование «особого типа языкового знака – пропозициональной установки» [9]. Смысловой разницей в этом случае является информация о соционическом коде индивидуума.

Для исследования языковой личности писателя актуально понятие «текстовое ассоциативно-семантическое поле», которое представляет проекцию концепта на индивидуальный лексикон, в состав которого входят все лекси-

ческие единицы, составляющие ближайший контекст имени концепта.

Если считать гипертекст кодовым образованием, состоящим из языковых знаков и представляющим разные уровни структуры личности (интеллектуальный, эмоциональный, психологический, языковой и т.д.), то для адекватного представления своей личности говорящему (пишущему) необходимо отобрать из лексической системы языка те средства, которые максимально точно отражают его внутреннее видение предмета, соотносятся со сформированными им понятиями.

Для анализа лексического представления психологического мира реальной языковой личности актуально понятие «текстовый концепт», связанный с формами художественного речевого мышления, репрезентируемыми языковыми единицами, отражающий национальные духовные ценности и художественно-образное мировосприятие писателя. Под текстовым концептом, вслед за Л.Н. Чурилиной, понимается «фрагмент картины мира, репрезентированной в рамках некоторого текста как замкнутой системы» [10].

Для анализа лексического представления психологического типа персонажей женской прозы используется понятие «художественный концепт», так как личностная психология является частью концептосферы внутреннего мира человека, персонажи романа – моделями языковой личности, которые функционируют в возможном мире текстового пространства и ограничиваются им.

Языковым представлением концепта является слово, которое можно рассматривать как «ключевое слово текста, развивающее некоторую идею» [11]. Подобное слово в терминологии Ю.Н. Караулова носит название *слова-идиоглоссы* [12]. Слово-идиоглосса принадлежит уровню значений и является наиболее выразительным показателем самобытных идиолектных черт, к которым относятся:

- полнота использования полисемантического потенциала слова общелитературного языка,
- статистическая или жанрово обусловленная предпочтительность тех или иных значений,
- употребление слова в новых, неизвестных литературному языку значениях [13].

Слова-идиоглоссы важны для идеологического уровня сознания языковой личности, они играют важную роль в творческом процессе продуцирования текста, входят в состав изобразительных средств, а также несут ключевые идеи миропонимания личности, характеризуют неповторимый идиостиль творческой языковой личности.

Согласно определению Ю.Н. Караулова, данному в «Словаре языка Достоевского», «идиоглосса – тематически выделенная единица текста, представляющая собой лексическое свидетельство его принадлежности диалогу культур по социологически, философски, эстетически значимым проблемам» [14]. Это единицы когнитивного уровня в структуре языковой личности, определяющие и маркирующие индивидуальную манеру процесса созидания текста, выражающие специфику языка и стиля автора. В тексте эти слова выделяются по принципу частотности, повышенной семантической нагруженности, они являются точками концентрации смысла и энергии идей автора.

Необходимость обращения к концептуальному анализу обусловлена внут-

ренной природой языка, а также принадлежностью субъекту сознания, которое является объектом исследования психологов. Выработанные сознанием понятия эксплицируются в текстовой деятельности на вербально-семантическом уровне, в лексиконе человека, отражающем особенности психологического типа, которые проявляются в выборе тем, лексем, коммуникативных стратегий, в формировании индивидуальных лексических парадигм, индивидуальных ассоциативных полей.

В центре текстового ассоциативно-семантического поля помещается слово-идиоглосса, имеющее повышенную семантическую значимость, вокруг него и формируются все текстовые ассоциативные реакции. Лексические единицы, составляющие поле, связаны с идиоглоссой парадигматически (отношения синонимии, антонимии, родо-видовые) и синтагматически, а также отмечаются ассоциативно-деривационные связи. В структурные подмножества текстовых ассоциативно-семантических полей входят текстовые лексико-тематические группы как «объединение семантически и тематически близких в рамках текстового фрагмента лексических единиц» [15].

Лексическими единицами текстового ассоциативно-семантического поля виртуальных языковых личностей становятся слова, принадлежащие персонажам или направленные на характеристики видов их деятельности. Лексическими единицами текстового ассоциативно-семантического поля реальной языковой личности становятся все концептуально значимые лексемы, принадлежащие авторам и представленные в текстах их произведений.

Таким образом, основой анализа психологических типов личности в произведениях современных женщин-писателей являются текстовые ассоциативно-семантические поля, согласующиеся с наполнением основных психологических каналов восприятия внешней информации, соответствующих психологическим типам героев. Каждое текстовое ассоциативно-семантическое поле имеет ядерную и периферийную части, которые могут не совпадать с общеязыковыми.

Ядро текстового ассоциативно-семантического поля возможно выделить, опираясь на комплексный – лингвистический и психологический – анализ языковых единиц. Схематически текстовые ассоциативно-семантические поля персонажей можно изобразить в виде пересекающихся концентрических кругов, взаимосвязанных друг с другом, как в рамках представления одной психологической личности, так и нескольких героев произведений женщин-писателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Комиссарова Л. М. Лингвосоционическая методология изучения языковой личности в русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук.- Барнаул, 2002.

2. Залогина Е.М. Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты: На материале романа “Бесы” и “Дневника писателя” Ф. М. Достоевского: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005.

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Л., 1987.

4. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. – М., 1992.

4. Комиссарова Л.М. Лингвосоционическая методология изучения

языковой личности в русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук.- Барнаул, 2002. – С. 8.

5. Комиссарова Л. М. Лингвосоционическая методология изучения языковой личности в русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук.- Барнаул, 2002. – С. 11.

6. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1997. – С. 30.

7. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. – М., 1980. – С. 22.

8. Комиссарова Л. М. Лингвосоционическая методология изучения языковой личности в русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук.- Барнаул, 2002. – С. 4–6.

9. Комиссарова Л. М. Лингвосоционическая методология изучения языковой личности в русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук.- Барнаул, 2002. – С. 9.

10. Чурилина Л. Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. – СПб., 2002. – С. 12.

11. Комиссарова Л. М. Лингвосоционическая методология изучения языковой личности в русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 2002. – С. 13.

12. Караулов Ю.Н., Гинзбург Е. Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта /Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М., 2001. – С. IX – XLVII.

13. Там же.

14. Там же.

15. Чурилина Л. Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. – СПб., 2002. – С. 24.

Т.М. Свиридова,
кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры теории и истории русского языка
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина,

КАТЕГОРИЯ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ В КОНСТРУКЦИЯХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Простые предложения являются актуальным средством выражения согласия/несогласия. В структуре простого предложения семантика согласия/несогласия заключена в предикативном ядре, актуализируется словами, которые вербализуют и локализуют носителя позиции и предмет речи согласия/несогласия, отражают разные типы значений, раскрывающих многообразный характер проявления ответной реакции в речевой деятельности.

T. Sviridova

THE CATEGORY OF AGREEMENT/DISAGREEMENT IN THE CONSTRUCTIONS OF SIMPLE SENTENCES

Simple sentences are an actual means of expressing agreement/disagreement. The semantics of agreement/disagreement is contained in the predicative core of the structure of a simple sentence, it is actualized by the words, which verbalize and localize the bearer of the position and the object of saying agreement/disagreement, express different types of meanings showing the various types of response reaction in communication.

Специфика конструкций простых предложений заключается в сочетании сказуемого с лексическими компонентами, определяющими предмет согласия/несогласия, в характере обозначения носителя согласия/несогласия, в усложнении предикативной единицы конкретизаторами, которые актуализируют ситуацию согласия/несогласия.

В речевом акте коммуникант подчинен нормам общения, и его позиция обуславливается разными типами информации. В результате в простом предложении сказуемое определяется денотатом имени существительного, и продуктивными структурами являются 'сказуемое' + предлог *с/на* + 'имя существительное'. Как правило, активно используются имена существительные *мнение, предложение, положение, трактовка, название, замечание, вывод, определение, решение, апелляция, оценка, критика, мораль, деяния* и т.п., выражающие суждение коммуниканта, формы речевой деятельности.

В реализуемых построениях *согласиться/согласен* и др. /*не согласиться/не согласен* и др. + предлог *с/на* + *имя существительное/местоимение* предлоги определяют предмет согласия/несогласия, который раскрывает коммуникативную ситуацию. «Объектная синтаксема – наиболее типичный способ выражения конкретного объекта, имеющего определенный референтный статус» [1].

В данных конструкциях предлог *с* указывает на лицо или предмет, на которые распространяется согласие/несогласие.

Имена существительные нарицательные и собственные, местоимения

обозначают лицо, с которым соглашаются/не соглашаются. Согласие/несогласие, направленное на определенное, актуализированное *лицо*, свидетельствует о доверии/недоверии к высказыванию партиципанта, о признании его правоты/неправоты относительно предмета речи: *Я согласен с Александром Георгиевичем* (В. Шаламов); *Не согласились они со мной* («Комсомольская правда». – 1997. – 14 августа).

Адресация входит в речевой акт [2], раскрывается через отношение к своему референту, становится основой для характеристики, может трансформироваться в функцию номинации предмета речи [3].

Предмет согласия и несогласия задает рамки их функционирования и указывает на обобщенные емкие знания, определяемые соответствующими маркерами (ср.: *Согласен/не согласен с математикой; книгой; единым государственным экзаменом* и т.п.), на позицию другой стороны (маркеры *трактовка, мнение* и т.п.) (ср.: *Не согласен с трактовкой Флоренского* (Б. Успенский); на результат действий (ср.: *решение*): *Главная военная прокуратура не согласилась с решением суда* («Комсомольская правда». – 1999. – 16 октября); на оценку действий (*апелляция, критика*): *Судьи согласились с апелляцией «Феррари»* («Комсомольская правда». – 1999. – 26 октября); *Николаев с критикой Ельцина не согласился* («Комсомольская правда». – 1999. – 21 сентября).

В конструкциях предлог *на* актуализирует предмет согласия/несогласия. Выбор предложения затрагивает интересы адресата. В конструкции намерение коммуниканта эксплицируется лексемой *предложение*: *Они согласились на мое предложение* (В. Катаев).

В речевом акте ответная конструкция включает местоимения *это, такой, все*, которые заключают в себе указание на предмет согласия/несогласия и «дают возможность избежать повторения» [4]: *Андрей Белый говорил, что Маяковский – единственный. Я с этим согласен* (З. Масленикова); – *Мама уговорила меня лечь в горбольницу, заплатили большие деньги. Я согласилась на все* («Комсомольская правда». – 1999. – 18 марта); *Духанички охотно снимали старые жестяные вывески и предлагали писать на них, предварительно замазав почерневшую раскраску. Пироман не соглашался на это* (К. Паустовский).

В речевых актах согласие/несогласие имеет оценочный характер. Говорящий квалифицирует предмет речи, используя лексемы *предложение, решение, определение, оценка, условие, вариант* и др., которые сопровождаются определениями, указывающими на идентификацию позиции согласия/несогласия с обозначенным денотатом ситуации: – *Говорят, что Вы режиссер для женщин. – Я согласен с этим определением* (Из интервью); – *Я подписал приказ, в котором наложил четыре взыскания. Председатель Совета директоров согласился с этим решением* («Комсомольская правда». – 1999. – 7 октября); – *А что, если после взрыва, когда пиротехник исчезнет и его начнут искать, вместо него увидят только кепку на полу. С таким предложением не согласились* (Ю. Никулин).

Согласие/несогласие ограничивается отдельными фрагментами речевого акта и структурируется в плане определенности (ср.: маркер *определенные*): *Он согласился сотрудничать на определенных условиях* (С. Абрамович); и неопределенности (ср.: языковые показатели *какие-то, некоторые, несколько, в*

чем-то): Пушкин с какими-то его замечаниями соглашался (С. Абрамович); В.А. Истрин не согласился с некоторыми выводами («Вопросы языкознания»); Пугачева согласилась ответить на несколько вопросов («Комсомольская правда». – 2000. – 20 июня); Он не согласен в чем-то с ним (В. Шаламов). В речевом акте мотивы согласия/несогласия не обозначены. Согласие/несогласие оформляется избирательно в силу информированности коммуниканта, заданного хода событий, свойства уклонения.

В предложениях объект согласия/несогласия может выражаться инфинитивом, обозначающим ситуацию. Инфинитив дает представление о действии в широком смысле слова и является носителем таких состояний, как интеллектуальная деятельность, мышление, мнение и физические действия и деятельность [5].

В конструкциях простого предложения с лексемами *согласен/согласиться/не согласен/не согласиться* и др. активно сочетаются следующие инфинитивы:

1) *дать (интервью, ответ и т.п. кому)* – передать/не передать кому-либо информацию: Актер согласился дать интервью «Комсомольской правде» («Комсомольская правда». – 1999. – 8 июня); Суперагент-осведомитель, раскрывший более 600 особо опасных преступлений, не согласился дать интервью «Комсомолке» («Комсомольская правда». – 1998. – 22 июля);

2) *прокомментировать (что...)* (решение, рекламу и т. п.) – дать/не дать оценку чему-либо: Судья для читателей «Комсомолки» согласилась прокомментировать свое решение: – На мой взгляд, это явное нарушение прав и свобод гражданина, прописанных в Конституции («Комсомольская правда». – 1999. – 7 октября) (ср.: используется оценочный элемент *нарушение* со знаком ‘минус’); Специалисты российского Института вирусологии не согласились прокомментировать нам рекламу препаратов от гриппа («Комсомольская правда». – 1999. – 11 февраля);

3) *вспомнить (о чем...); написать (что...)* – выразить/не выразить свое мнение в связи с чем-либо: Главные персонажи съезда согласились вспомнить о Первом съезде народных избранников («Комсомольская правда». – 1999. – 25 мая); Бабель согласился написать предисловие для сборника рассказов молодых одесских писателей (К. Паустовский);

4) *думать/подумать (над чем...); обсудить (что...)* – намереваться/не намереваться проанализировать аспекты ситуации: Он согласился подумать над моим предложением (Ф. Достоевский); Старик не согласился обсуждать важные вопросы жизни (К. Паустовский);

5) *решить (что...); обжаловать (что...); ссориться (с кем...)* – осуществить/не осуществить действия в каких-либо целях: Тетка согласилась решить наши житейские проблемы (К. Паустовский); Сбербанк не согласился обжаловать решение суда («Комсомольская правда». – 1999. – 6 октября); Я не согласен ссориться с милицией («Красное знамя». – 2006. – 29 апреля);

6) *принять (кого.../что.../чего...)* – выразить собственное решение: Согласен/не согласен принять предложение/совет и т.д.; Я не согласен принять никакой истины иначе как от свободы и через свободу (Н. Бердяев).

Так, в простых предложениях согласие/несогласие направлено на те специфические действия, которые обозначены инфинитивами. Инфинитивы актуализируют функционирование согласия/несогласия и конкретные формы

распространителей, характеризующих ситуацию.

В коммуникативном акте при обсуждении предмета речи, при обмене мнениями ответ – согласие/несогласие оформляется посредством использования личного местоимения ‘я’ и кратких форм прилагательных *согласен/не согласен*. «В таком контексте 1-е лицо дает самоверифицирующееся высказывание, т.е. высказывание, истинное в силу факта своего произнесения» [6]. Я – говорящий, отражающий картину мира под влиянием воли, разума, чувства, наиболее объективно выражает свое мнение.

В предлагаемой модели поведения адресат сам определяет позицию и несет личную ответственность за нее. Местоимение *я* актуализирует «один из главных постулатов – ‘Говорящий знает то, что он говорит’» [7], создает атмосферу интимизации, впечатление достоверности в ситуации: – *Вы должны быть более изощренными, точными. – Я согласен* («Аргументы и факты». – 2000. – № 5); – *От вашего хутора есть охотники? – Какие охотники? – Приводить в исполнение приговор. – Я согласен* (М. Шолохов).

В речевых актах местоимение *я* часто не используется, но акт согласия/несогласия имеет адресатное значение. При совпадении/несовпадении позиций коммуникантов, когда явно отражается истинное положение ситуации, употребляется однословное предикативное ядро *Согласен/Не согласен*: – *Люди чувствуют, что власть с ними неискренна, не хочет не только быть с ними на равных, но и говорить на равных. – Согласен* («Литературная газета». – 2006. – № 18); – *Сейчас, в условиях полной свободы и многопартийности, компромат широко применяется в бизнесе и политике. – Согласен* («Комсомольская правда». – 1999. – 23 ноября).

Маркером речевой тактики являются вопросительные предложения, нацеленные как на коммуниканта, так и на самого говорящего, который сам отвечает на них. Такая речевая стратегия позволяет говорящему опередить собеседника в том, чтобы сформулировать коммуникативную проблему и выразить к ней свое отношение: – *Ты думаешь, это так себе, на ветер сказано? Не согласен* (А. Куприн); – *Скажете: золото и языковая проблема – это в огороде бузина, а в Киеве дядька? Не согласен* («Дружба народов». – 1990. – № 9); – *Согласен ли я? Согласен/Не согласен*.

Так, личностная позиция согласия/несогласия произносится в момент речи от самого говорящего, от 1-го лица, которое «оказывает специфическое семантическое влияние на свой контекст» [8]. «Сама эта точка зрения определяется объективным положением говорящего лица в момент речи по отношению к собеседнику и к отражаемому и выражаемому в предложении “отрезку”, “кусочку” действительности» [9].

В речевом акте говорящий – наблюдатель репрезентирует позицию согласия/несогласия как от 1-го лица, так и не от 1-го лица. В такого рода предложениях активно используются глагольные формы, которые не наблюдались в вышерассмотренных конструкциях. Местоимения, имена существительные собственные и нарицательные актуализируют фактор автора согласия/несогласия, локализуют данную позицию и предписывают степень ответственности. Эти предложения содержат констатацию отношений согласия/несогласия.

В контексте речевые намерения, вызывающие согласие/несогласие собеседника, в частности, обозначают: 1) побуждение к действию, эксплицируемое глаголами в повелительном наклонении: – *Поезжай домой. – Я согласился* (К.

Паустовский); – *Пойдем к нам в Пушкино. – Братва не согласилась* (К. Паустовский); 2) предложение (используется лексема *предложить*): *Катышев, который нас курировал, предложил перейти в прокуратуру. Я согласился* («Аргументы и факты». – 1999. – № 44); *Цензура предлагала поэту внести изменения в стихотворение. Державин не согласился* (С. Абрамович); 3) приглашение (*пригласить*): *Я пригласил Длигача переехать с Дейком ко мне. Он согласился* (Ю. Никулин); 4) просьбу (*просить*): *Просили дать нам возможность подумать до следующего дня. Карандаш согласился* (Ю. Никулин); 5) требование (*требовать*): *Он требовал. Она не соглашалась. Она требовала. Он не соглашался* (В. Катаев); 6) обязательство (*обязать*): *При получении первого гонорара за книгу вы обязуетесь купить и преподнести мне золотой портсигар. Они согласились* (В. Катаев); 7) желание (маркер *хотеть*): *Позвонил ей, сказал, что режиссер и хочу встретиться. Она не согласилась* (Из телеинтервью); *Нашлась фирма, которая захотела выкупить у нас долги Анголы. Мы согласились* («Аргументы и факты». – 1999. – № 12); 8) необходимость (маркеры модальности *надо, должен*): *Спецмашины надо пропустить через пост без осмотра. Милиционеры не согласились* («Комсомольская правда». – 1999. – 15 сентября); *Обвиняемого должны вывести из зала. Судьи согласились* («Аргументы и факты». – 1999. – № 47); 9) совет (*советовать*): *Мише советовали переходить на портреты Кемаль-паши. Миша согласился* (К. Паустовский).

Субъект предложения индивидуализирует позицию согласия/несогласия, которая становится уникальной, единственной в своем роде. «Субъект предложения соотносит предложение с внешним миром, а предикат – с миром понятий» [10]; «субъект принадлежит миру, а предикат – мышлению о мире» [11]. Лексемы, вербализующие носителя согласия/несогласия, «служат в языке для целей референции» [12], подчеркивают осознанность отношения и ответственность за данный ответ. Такой вид поведения субъекта является соответствующим его «я», за который он может взять на себя ответственность» [13].

Представителем позиции согласия/несогласия является как «Я», так и «Другой», «Всякий», связанные с обозначением совокупности лиц, которые характеризуются своей индивидуальностью и выражают общее мнение – согласие/несогласие. В пространстве «воображения» «Я» сосуществует и «конкретное физическое», и «инобытийное пространство» [14].

В речевом акте локализуется определенное и неопределенное количество носителей согласия/несогласия посредством лексических компонентов *все, любой/один за другим/не все ((очень) многие, многие тысячи, (очень) немногие* и др.), *почти все/никто, ни один*, создающих своеобразную градационную шкалу. В лексическом значении данных слов обнаруживается указание на неопределенность лиц, которые неизвестны для говорящего. Однако знание общественного узуса, узуальной соотнесенности определенных типов действий с определенными типами субъектов является одной из причин представления неопределенных субъектов [15].

Когда согласие/несогласие закрепляется за группой, лицом, тогда оно отрывается от субъекта. В таких ситуациях «идея субъекта предполагает определенный класс... отдельное лицо...» [16].

Потребности общения побуждают обращать внимание на количественный состав согласных/несогласных. Ср., например, при социологическом опросе, в

официально-деловых отношениях, в частности, на заседаниях ученого совета, совета факультета вуза используются (с определенной целью) бюллетени, в которых требуется выразить либо согласие, либо несогласие в связи с обсуждаемым предметом речи, затем ведется подсчет количества согласных/несогласных.

Согласие/несогласие всех без исключения (ср.: *все*) участников речевой ситуации обуславливается определенными эффективными речевыми воздействиями. С предлагаемыми речевыми действиями адресанта либо соглашаются, поскольку они направлены на реальный успешный результат собеседников (ср.: Он *предложил* нам собираться каждый вечер и прочитывать друг другу только то, что было написано за один день. И очень коротко поговорить о каждом таком маленьком куске. *Все согласились* (К. Паустовский); Оркестру *предложили* контракт на долгий срок в Италию. *Все согласились* («Комсомольская правда». – 1998. – 30 октября)), либо не соглашаются в силу неприемлемости предложения в данных обстоятельствах: Ваххабиты *предлагали* посту местных милиционеров доллары и золото за то, чтобы их пропустили. *Все милиционеры не согласились* («Комсомольская правда». – 1999. – 15 сентября).

Говорящий оценивает ситуацию с точки зрения согласия/несогласия как реальный факт, с которым все участники в данном фрагменте действительности соглашаются/не соглашаются. В этом случае отмечается адекватная оценка ситуации. Местоимения *любой, всякий, каждый* – «универсальные, которые употребляются в утверждениях, касающихся всех объектов некоторого класса» [17], и актуализируют всеобщность отношения к истинности определения характера предмета речи: *Любой президент согласится* на среднюю зарплату баскетболиста НБА в 2818000 долларов («Комсомольская правда». – 1999. – 15 июня); *Каждый студент не согласится* на стипендию в 300 рублей («Аргументы и факты». – 1999. – № 11). «При подобных обобщенных субъектах... конкретное действие невозможно... Если высказывание начинается со слов «каждый человек» и т.п., то продолжение должно представлять собой лишь абстрактную (генерализованную) предикацию» [18]. «Лицо» выступает как «собирательная национально-языковая личность» [19].

Лексические компоненты *никто, ни один* интенсифицируют семантику *всеобщности* и подчеркивают категорическую однозначность выбранной позиции несогласия. Всеобщность несогласия, характеризующая указанный состав участников ситуации (ср.: используются личные имена существительные *режиссеры, маги, столоначальники*), определяется: 1) непреодолимыми препятствиями, которые мешают реализовать идею (ср.: *Режиссеров просили снять фильм про Луку. Никто не согласился* («Комсомольская правда». – 1998. – 22 июля)), 2) невозможностью столь широко афишировать какую-либо сферу деятельности (ср.: Я много раз *предлагал* всем всевозможным *магам* лечить больных совместно, выделяя место в институте. Взамен *просил* одно – возможность проверить эффективность их лечения. *Ни один не согласился!* («Комсомольская правда». – 1999. – 17 июня)); или нарушить нравственно-этические нормы взаимоотношений (ср.: Директора российского департамента *попросили* дать Иуде место помощника столоначальника. *Ни один из столоначальников не согласился работать с предателем* («Комсомольская правда». – 1998. – 18 апреля)).

Лексемы *не все, многие, немногие* и др., а также квантификатор ‘коли-

чественное числительное' + 'имя существительное' свидетельствуют о том, что позиция согласия/несогласия выражается большей/меньшей частью участников речевого акта, но никак не всеми: *Не все согласились с оценками выступлений пианистов* («Комсомольская правда». – 1998. – 17 июля).

Отрицательная частица *не* и наречный квалификатор *почти* выступают в качестве структурных и смысловых акцентуаторов невсеобщности согласия/несогласия: Когда Никиту Сергеевича пригласили работать в Москву, всей прислуге – а нас было больше сотни человек – предложили ехать вместе с ним. *Почти все согласились* («Комсомольская правда». – 1998. – 23 июля). Говорящий оценивает факт выражения позиции согласия посредством квалификатора *почти*, который приближает к критерию правдоподобности.

Неопределенно-количественные слова *многие*, *немногие* актуализируют семы 'большинство' и 'меньшинство', которые указывают на количественную характеристику носителей позиции согласия/несогласия. Большинство/меньшинство согласных/несогласных представляет фрагмент: 1) отклонения от принятого компетентного решения, что является показателем протеста, обусловленного мотивом несправедливости: *Многие не согласились с решением и выбором жюри* («Комсомольская правда». – 1998. – 17 июля); 2) непринятия мнения коммуниканта в большей/меньшей мере в силу исключительной субъективности, категоричность которой подчеркивается притяжательным местоимением *свою*: *Я выскажу вам свою точку зрения. С ней не согласны многие люди* (В. Шаламов); 3) истинности сути утверждения, в котором отмечается регулярно проявляемое свойство лица (ср.: личное существительное *вор*): *А по моему, вор – это тот, кто ворует. Многие люди согласны со мной* («Комсомольская правда». – 1999. – 21 августа); 4) отрицательной оценки предмета речи (ср.: контекстные показатели *нет сколько-нибудь внятной (политики)*): *На первый взгляд у России до сих пор нет сколько-нибудь внятной политики в отношении Чечни. С этим согласны многие отечественные деятели* («Комсомольская правда». – 1999. – 22 июля); 5) возможности осуществления необходимого действия: *Многие тысячи людей соглашались на операции каждый год для удаления опухоли* («Комсомольская правда». – 1999. – 22 июля).

С помощью градуатора *очень* (*многие/немногие*) выражается усиление увеличения/уменьшения показателей неопределенного множества: *Очень немногие люди согласятся продолжать разговор с грубым человеком* («Комсомольская правда». – 1999. – 9 июля).

Признак невсеобщности, характеризующий позиции согласия/несогласия, передается количественным числительным, сочетающимся с дискретным существительным: *75 человек согласились работать в деревне* («Красное знамя». – 2006. – 29 апреля); *10% жителей соглашались с доминированием эстонцев в управлении государством* («Комсомольская правда». – 1999. – 7 декабря). Определенная дискретная множественность характеризуется прагматической оценкой недостаточности данного количества партиципентов, придерживающихся позиции согласия/несогласия.

Компонент невсеобщности, определяющий характер позиции согласия/несогласия, связан с субъективностью восприятия того или иного фрагмента действительности, с незнанием предмета речи в полной мере, с невозможностью коммуниканта контролировать свои действия в конкретных обстоятельствах, а также с корректностью по отношению к собственному суждению и т.д.

Количественная характеристика указывает на ограничение распространения позиции согласия/несогласия.

Простые предложения со значением согласия/несогласия информативно усложняются посредством различных компонентов, которые подчеркивают существенные элементы ситуации согласия/несогласия. Особенно активно используются темпоральные актуализаторы, обозначающие «моменты или отрезки времени, иногда события» [20]. Временная локализация выражается лексическими единицами *долго, быстро, недолго, сразу, всегда, часто, иногда, вчера, опять, после* и др. Ср.: *Он долго не соглашался; Все время я согласна гореть* («Комсомольская правда». – 1999. – 24 сентября) и под.

Обстоятельственные наречия с временным значением *раньше, теперь, сейчас* и нек. др., включенные в конструкцию простого предложения с предикативным ядром *согласиться/согласен/не согласиться/не согласен* и др., совмещают в своей семантике компонент сопоставительности, каузативности [21]: *Абхазцы раньше не соглашались на сотрудничество; Югославы сейчас согласились на присутствие миротворческих сил* (Из телеинтервью).

Точкой отсчета оформления согласия/несогласия в предложении выступают предлоги *по, после, в связи*, сочетающиеся с именными распространителями и имеющие причинное значение, а также производный предлог *в случае* с условным значением: *По просьбе Михаила Николаевича согласились поехать еще в два города* (Ю. Никулин); *После моих настойчивых просьб он согласился рассказать трагическую историю* («Комсомольская правда». – 1999. – 24 сентября) и др.

Специальные лексические компоненты *поэтому(-то), в итоге, оттого* и под., а также модально-вводные слова *следовательно, таким образом* и др. указывают на основание реализации согласия/несогласия и заключают в себе модель ситуации, способствующей возникновению позиций согласия и несогласия. Конструкция простого предложения имеет определенный порядок: в начале структуры располагаются специфические компоненты, затем включается наименование субъекта + лексемы с семантикой согласия/несогласия, в препозиции которых часто используется усилительная частица *и* с актуализирующей функцией, и, наконец, называется объект реакции согласия/несогласия. Такие предложения обязательно предваряются синтаксическими конструкциями, заключающими в себе определяющую информацию, которая имплицитно отражается в специфических лексемах. Основанием согласия/несогласия служат те действия, которые удовлетворяют/не удовлетворяют потребности партиципанта, соответствуют/не соответствуют его задачам: *Миротворческие силы войдут в Косово под флагом ООН, а не НАТО, против чего категорически возражал Белград. Поэтому-то югославы и согласились на присутствие международных сил безопасности со значительным участием НАТО* («Комсомольская правда». – 1999. – 5 июля); *Мне предложили командировку за свой счет. Поэтому я и не согласилась на поездку* (Из телеинтервью). Позиция согласия/несогласия зависит от заданных обстоятельств.

В простом предложении семантика согласия/несогласия осложняется дополнительными оттенками, которые выражаются интонацией, междометиями, частицами, союзами, вводными словами. Позиция согласия/несогласия характеризуется подчеркнутым противопоставлением, интонацией сопоставления (ср.: употребляется сочетание компонентов *а вот, а ведь*, а также союз *но*

и др., и в конце предложения ставится восклицательный знак): – *Видимо, наши демократы никак не могут договориться между собой, не могут объединиться. – А вот не согласен с вами!* («Комсомольская правда». – 1999. – 2 декабря); значениями: а) допущения (ср.: маркер частица *ну*): – Ты согласен? – *Ну, согласен* (С. Довлатов); б) сожаления (ср.: включается междометие *увы*): – *Ты не выступай на конференции. – Увы, я согласился* («Литературная газета». – 2006. – № 19); в) побуждения (междометие *ну* имеет эмоциональную функцию и воздействующую): *Ну, соглашайся!*; удивления (ср.: показатели междометие *ну* и *ну*, модально-вводный компонент к моему изумлению): *Ну и ну, согласился!* (И. Бунин); *Неожиданно я сделал Оле предложение. К моему изумлению, она согласилась* («Аргументы и факты». – 1999. – № 50); отношением уточнения, итога (ср.: маркер *кстати* и под.): – *Я предчувствую жалкую авантюру. – Кстати, вы сами согласились на риск* (К. Паустовский).

Таким образом, в структуре простого предложения семантика согласия/несогласия заключена в предикативном ядре, актуализируется словами, которые вербализуют и локализуют носителя позиции и предмет речи согласия/несогласия, отражают разные типы значений, раскрывающих многообразный характер проявления ответной реакции в речевой деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иванова Т. О взаимодействии языковых и неязыковых категорий // Русистика 2003. Язык, коммуникация, культура. – Шумен, 2003. – С. 156.
2. См.: Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М., 2002.
3. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. – М., 1990. – С. 167.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М., 2002. – С. 147.
5. Ср.: Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – С. 37-38.
6. Падучева Е.В. Указ. соч. – С. 137.
7. Там же. – С. 139.
8. Там же. – С. 136.
9. Виноградов В.В. Избранные труды // Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 268.
10. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. – М., 2002. – С. 51.
11. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). – М., 2003. – С. 378.
12. Падучева Е.В. Указ. соч. – С. 133.
13. Узнадзе Д.Н. Психология деятельности. Импульсивное поведение. – М., 1966. – С. 397.
14. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994. – С. 50.
15. Кондратьева Г.Н. Двусоставные глагольные предложения с неопределенным и обобщающим местоименным подлежащим: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – С. 14.
16. Химик В.В. Неопределенно-личное предложение и персональные ситу-

ации неопределенности // Предложение и его структура в языке. – М., 1986. – С. 51.

17. Падучева Е.В. Указ. соч. – С. 134.

18. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб., 1991. – С. 9.

19. Овчинникова И.Г. Ассоциативные структуры и текст // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Семантика и коммуникация / Под ред. Л.В. Сахарного. – СПб., 1996. – С. 167.

20. Падучева Е.В. Указ. соч. – С. 222.

21. Ср.: Яковлева Е.С. Указ. соч. – С. 180; Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в русском языке. Монография. – М., 2000. – С. 83.

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

Е.А. Волкова,
старший преподаватель
Нижегородской медицинской академии

ТЕРМИН И ЕГО МЕСТО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Автор анализирует различные определения термина, описывает основные подходы к проблеме места термина в лексической системе: одни ученые рассматривают термины как самостоятельный пласт лексики, другие включают их в состав общелитературного языка.

E.Volkova

THE TERM AND ITS PLACE IN THE LANGUAGE LEXICAL SYSTEM

The article is dedicated to the debatable questions of the science of terminology. The author analyses different definitions of the word “term” and describes the main approaches to the problem of the term position in the lexical system. Some scientists consider terms to be independent lexical units; others view them as part of literary language.

Терминологическая лексика в современном русском языке занимает особое место. В.М. Лейчик отмечает, что 80-90 % новой лексики – это «термины и другие специальные лексические единицы», поэтому «интеллектуализация языка связана с широким использованием в нем специальной лексики» [1]. Несмотря на это, в лингвистической литературе, рассматривающей проблемы термина, нет исчерпывающего и однозначного определения термина. Однако каждый исследователь, обращающийся к какой-то конкретной теме в области терминоведения (предметом изучения автора статьи является метаязык оториноларингологии) должен обратиться к анализу литературы по общим проблемам терминологии.

До сих пор в научной литературе существует множество различных определений для понятия «термин».

З.И. Комарова в своем исследовании, объединив точки зрения ученых, выявила три основных направления в определении термина [2]. Одни ученые дают определение термину через сопоставление с общеупотребительным словом, другие – путем соотнесения его с понятием; третьи говорят о невозможности дать четкое определение термину и предлагают его развернутую характеристику.

В зависимости от разных позиций в определении термина, этой лингвистической единице отводится и соответствующее место в лексической системе языка. Остановимся подробнее на этих вопросах.

Сторонники первого направления противопоставляют термин слову общелитературного языка и на этой основе строят свое учение о терминах [2: 15]. Они, исследуя природу термина как языкового знака и сопоставляя термин со словом общелитературного языка, выявляют то общее, что объединяет тер-

---

мин и слово, а также выделяют специфические особенности, не позволяющие отождествлять эти языковые единицы.

Обратимся к определению слова общелитературного языка. Лингвистический энциклопедический словарь дает следующую характеристику слова: «Слово общелитературного языка – основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений и отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка» [3]. Характерными признаками слова составители энциклопедии считают цельность, выделяемость и свободную воспроизводимость в речи. В слове различаются фонетическая, морфологическая и семантическая структуры. В фонетическом аспекте отмечаются следующие признаки слова: возможность паузы до и после слова, единое и единственное ударение для каждого слова, определенная слоговая структура, гармония гласных, определенные позиционные изменения звуков или тона, определенные пограничные сигналы, свидетельствующие о начале и конце слова. Морфологический критерий исходит из того, что морфологический показатель оформляет слово в целом, а не его часть или словосочетание. С точки зрения синтаксиса, слово – потенциальный минимум предложения или минимальная синтаксическая единица. В соответствии с семантическим критерием, слово является значимой единицей языка, обладающей идиоматичностью значения [3: 464-465].

Многими из перечисленных характеристик слова обладает и термин, например цельностью, воспроизводимостью и др. Однако термин не может быть «потенциальным минимумом предложения». Кроме того (и это является существенной чертой термина), термин, в отличие от общеупотребительного слова, выражающего бытовое понятие и обладающего свойством многозначности, однозначен и не нуждается в контексте.

А.А. Реформатский считает, что термин, в отличие от обычного слова, однозначен – по крайней мере, в рамках отдельной терминологии. Это объясняется тем, что термин является единицей определенной терминологии, которая выступает вместо контекста [4], то есть термину свойственна большая узость значения по сравнению с общеупотребительными словами, наличие более четкой смысловой структуры и употребление в качестве средства выражения научных понятий.

А.В. Лемов говорит, что, в отличие от слов общеупотребительного языка, в которых реализуются три основных значения (прямое, фразеологически связанное и синтаксически обусловленное), в терминах отражается только прямое (номинативное) значение. В терминах «более весома не логико-предметная часть их значений, а интенциональный компонент, так как понятийный аппарат терминов специально отрабатывается и проецируется на уровень знаний» [5].

Сопоставление термина со словом общелитературного языка не позволяет дать точное определение термину: данный подход лишь выявляет их общие и различные черты.

Другая группа ученых подчеркивает соотнесенность термина со специальным понятием, принадлежащим к какой-либо области знания (Г.О. Винокур, Б.Н. Головин, А.А. Реформатский, В.П. Даниленко и др.): термин – это «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания

или деятельности» [3: 508]; «слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием научного или производственно-технологического понятия и имеющее дефиницию» [6]. Б.Н. Головин пишет: «... термин – это слово или словосочетание, образованное на базе подчинительных связей, имеющее профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяющееся в процессе познания и освоения некоторого круга объектов и освоения некоторых отношений между ними – под углом зрения определенной профессии» [7].

Третья группа исследователей, как пишет З.И. Комарова, отказалась от поиска общего определения термина, так как считают невозможным дать единое определение всем типологическим разновидностям терминов [2: 15]. Эти ученые приводят развернутую описательную характеристику термина и выделяют следующие признаки: термин однозначен или стремится к однозначности; его значение равняется понятию; термин стилистически нейтрален; он точен и безразличен к контексту (К.А. Левковская, А.А. Реформатский, Е.Н. Толикина). Например, о точности как необходимом качестве термина ученые пишут: «термин – это слово или словосочетание, точно обозначающее какое-либо понятие, применяемое в науке, технике, искусстве и т.д.» [8]; «специальные, ограниченные особым назначением слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» [4: 115].

Определяя термин через его признаки, ученые основным его свойством считают системность, так как терминология, проецируясь на уровень той или иной области знания и являясь тем самым ее знаковой моделью, обретает свою характерную черту – системность, то есть соотнесенность термина друг с другом в данной области знания, образование системы (целого).

Однако и системность термина понимается по-разному. Одни ученые считают, что термину свойственна словообразовательная системность (А.А. Реформатский), другие указывают на классификационную сущность системности терминологии (В.П. Даниленко, Р.Ю. Кобрин). Есть точка зрения, что системность термина проявляется двояко: «во-первых, как отражение системных понятий, обозначенных термином, и, во-вторых, как отражение мотивирующих словообразовательных возможностей слова-знака, являющегося термином» [5:13].

Но самой существенной точкой зрения на системность терминологии считается мнение А.А. Реформатского о том, что термин является «службой двух господ», потому что он служит как элементом языковой системы, так и элементом соответствующей терминосистемы.

Вероятно, стремлением обобщить разнообразные точки зрения на природу термина и его определения обусловлено создание И.И. Михалевской в своей работе сопоставительной таблицы понятий «слово» и «термин» [9], которую мы приводим ниже.

Параметры сопоставления	СЛОВО	ТЕРМИН
Форма выражения на уровне элементарного смысла	Слово	Слово, словосочетание
Степень обобщения	Более низкая	Более высокая
Содержание понятия	Обыденное	Научное
Характер понятия	Нестандартизированный	Стандартизированный

Форма существования понятия	Контекст	Терминосистема
Форма раскрытия понятия	Через контекст	Через дефиницию
Сфера функционирования	Во многих отраслях	Преобладание в одной отрасли
Другие характеристики в связи с коммуникативной направленностью	Как правило, в контексте окрашено	Стремление к точности, однозначности
Особые характеристики	Стремление к образности	Стремление к точности, однозначности

Как видим, по отношению к общелитературному языку терминология, с одной стороны, более узкое понятие (не все функции общелитературного языка свойственны терминологии), а с другой – более широкое (терминология включает в себя научные понятия, стоящие за пределами непрофессиональной сферы общения) [6: 7].

Разнообразие в определении термина и неоднозначность его соотношения с общеупотребительным словом русского языка привели к полемике о месте термина в лексической системе русского языка.

Одни ученые выводят терминологию из состава лексики литературного языка, отводят ей самостоятельное место. Представители этого направления понимают термин как особый языковой знак, отличный от слова общелитературного языка, и противопоставляют термины обычным словам (Д.С. Лотте, А.А. Реформатский, Е.Н. Толикина и др.). Сторонниками именно данного подхода были сформулированы требования к термину: системность терминологии, независимость термина от контекста, краткость, однозначность, стилистическая нейтральность, отсутствие синонимов и омонимов [10].

Другие ученые рассматривают термины как единицы общелитературного языка (О.С. Ахманова, Г.О. Винокур, Н.З. Котелова, В.Н. Прохорова и др.). Г.О. Винокур пишет, что «в роли термина может выступать всякое слово», так как «термины – это не особые слова, а только слова в особой функции» [11]. Поэтому термин как единица общелитературного языка обладает всеми лексико-семантическими свойствами слова общелитературного языка, то есть термин может быть многозначен, ему присуща синонимия, а точность, однозначность и краткость термина относительны.

В чем же заключается особая функция термина? Она проявляется, по словам В.В. Виноградова, в том, что к номинативной функции присоединяется новая, особая функция – функция дефинитивности. Ученый пишет о том, что существует тесная связь между термином и его научным определением, поэтому «сущность термина состоит в его дефинитивности» [12]; в связи с этим термины надо рассматривать как особый пласт лексики, входящий в состав общелитературного языка.

Особая функция дефинитивности термина обусловлена сферой функционирования слова-термина – научно-профессиональной сферой. Но эта функциональная особенность термина, с точки зрения В.П. Даниленко, теряется «...при включении терминологии в лексику общелитературного языка». Однако и противоположный прием – изъятие терминологии из лексики общелитературного языка и анализ ее вне определенной лексической системы – также чреват опасными последствиями: неизбежным искажением фактических про-

цессов, специфических и общих, распространяющихся на терминологическую лексику» [13]. По мнению этого ученого, терминологическая единица должна изучаться в «естественных условиях, то есть в той языковой среде, где она применяется в своем прямом назначении, в своей основной функции наименования и выражения специального понятия», то есть терминологию следует рассматривать как самостоятельную функциональную разновидность общелитературного языка – язык науки [13: 65]. А так как язык науки является автономной подсистемой по отношению к общелитературному языку, «общезыковые лексико-семантические процессы (полисемия, омонимия, синонимия, антонимия), протекают в ее единицах», хотя и в сокращенном объеме и преобращенном виде [13: 70-71].

Преображенные лексико-семантические процессы, происходящие с терминами, влияют на всю лексическую систему языка. Выше мы видели, что критерий бинарного противопоставления «термин» – «нетермин» носит часто функциональный характер, поэтому для лексической системы русского языка свойственны как процессы терминологизации общеупотребительного слова (превращение его в термин), так и процессы детерминологизации – утрата терминологических свойств слова (В.П. Даниленко, А.А. Реформатский).

Наиболее общей и сильной тенденцией влияния терминологических процессов на общеупотребительный язык является процесс расширения границ употребления терминологической лексики, выход терминов за рамки узких специальных сфер с последующим возможным переосмыслением и включением в общеупотребительную лексику – детерминологизацией. Выделяют следующие этапы этого процесса: общее расширение употребления терминов, переосмысление термина; полная детерминологизация слова, термин утрачивает свое специальное значение, становится одним из производных значений, имеющих преимущественно нейтральный характер [6].

Другой тенденцией в терминологии считается явление, когда один термин входит в состав различных терминосистем – данное явление называют омонимией терминов. Но в каждой терминосистеме термин имеет уникальное значение. Например, термин «операция» входит в медицинскую, банковскую и военную терминологию [4: 124]. В медицине этот термин означает «хирургическое вмешательство, предпринимаемое с лечебной целью при некоторых заболеваниях или ранениях», в военной терминологии – «совокупность боевых действий, объединенных одной целью, одним заданием», в банковском деле – «финансовая сделка» [14].

Итак, проведенный анализ научной литературы по проблеме определения термина говорит о том, что в науке нет единого и однозначного определения этого знака. Вопрос о месте термина в системе языка также остается дискуссионным, поэтому затронутые в статье проблемы требуют дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. – М., 2000. – № 2. – С. 20.
2. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. – Свердловск, 1991. – С. 14-16.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 464.

4. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М., 2005. – С. 115.
5. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина. Автореф... д-ра филол. наук. – Н. Новгород, 2000. – С. 17.
6. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. – М., 1971. – С.11.
7. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. – М., 1979. – С. 264.
8. Розенталь Д.Э, Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1976.
9. Михалевская И.И. Лингводидактические аспекты обогащения терминологической речи студентов языковых вузов: Дис. ... канд. пед. наук. – М., 2001. – С. 13.
10. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. – М., 1961. – С. 153.
11. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. – Т. 5. – М., 1939. – С.27.
12. Виноградов В.В. Вступительное слово // Вопросы терминологии. – М., 1961. – С. 10.
13. Даниленко В.П. О месте научной терминологии в лексической системе языка // Вопросы языкознания. – М., 1976. – № 4. – С. 64.
14. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, ин-т русского языка. – Т. 2. – М., 1986. – С. 624.

Т.Ю. Колясева,
аспирантка кафедры
русского языка в национальной школе
Елабужского государственного
педагогического университета

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д.И. СТАХЕЕВА

Статья посвящена описанию эмоционально-оценочной лексики в произведениях Д.И. Стахеева, средства ее выражения. Доказана актуальность исследования. В результате проведенного анализа выделены следующие средства создания эмоциональной номинации в произведениях Д.И. Стахеева: словообразовательные, лексические, синтаксические. Эмоционально-оценочная лексика позволяет судить о мыслях, мировоззрении героев и автора.

T. Kolyaseva

THE MEANS OF EXPRESSION OF EMOTIONAL EVALUATION IN D.I. STACHEEV'S WORKS

The object of the research is emotional valuation lexicon in works by D.I. Staheevs, works means of its expression. Topicality of the study is proved. As a result of analysis the following means of the creation of emotional nomination in D.I. Staheev's works are defined: word-building, lexical, syntactical. Emotional valuation lexicon allows to judge about thought, world outlook of the characters and the author.

Ещё в начале XIX в. В. фон Гумбольдт отметил, что язык как деятельность человека пронизан чувствами. В настоящее время лингвистика вновь обратилась к его учению, призывавшему изучать язык в тесной связи с человеком. В свете этой концепции вполне осуществимо и лингвистическое осмысление системных эмотивных средств.

Среди разнообразных функций языка экспрессивная оценивается многими лингвистами как одна из существенных. Для реализации этой функции была необходима соответствующая лексика, которая и получила название эмоционально-оценочной.

Стоит отметить, что среди исследователей наблюдаются разногласия во многих вопросах, связанных с изучением данного пласта лексики: в терминологическом плане, в определении подходов к классификации подобных слов, а также в проблеме соотношения эмоции и оценки. Эмотивная лексика традиционно изучается с учетом таких категорий, как оценочность, экспрессивность, образность, причем связи её с оценкой, по мнению некоторых лингвистов (В.И. Шаховский, А.Н. Лукьянова), оказываются особенно тесными: «оценочность, представляемая как соотнесенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляют двух разных компонентов значения, они едины». Именно этой точки зрения мы и будем придерживаться в своем исследовании.

Целью нашей работы стало описание языковых средств и способов выра-

жения эмоциональной оценки в произведениях Д.И. Стахеева.

Д.И. Стахеев – представитель знаменитой купеческой династии, писатель, широко известный в 70 – 90 –е годы XIX в. Его произведения печатались в журналах «Русское слово», «Отечественные записки», «Вестник Европы».

Актуальность данного исследования определяется не только большим вниманием современной лингвистики к творчеству малоизвестных авторов, особенно XIX века, но и неугасающим интересом к проблеме эмоциональности и оценочности в языке.

В результате текстологического анализа прозаических произведений Д.И. Стахеева: романов «Избранник сердца», «Обновленный храм», повести «Искры под пеплом», рассказов «Благоприобретение», «Лесопромышленники», «Уездный город», «Извоз», «Из рассказов художника», «На базаре» – нам удалось выявить целый ряд средств выражения всевозможных оценок описываемых явлений и событий, персонажей, их поведения, психологического состояния. Стоит отметить, что в указанных текстах доминируют лексемы, выражающие негативную оценку.

Мы выделили следующие средства создания эмоциональной номинации в произведениях Д.И. Стахеева: лексические, словообразовательные, синтаксические и пунктуационные.

В рассмотренных нами текстах как в авторской речи, так и в речи персонажей весьма интенсивно используются **лексические средства** выражения эмоциональной оценки. Характеристика предметов, человека, его деятельности, характера может реализовываться не только с помощью прямой оценки, но и с помощью непрямого, косвенного выражения эмоциональной оценки. Поэтому лексические средства проанализированы в соответствии с их стилистической окраской. Как известно, она часто бывает двуплановой, то есть указывает не только на сферу употребления языковой единицы, но и на ее эмоционально-экспрессивный и оценочный характер, который и будет нас интересовать. Прекрасно охарактеризованы с лингвостилистической точки зрения персонажи. Каждому герою рассмотренных произведений присущи эмоционально-оценочные слова, принадлежащие к определенному стилю.

Мы можем говорить о многостильности произведений Д.И. Стахеева как одной из отличительных их черт, что оживляет тексты, делает более правдоподобным описываемое. Каждый определенный стиль использован с целью изображения определенной социальной среды. Например, представители простого народа в произведениях Д.И. Стахеева говорят на обычном, им свойственном языке, употребляя большое количество просторечных, разговорных эмоционально-оценочных слов (*осел, дурак, дармоед*). Если характеризовать речь автора со стороны ее принадлежности к какому-то стилю, то следует отметить, что она не отличается однородностью, то есть в его речи можно обнаружить слова, принадлежащие различным стилям. Д.И. Стахеев является носителем и книжного стиля, и разговорного, он не боится употреблять и грубые выражения, и делает это настолько умело, что у читателя не возникает ощущения, что автор был человеком грубым, малообразованным. Именно стилистически маркированная эмоционально-оценочная лексика наиболее полно дополняет образ автора. По характеру употребления этих слов мы имеем возможность судить о его мировоззрении. В ходе исследования нами подмечено, что с помощью просторечий, разговорной лексики Д.И. Стахеевым оцениваются яв-

ления исключительно негативные: воровство, пьянство, а также внешность отрицательных персонажей, то есть явления, способные вызывать сильные отрицательные эмоции: злость, негодование, раздражение: «Иногда попадался на такое дело его высокоблагородие совсем другого закала: начинал **хапать** не по положению»; «Приказчики **корчили рожу**, мигали, сами подставляли свои щеки, снова мигали и покачивались от опьянения»; «Тих и задумчив был он во время своего путешествия, не бранил целовальников за недочеты, не замечал или просто не хотел замечать их мелких **плутней**».

На уровне лексических средств оценка в анализируемых произведениях часто выражается словами, которые сами по себе несут эмоциональный оттенок. Здесь преобладает разговорная, просторечная лексика, именно она придает эмоциональность, выразительность, создает определенный колорит повествования: «Ефимко твой хвалёный – против меня **дрянь**... Его только купцы любят... **Дуррачье!**» [2: 432]; «Ты чего тут **орешь**, а? **Мужлан!** Чего у тебя не верно, а?» [2: 232]; «Я тебе задам, **образина** твоя **немытая!** Я тебя вот в полицию отправлю. Я вот тебя...Сколько сору в овес-то навалил, а?» [2: 245];

«- Есть вам двор, **остолопы** – куда теснитесь!

– Да ты что больно **лаешься**, – хозяин, что ли вишь чать, **лупоглазый черт!**

– **Мужичьё!** – крикнул кучер, уходя в кухню.

– **Барин стал!** В городе-то **отъелся**, **лешак!** – послали **вдогонку мужики**» [2: 312]; «Ах ты **бес!** Ах ты **бес!**... **хапнул**, видно, ты хорошо. По глазам видно, что **хапнул!** Ах ты **бес!**» [2: 290].

Не менее эмоциональны оценки, выраженные словами, употребленными в переносном значении: «Да пусть он, **собака**, **сгниет тут у тебя на глазах.** У, **скотина!** – заревел он, бросаясь снова к сыну» [2: 341]; «...они все **свиньи** и надо их проучить»; «**Колпак** ты. А еще **книгопродавец!**» [2: 156]. В этой группе представлены в большинстве своем бранные слова: **баран**, **осел**, **колпак**.

Также нами проведен частеречный анализ отобранного языкового материала. Мы пришли к выводу, что эмоционально-оценочные слова и при позитивном, и при негативном оценивании принадлежат к самым разным, как правило, знаменательным частям речи. На первом месте по частотности употребления имена существительные (40 %), в 20% эмоциональность которых выражается суффиксами субъективной оценки. На втором месте имена прилагательные в различных степенях сравнения и глаголы. Проведенное нами исследование подтверждает утверждение А.Н. Гвоздева о том, что, по сравнению с другими частями речи, «существительные обладают большей образностью, а значит, и наибольшей эмоциональностью» [3].

Большой состав эмоционально-оценочной лексики в произведениях Д.И. Стахеева маркирован посредством специальных **словообразовательных единиц**. Среди них суффиксы наиболее активны, они входят в словообразовательную семантику именования, усиливая общее оценочное значение. Уменьшительные и увеличительные суффиксы в контексте могут выражать различные оценочные значения: «...мизерной **фигуркой**, которая егзила по костлявой спине **исхудалой лошаденки**...» [2: 433]; «с вечера зарядивший дождь не переставал литься на бедную маленькую **деревеньку** Маркваш» [2: 398]; «...ветер раздувал её старенький **сарафанишко**» [2: 419]; «Ветер злился и, казалось, старался сорвать с поденичиков последнюю **одежонку**» [2: 402]; «Медленно

поднялся вотак на ноги, худенький **зипунишко** его был весь в снегу» [2: 343]. Данное употребление эмоционально-оценочных слов способствовало авторскому выражению жалости, сочувствия к представителям крестьянства. Повтор же слов с однотипными суффиксами, несомненно, усиливает эмоциональную оценку, выражая в данном случае предельную степень сопереживания. Другие чувства, например, испытывает по отношению к крестьянам Белов, герой повести «Благоприобретение»: «*Эти плуты **мужичонки**, какие **проныры***» [2: 375] – в этом случае уменьшительный суффикс выражает скорее пренебрежение, нежели сострадание. «*Внутри **городка** есть **гостиный двор**, есть **вечная**, **никогда не просыхающая грязь**...*» [2: 221]; «*Город У. ничем не замечателен, – **маленький**, **ничтожный городишко**...*» [2: 234] – по этим словоупотреблениям мы имеем возможность судить о негативном отношении автора к уездному городу, населенному недалекоими, малообразованными людьми. В данных примерах уменьшительные суффиксы выражают неодобрение, а вовсе не указывают на маленький размер называемого.

Уменьшительные формы оценочных слов становятся у Д.И. Стахеева источником и иронической, сатирической окраски речи: «*На **тощей лошаденке**... тащился **верхом мужик***» [2: 312]; «*Медленно поднялся вотак на ноги, худенький **зипунишко** его был весь в снегу*» [2: 365]. Итак, самые активные «эмоциональные» суффиксы в анализированных нами стахеевских примерах – *-онк-, -ишк-, -еньк-*.

Отрицательную эмоциональную оценочность создают как ласкательные, так и преувеличительные суффиксы: «*...**пропастина**, **шевелись***» [2: 398]; «*у него **страсть голосище**... **голосина***» [2: 197]. Как известно, суффиксы *-ин-, -иш-* обычно придают слову положительный оттенок значения, но в данном случае они выполняют противоположную функцию.

Таким образом, словообразовательные средства подчеркивают значение оценочного слова. Так Д.И. Стахеев мастерски, едва заметно даже при помощи словообразовательных морфов, оценивает многие явления, выражая при этом и свои эмоции.

Анализ языка прозаических произведений Д.И. Стахеева свидетельствует о том, что средства выражения эмоциональной оценки весьма разнообразны. Эмоционально-оценочный компонент может проявляться и в синтаксической структуре высказывания.

Часто автор пытается усилить эмоциональность той или иной языковой единицы. Достигается это и путем повтора. Это может быть: 1) повтор одного и того же слова в пределах одного высказывания, предложения: «***Болтун!** Несносный **болтун!***» – *досадовал Валерьян Михайлович*» [2: 65]; «*... **ничтожный городишко**, о нем даже в географии упоминается только вскользь... есть, мол, в северной России **ничтожный городишко***» [2: 234]; «*Ах ты, **бес!** Ах ты, **бес!** – втайне думали слушатели – **хапнул**, видно, ты хорошо. По глазам видно, что **хапнул!** Ах ты **бес!** И отчего это судьба к нам несправедлива?» [2: 290]; «***Подлость! Подлость! Мерзость!***» [2: 276]; «*А **Петр Петрович**-то каким **соколом**, каким **соколом!**...*» [2: 121]; «*... что же они, по-твоему, **будут жрать**, а? **Наниматься не будут**, и **жрать** нечего будет...*» [2: 156].*

2) повтор слова в разной дистрибуции, разных высказываниях (менее распространены): «– ***Дармоеды** вы, вот что! **Деньги** только **брать** ваше дело, а*

не за садом смотреть.

– Простите, то есть, мы всегда с усердием, это уж как-то нечаянно проглазели... - Я вам задам полное усердие. *Дармоеды*, – ворчал он, уходя по песчаной дорожке вдоль сада к выходу» [3, 358];

«– *Дурак!* Ты зачем ко мне пришел, а?

– Получить расчет поденщикам, – отвечал приказчик, начиная трюсить от грозного хозяйского взгляда.

– Так каких же ты у меня приказаний просишь, а? *Дурак!* – вставая с кресла, сказал хозяин и подошел к большому железному сундуку» [2: 296]. Повторы наиболее характерны для прямой речи, несколько реже они встречаются в речи автора. Все повторы в произведениях Д.И. Стахеева стилистически оправданы, употреблены в ситуациях, требующих от героев сильного эмоционального напряжения.

Наряду с рассмотренными повторами, нами также обнаружено употребление при эмоциональной оценке в пределах одного высказывания синонимов: «*Вздор все! Бессмысленная брехня!* – бормотал он, – и я поверил, тьфу!» [2: 109]; «*Ах ты глупая голова... Да разве можно в нашем городе допустить что-либо подобное! Дурак ты, Савва!*» [2: 285]; «*Ох, я бедная, несчастная! – Гриша мой родимый! Сгорел ты, голубчик, в огне горячем! Некому тебя, моего голубчика, было вытащить... ох, я бедная, горемычная!...*» [2: 198]; «*Да ты послушай, пустоголовый!... То-то вот ты глуп, от этого от самого у тебя и мысли такие дурацкие*» [2: 184]; «*Эти плуты мужичонки, какие проныры*, – сказал он, стараясь улыбнуться» [2: 375]; «*Дурак!* – спокойно и тихо заключил хозяин, – *Болван*» [2: 275]; «*Не кричи! Какая у вас, женщин, манера – сейчас визжать*» [2: 352].

Из приведенных примеров видно, что встречающиеся в текстах Д.И. Стахеева синонимы – разные по своей стилистической принадлежности, причем второе слово в паре более грубое, чем первое, это увеличивает интенсивность высказывания, способствует большему воздействию на адресата. Перед нами нагнетение эмоционально-оценочной лексики. Употребление синонимических пар также призвано усилить эмоциональность высказывания, конкретизировать то, что оценивается.

Повествованию Д.И. Стахеева свойственно употребление с целью эмоциональной оценки сравнительных конструкции. Интересны сравнения автора, они не только метко дают характеристику, но и наполнены искрометным юмором: «*Павел, при своем добродушии, отвечал на его мрачные взгляды улыбками, а Леонид топорщился, точно индейский петух*» [2: 295]; «... побывали и Творожников, и Савва Павлов, и те два степенных купца... которые с первого же дня слухов о ремонте храма приняхивались, как старательные ищeyки» [2: 277]; «*Он, точно слон, опускался потом на диван*» [2: 149].

Кроме упомянутых выше средств выражения эмоциональной оценки, Д.И. Стахеев применяет также пунктуационные средства. Своеобразным элементом подачи эмоционально-оценочной лексики является их особое оформление: некоторые из языковых единиц заключены в кавычки. Стоит отметить, что это характерно исключительно для речи автора. Довольно часто в кавычках оказываются грубые слова, разговорные, имеющие отрицательную коннотацию, употребленные для негативной оценки. Нами выделены следующие группы такого употребления эмоционально-оценочной лексики:

1. Словоупотребление, свойственное герою (автор употребляет лексику, характерную для речи персонажа, о котором в данный момент ведется повествование): «У крыльца он уже не *«маячил»*, как отзывался о его службе старший дворник» [2: 69]; «... он... *досадовал* более и более на ее родителей, будто бы испортивших ее своим *«барством»*» [2: 57]; «... спустя день-другой, снова возвращался в первобытное состояние и недавнее благочестивое размышление насчет *«свинской»* жизни заменял другими» [2: 91];

2. Авторское словоупотребление: «Грешник он был великий и попадался иногда со своими грехами в такую *«конфузию»*, что не знал, куда приклонить голову от жениных распеканий» [2: 86]; «... эта особа – дочь его экономки и передает своей матери о его *«затеях»*» [2: 158]; «Он имел слабость к *«преферке»* и чуть ли даже не более, чем... отец Павел» [2: 206]; «Словом, одна только *«преферка»* поддерживала между ними сношения» [2: 187]; «Книг у него значительно меньше, чем у соседа, так как он по временам *«зашибает»*, на что между прочим указывает и синебагровый цвет его носа» [2: 166]; «Петр Петрович был тоже старец, довольно-таки *«подержанный»*» [2: 211];

3. Автор употребляет те же лексемы, что и его герой (повторяет уже сказанное): «Анемподист Михайлович никогда не имел никаких *«шашен»* подобно *шашням* дяди» [2: 154];

«– Урода, может, какого, *тыкву шестипудовую!*

Долго иногда вечерами сидит Павел в трактире... строит планы насчет выгодной женитьбы... но жениться на *«тыкве»* он не намерен» [2: 260]; «– Ты мальчишка, – упрекал брат, – ты еще понятия не имеешь о том... какое огромное значение имеет чиновническая служба, так презрительно называемая тобою *канцелярщиной*.

Валерьян Михайлович знать не хотел... что в конце концов *«канцелярщина»*... питается при жизни своей на счет государственного организма» [2: 144].

Позволим себе предположить, что заключение эмоционально-оценочных слов в кавычки может явиться своего рода защищенностью авторского языка: Д.И. Стахеев как бы подчеркивает, что он вынужден использовать такие слова как чужие, как «не его». К тому же такие конструкции придают реплике ироническую тональность. Но не всегда грубые оценочные слова заключены в кавычки. Нами в ходе исследования подмечено, что без кавычек в произведениях Д.И. Стахеева употреблены данные лексемы при характеристике явлений крайне негативных, вызывающих у автора массу отрицательных эмоций.

Используя эмоционально-оценочную лексику, автор вводит читателя во внутренний мир своих персонажей. Описывая их эмоциональное состояние, он добивается более полного психологического образа героев, что обусловлено замыслом произведения. А разнообразие средств выражения эмоциональной оценки, которое мы наблюдаем в произведениях Д.И. Стахеева, призвано усилить ее, подчеркнуть характер такой оценки.

Подытоживая вышесказанное, можем констатировать: автор в романтическом пространстве демонстрирует стереотипы русского сознания, духовные ценности русского человека II половины XIX века, весьма удачно при этом показывает ценности жителей как провинциального городка Елабуги, уроженцем которого был Д.И. Стахеев, так и столичного Петербурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лукьянова А.Н.. Экспрессивная лексика разговорного употребления. – Новосибирск, 1986. – 45 с., Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987.
2. Стахеев Д.И. Духа не угашайте.- Казань, 1992. – 415 с.
3. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. – С. 263.

П.А. Купоросов,
аспирант кафедры современного русского языка
Арзамасского государственного педагогического института
им. А.П. Гайдара

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ РАДОСТЬ, В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются эмоционально-экспрессивные частицы, способные участвовать в репрезентации эмоции *радость* в русском языке. Парадигма частиц представлена в виде сложной ядерно-периферийной организации. Это позволило не только исследовать эмоциональный компонент значения высказываний, в формировании которого принимают участие частицы, но и продемонстрировать связь эмоциональной семантики высказывания с другими модусными смыслами и коммуникативным намерением говорящего.

В результате был очерчен круг частиц, способных участвовать в репрезентации *радости*, отмечены особенности функционирования этих служебных единиц в высказывании.

P. Kuporosov

EMOTIONAL PARTICLES WHICH EXPRESS JOY IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article deals with emotionally-expressive particles capable of participating in representation of “joy” in the Russian language. The paradigm of particles is represented as a complex nucleus-peripheral structure. It enables one not only to research the emotional component of the statement’s meaning in which the given particles take part, but also to demonstrate the connection of the statement’s emotional semantics with other modus senses and communicative intention of speaker.

Радость – одна из самых приятных эмоций, которую способен испытывать человек. Она лежит в основе таких эмоциональных абстракций, как *любовь, счастье, наслаждение*. К.Е. Изард определяет эту эмоцию следующим образом: «В своей наиболее чистой и наиболее значимой форме радость – это то, что ощущается после какого-либо творческого или социально значимого действия, которое производилось не для достижения радости или получения пользы». «Радость, – пишет ученый, – характеризуется чувством уверенности и значительности, чувством, что ты любишь и любим. <...> Сопровождается по крайней мере кратковременной самоудовлетворенностью, удовлетворенностью окружающими и всем миром» [1]. В речи *радость* находит выражение в высказываниях-одобрениях: одобрение, похвала, восхищение.

Количественную интенсивность эмоции, на наш взгляд, отражает шкала *удовлетворение (удовольствие) – радость – блаженство*. (Говоря об эмоциональной интенсивности, мы опираемся на работу Д.А. Романова «Эмоции в системе языковых репрезентаций», который выделяет количественную (квантитативную), качественную и темпоральную интенсивность эмоций [2]). Однако подчеркнем, что *удовольствие* и *блаженство*, как правило, связаны с физическим удовлетворением. *Радость* же может быть вызвана и сенсорным вос-

приятием, и внутренним удовлетворением от достижений, творческих успехов личности. Качественно *радость* способна видоизменяться, взаимодействуя с *удивлением, интересом, презрением*. Так, *восхищение*, на наш взгляд, – это эмоция, находящаяся на пересечении *радости, удивления и интереса*. *Зло-радство* – следствие взаимодействия *радости и презрения, гнева, отвращения*. Протяженность во времени сенсорного *удовольствия и блаженства* определяется непосредственным контактом с источником удовлетворения и воспоминаниями о нем. *Радость* от творческих успехов и социально значимой деятельности обычно возникает внезапно с высокой количественной интенсивностью и, как правило, постепенно угасает с течением времени.

В процессе общения *радость* может быть вызвана неожиданной встречей с приятным собеседником, хорошей новостью, воспоминанием, какими-то внешними обстоятельствами в момент коммуникации и другими факторами.

Анализ языкового материала показал, что в репрезентации эмоционального значения *радость* способны участвовать следующие частицы: *-то-то, - вот это (-во), – что (за), -ишь (-вишь), -неужели (-неужто), -как, -эк (-эка, -эко), -ведь, – да, -а, -и, -же*.

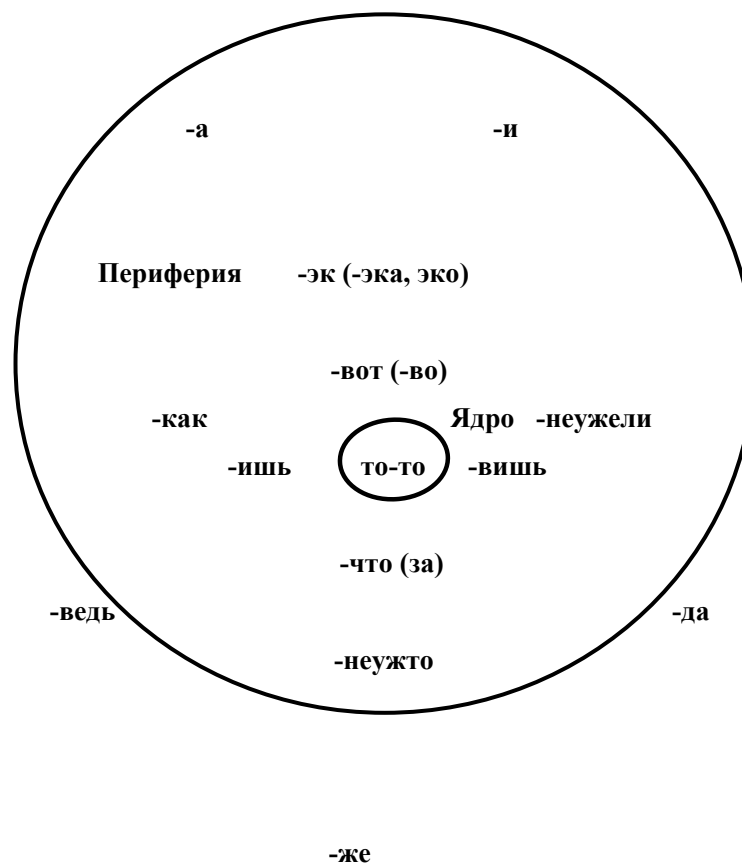
Для одних частиц функция выражения эмоции является доминирующей, для других – периферийной. В связи с этим мы считаем целесообразным представить весь комплекс частиц, способных выражать *радость*, в виде эмотивного семантического поля (далее ЭСП) *радость* с ядром и периферией. В качестве ядра предлагаем взять высказывания с эмотивной частицей, доминирующей функцией которой является выражение *радости*. Тогда на периферии окажутся эмотивные высказывания, в которых частицы участвуют в репрезентации *радости*, находящейся в тесном взаимодействии с другими эмоциями, а также высказывания, в которых эмоциональный компонент представлен в качестве «оттенка».

Термин *эмоциональное семантическое поле*, используемый в работе, требует пояснения. Подчеркнем, что выстроенную нами ядерно-периферийную организацию необходимо отличать от функционально-семантических полей в теории А.В. Бондарко [3]. Элементами ЭСП в нашей работе стали не разноуровневые единицы языка, а эмотивные высказывания, интегральным признаком которых является наличие эмоционально-экспрессивных частиц, способных репрезентировать *радость* в речи. В то же время специфика семантики частиц как класса служебных слов, особенности их функционирования, отсутствие номинативного лексического значения не позволяют нам использовать термин *семантическое поле* безоговорочно. Часто применительно к частицам термины значение (прежде всего лексическое) и функция подменяются. Н.Ю. Шведова отмечает, что «по отношению к частицам понятие «значение» последовательно смешивается с понятием «функция» [4]. Нам близка точка зрения исследовательницы, согласно которой «частица сама по себе, как отдельно взятое слово, не имеет лексического значения <...> То, что называется значением частицы, обычно отвлекается от модального значения того построения, в составе которого эта частица функционирует <...> Частица не вносит в предложение никакого добавочного лексического значения; с ее появлением связано возникновение особого модального значения, иными словами, возникновение нового значения всей конструкции, а следовательно, новой конструкции.... То новое, что появляется в построении вместе с частицей, создается не частицей самой по себе, а

взаимодействием частицы и знаменательного слова...» [там же, 18-19]. Таким образом, мы считаем, что семантика эмоциональных частиц является неотъемлемой частью, фрагментом целого комплекса модусно-оценочных смыслов, которые несет в себе конкретное высказывание в конкретной речевой ситуации. Возможно, что смешение понятий *значение* и *функция* при исследовании частиц – это неизбежность, а не заблуждение. В связи с этим отметим, что, анализируя в своей работе эмоциональные частицы, выражающие *радость*, через призму *эмотивного семантического поля*, мы, по сути, исследуем сегмент семантики целого высказывания, содержание которого во многом определяется функцией конкретной частицы.

В результате произведенного анализа языкового материала (оценочных высказываний с эмоциональными частицами) эмотивное семантическое поле *радость* представляется нам следующим образом: см. схему 1.

Схема 1. Эмотивное семантическое поле *радость*.

На наш взгляд, в центре ядра эмотивного функционально-семантического поля *радость* должны находиться высказывания с частицей **-то-то** следующего типа:

*В старую ожидальку <...> ввалился подвыпивший морячок с веселыми и наглыми глазами: «Что за слезы на берегу в мирное время!». Куда-то сходил, с кем-то поговорил – раздобыл моторку... – **То-то!** – сказал довольно Таборский. – Взаимовыручка – закон жизни (Ф. Абрамов). – Красивые здесь места? – спросил Кузьма, вглядываясь вдаль. Иван молчал – увиденное заворожило его на мгновенье <...> – **То-то...** – прошептал Родионов себе под нос. Посмотрев*

в глаза своему собеседнику, Кузьма убедился, что не зря сюда его привез (В. Шукшин). – Ну что, останешься у нас на уборочную? – оживленно спросил председатель. – Сфотографировано, – так же бойко ответил Павел. – Не понял?!..<...> – Согласен, говорю... – **То-то!** – воскликнул попутчик, не скрывая своей радости (В. Шукшин).

Разговорная частица **-то-то** в приведенных примерах, по мнению М.Г. Щур, реализует следующее значение: «указывая, что до момента речи установки говорящего и адресата, связанные с обсуждаемым, не совпадали, выражает одобрение говорящим того, что к моменту речи адресат передумал и признал правоту собеседника» [5]. Мы согласны с подобным толкованием значения частицы, подчеркнем только, что «одобрение» – это иллокутивный статус высказывания, который сопровождается позитивным эмоциональным фоном. Во всех приведенных высказываниях с частицей **-то-то** говорящий испытывает *удовлетворение, радость* от того, что ему удалось убедить собеседника и заставить его переменить свое мнение.

Частица **-то-то** способна реализовывать еще два эмоциональных значения, репрезентировать *удовлетворение, радость* или *злорадство* в высказываниях иного типа:

1) – *Скоро сенокос начнется... **То-то** весело будет!* (В. Шмелев). – *Сергей приехал! Вот молодчина-то... **То-то** мама обрадуется!* – *радостно воскликнула Валентина и бросилась на шею брату.* (Т. Николаева).

2) *Ну, скоро ль встречу с великаном? Уж **то-то** крови будет течь!* (А. Пушкин). – *Ничего, вот наши вернуться, **то-то** попляшут фрицы!* (К. Симонов).

Частица **-то-то** в подобных высказываниях употребляется при сказуемом в форме будущего времени. Причиной *удовлетворения, радости* (1) или *злорадства* (2) говорящего становится возможное, ожидаемое или воображаемое желаемое событие.

Способность частицы **-то-то** употребляться в качестве отдельной частичной реплики, идентифицируя *удовлетворение, радость, злорадство*, а также способность репрезентировать эти эмоции в высказываниях разных типов, позволили нам отнести эмоциональные реплики с этой частицей в центр ядра ЭСП *радость*.

Частицы **-вот это (-во), -ну(и), -что (за), -ишь (-вишь), -эк (-эка, -эко)** находятся на ближней периферии эмотивного ЭСП *радость*. Как правило, данные частицы репрезентируют *радость* говорящего, употребляясь в позиции оценочного предиката – слова с ярко выраженной мелиоративной окраской.

1) – ***Вот** это кавалер! Это я понимаю... Настоящий <...>, а то попадетсЯ опять пьяница* (В. Распутин). – *Ох, братцы, **вот** эта целуются! От таких пачалуев двойня, не меньше, вывездит! Ох, памираю!* (П. Проскурин) – *Захар! **Вот** штука, Захар! А я в двадцать четвертом блоке, северный плац, слышь? А ты давно здесь?* (П. Проскурин). – ***Во** дает парень! Прямо артист... – восхищался Серпилин, глядя на танцующего.* (К. Симонов).

2) – ***Ну** зверь!* – с восхищением шурился на листвень веселый мужик. – *На нашего хозяина похожий* (В. Распутин). – ***Ну** и умница же ты у меня, – прошептала Тамара и нежно поцеловала дочь в затылок* (Т. Николаева).

3) – ***Что** за прелесть эта Наташа!* (Л. Толстой).

4) *Рожать, бабы, надо, назло всему рожать, а от кого... **Ишь** разборчивые какие – улыбнулся он. – Захочешь, найдешь от кого...* (П. Проскурин). – ***Ишь***

как заливает! – удивлялся Андрей. Он уже не в силах был больше сдерживать смех (А. Гайдар).

5) – *Эк какой красавец! Цены ему нет... – продолжал Емельян Спиридоныч, поглаживая жеребца* (В. Шукшин).

Радость – не единственная эмоция, репрезентируемая в приведенных высказываниях. На наш взгляд, здесь она контаминируется с *удивлением*, делая его «приятным», либо порождает *восхищение* (в том случае, если количественная интенсивность *удивления* высока). Основная функция частиц в подобных примерах – это функция интенсификации эмоции. Однако, на наш взгляд, функция идентификации присутствует как дополнительная. Искусственное извлечение частиц из контекста не приведет к полному разрушению смысла, а лишь уменьшит степень проявления эмоции. Но роль интонации в репрезентации эмоционального содержания реплики станет определяющей: Ср.: – *Ну и караульный!.. Вот так ловко!* (В. Шишков) – *Караульный... Ловко!* Таким образом, частицы, с одной стороны, интенсифицируют эмоции *удивление* и *радость* на соответствующих количественных шкалах, с другой стороны, идентифицируют *восхищение* как качественно новую эмоцию, появившуюся в результате взаимодействия *удивления* и *радости*.

Частицы *-неужели (неужто), -как* занимают место на центральной периферии эмотивного семантического поля *радость*. На наш взгляд, в некоторых высказываниях они также способны участвовать в репрезентации «приятного» *удивления*, то есть *удивления*, сопровождающегося *радостью*.

1) – *Иван Дмитрич, родненький! Неужели вы к нам пожаловали... Мы уж и не надеялись. Радость-то какая!* (В. Астафьев) – *Иди выйди... Там к тебе муж пришел, – сухо буркнула Клавдия. – Неужто правда? Врешь ведь, подружка, – удивилась Шулпина, и глаза ее засияли. – Иди говорю...* (Н. Евдокимов).

2) – *Собирайся, едем в город! – сразу с порога заявил отец. – Как? Прямо сейчас? – обрадовалась Мария – Вот здорово!* (А. Солженицын). *Сергей влетел в комнату и сразу сообщил приятную новость: – Меня приняли!.. – Как приняли? Совсем? Да ты что!* (Ю. Тынянов).

Однако в данных высказываниях, на наш взгляд, контаминация *удивления* и *радости* не приводит к возникновению *восторга*. Считаем, что это объясняется тем, что причиной *удивления* и *радости* в данном случае стали не качества какого-либо лица, предмета или явления, а неожиданная хорошая новость, которая не может стать объектом *восхищения* в силу специфики этой эмоции. Кроме того, на наш взгляд, количественная интенсивность эмоциональной модальности *удивления* в последних высказываниях недостаточно велика, находится на среднем уровне, что не способствует качественному изменению эмоции.

Частицы *-ведь, -да, -а, -и, -же* находятся на дальней периферии эмотивного функционально-семантического поля *радость*. Как правило, эти частицы выполняют экспрессивную функцию, акцентируют слово, к которому примыкают, или всё высказывание. Обычно они взаимодействуют в высказывании с другими частицами, местоимениями и местоименными наречиями. Частица *-ведь* чаще всего репрезентирует эмоции (в том числе и *радость*) опосредованно, через персуазивные модусные смыслы:

– *Да ведь ты живой!* – воскликнул Прохор улыбаясь (В. Шишков). – *Так ведь это ж Мальцев! Ребята, смотрите... Он же... Точно он! <...> – Смирницкий не верил своим глазам, руки его дрожали. Он боялся радоваться, хотя ни*

у кого уже не было сомнений в том, что по дороге шел Илья (В. Маканин). – Ну ведь взяли же мы этого языка, – не без удовольствия подметил Сомов (Б.Лавренев).

Частица **-ведь** в подобных высказываниях не столько репрезентирует эмоциональное состояние говорящего, сколько выражает несомненную достоверность сообщаемого. Однако именно достоверность какого-то факта действительности становится причиной *удовлетворения, радости* говорящего.

Частицы **-да, -а, -и, -же** придают эмоциональным высказываниям более экспрессивный характер, являются речевыми показателями эмоционального возбуждения как такового, независимо от знака эмотивной модальности. Эти частицы употребляются и в пейоративных высказываниях, и в мелиоративных высказываниях, основу которых составляет эмоция *радость*:

– У, да тут у вас борцом пахнет! Да ещё кулебяка! У-у, какой аромат! Пропал я, братцы, окончательно! (П. Проскурин). – Вот что... Завтра в Питер...Хочешь? – Господи!.. Да как же не хочется? Надо ж старику встряхнуться. Да он в Питере больше двадцати лет не бывал. Да он... Эх, чего тут... Да ему там и лошадиные зубы на человечьи обменяют. – Готов. Согласен. Прощенька!.. (В. Шишков). Вот и хорошо, надо мать успокоить... (В. Шишков). – Ну и прекрасно! Да это же вся ты! Именно такая – моя, вся моя, и самая лучшая! Таня, ты представляешь, у нас будет сын!.. (В. Шишков).

Причем, как показывают наблюдения, чем выше количественная интенсивность эмоции, тем больше частиц употребляется в высказывании. Вероятно, что эмоции, переполняющие человека, сковывают его информативные (рациональные) речевые возможности. Эмоциональное содержание выходит на первый план и реализуется в синтаксически «неполноценных» конструкциях: неполных, эллиптических предложениях, реактивных репликах, парцелированных конструкциях.

Таким образом, мы попытались представить эмоциональные частицы, способные участвовать в выражении *радости*, в виде сложной ядерно-периферийной организации, что позволило проанализировать связь эмоциональной семантики высказывания с другими модусными смыслами и коммуникативными намерениями говорящего. Результаты работы, отраженные в *Схеме 1*, показывают, что в высказывании эмоцию *радость* чаще всего помогают выражать частицы: **-то-то, -вот это (-во), – что (за), -ишь (-вишь), -неужели (-неужто), -как, -эк (-эка, -эко), -ведь, – да, -а, -и, -же**, причем их вклад в содержание эмоциональной оценки различен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Изард К.Е. Эмоции человека. – М., 1982. – С. 214.
2. Романов Д.А. Эмоции в системе языковых репрезентаций. – Белгород, 2004. – С. 26-30.
3. Бондарко 1976: Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л., 1976.
4. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 2003. – С. 98.
5. Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. / Под ред. В. Гладрова. – Берлин, 1999. – С. 102.

И.А. Магомедова,
аспирант кафедры русского языка
Московского педагогического
государственного университета

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГРАДУАЛЬНОСТИ В КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ ХОРОШО – ЛУЧШЕ

Статья освещает проблемы проявления и функционирования градуаторов в высказываниях, содержащих компоненты *хорошо, лучше*.

Прослеживается актуализация таких проблем, как семантика градуальности, оценочности, тема-рематическое членение предложения, фразеологические единства.

Компоненты градуальной лексики рассмотрены в соотношении с различными аспектами языка.

I. Magomedova

Article shines problems of presentation and functioning of graduators in the statements containing components *well, better*.

Actualization of such problems, as semantics graduation, valuation, theme – rheme division of the sentence, phraseological units is being illustrated.

Components of graduation lexicon are considered in correspondence ratio with various aspects of language.

«Категория градуальности как категория универсальная пронизывает и связует все языковые уровни, на каждом из которых имеют место проявления этой категории, результаты ее функционирования» [1]. Данная категория «представлена в языке на разных уровнях от морфемного до синтаксического» [2: 37], где находит свое выражение с помощью различных языковых средств. На уровне морфемы – это аффиксы, которые «придают значению производного слова значение большей или меньшей степени проявления признака» [2: 140], на уровне лексики – совокупность лексических единиц со значением качественно-количественного проявления признака, на уровне морфологии – категория степеней сравнения имен прилагательных и наречий. На уровне синтаксиса – это специализированные конструкции с составным неглагольным сказуемым в простом предложении, сложноподчиненные с градуальным значением и т. д.

Градуальность характеризует, как видим, большой пласт разнообразных единиц русского языка, которые соотносятся с семантикой названной категории.

С.М. Колесникова и Б.Ю. Норман отмечают, что «по всей структуре категория градуальности представляет собой функционально-семантическое поле, ядро которого образует грамматическая категория степеней сравнения, периферию – языковые средства разных уровней, комплекс которых выражает оттенки семантики градуальности» [2: 12]. Исходя из этого, на периферии окажутся так называемые градуаторы – «специальные средства, повышающие или понижающие степень проявления признака» [2: 12].

Применительно к высказываниям с компонентами *хорошо, лучше* ими окажутся самые разнообразные языковые средства, отражающие движение по оценочной шкале как в зону «+», так и в зону «-». *А днем сегодня я читал в гостеприимном Герценовском институте и после лекции пообедал хорошо на отделении, затем через 10 минут еще лучше в командирской столовой...* (А. Болдырев). В пределах оценочно-бытийных предложений, способных выполнять градуальные функции, частица *еще* обладает эмоционально-экспрессивной природой, актуализируя градуально-оценочные значения. В данном же высказывании частица *еще* усиливает оценочное и градуальное значения, выступая в качестве градуатора.

Э. Сэпир в работе «Градуирование: семантическое исследование» писал: «Такие слова, как *ровно, всего лишь, еще, уже, только, не более чем, даже, едва (едва ли)* и другие способствуют, насколько это возможно, обнаружению скрытого кинестетического элемента в логических понятиях «меньше, чем», «равный», «больше, чем» в тех случаях, когда эти понятия применяются на практике» [3: 66]. Об их функции говорится, что «они перенесены в суждения о динамическом и нединамическом градуировании из других типов суждений». Так, *еще* «по смыслу связано со временем, по крайней мере по происхождению... эти слова придают суждению особую окраску, привнося в его скрытый оттенок смысла одобрения или неодобрения» [3: 66]. В данном суждении – одобрения. Если представить его в символической записи, то перед нами предстает эксплицитно динамический тип градуирующего суждения: $q \rightarrow$ («больше, чем q , и возрастающий» (= «превышает все больше и больше»), где « q – произвольное количество» [с. 64, 70].

Градуирующая функция данного высказывания представлена не только компаративной конструкцией *хорошо – лучше*, но и частицей *еще*, обеспечивающей движение по оценочной шкале в зону «+».

Ведь каждому известно, что быть генералом хорошо, но быть маршалом – еще лучше! (В. Роньшин). Проявлению перечисленных признаков способствует и интонационная расчлененность, и постановка тире. Это, в свою очередь, связано с тема-рематическим членением предложения и объясняется тем, что «тема (данное, известное из предыдущего предложения) соотносится со сказуемым, а рема – с подлежащим» [4: 457]. Автор актуализирует «информативно-семантическую нагрузку отдельных членов предложения в общей семантике предложения» [4: 457]. Компонент *еще* лишь усиливает такого рода нагрузки и вместе с тем несет, наряду с семантикой градуальности, отношения оценочности, интенсивности, экспрессивности и т. д. А вот в примере *В общем, хорошо жить – еще лучше* [Градусы// «Вечерняя Москва»] сразу же обращает на себя внимание тот факт, что отношения между компонентами *хорошо-лучше* теряют семантику градуальности в собственном смысле, так как эти слова в данном высказывании не передают значения возрастания или убывания степени признака, а проявляются лишь в коммуникативном аспекте актуального членения, где рема – «хорошо жить», а тема – «еще лучше». Предикативные отношения «действие – его оценка» сохраняются, а слово *хорошо* – «слово категории оценки». Исследователь Т.В. Маркелова именно так определяет его, утверждая, что «модально-временные значения выявляются независимо от наличия интонационного разрыва и расположения компонентов предложения» [5: 88]. «Таким образом, говорящий, оформляя и адресуя оценочное высказы-

вание в его модальной квалификации, реализует языковыми средствами положительное или отрицательное отношение к действительности» [5: 89].

Заметим, что часто в примерах с компонентами *хорошо* – *лучше* встречаются неразложимые единицы. Акад. А.А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка» настойчиво подчеркивал чрезвычайную важность вопроса о неразложимых сочетаниях слов не только для лексикологии, но и для грамматики. «Под разложением словосочетания, – писал А.А. Шахматов, – разумею определение взаимных отношений входящих в состав элементов, определение господствующего и зависимого от него элементов. Между тем, подобное разложение для некоторых словосочетаний оказывается невозможным» [1]: *Ты хорошо, лучше всех знаешь, что за граница меня никогда особенно не прельщала* (П. Сиркес). Сочетание *лучше всех*, будучи градуальным, оценочным показателем, не может рассматриваться нами разложимым, произошло ослабление грамматической расчлененности внутри данной компоненты, хотя признаки семантической раздельности остались. В.В. Виноградов определил данное сочетание слов как одну из форм степеней сравнения наречия – «описательная превосходная степень, состоящая из той же формы сравнительной степени и родительного падежа *всего* и *всех*: работать лучше всех, любить больше всего и т.п.». Компонент шкалы оценок и градуальной шкалы *лучше всех* можно называть предельным в своем выражении. Это градуатор в «типичной форме квантора всеобщности» [6: 53], его в какой-то мере можно назвать и аффективным (в понимании аффективности как «степени заинтересованности субъекта» [6: 43]), фиксированным на крайней точке шкалы [ср.: *Жили мы в ту пору не похвалюсь, что вовсе хорошо, а все-таки лучше многих соседей* (П. Бажов)]; *И так хорошо им там наверху, древесным медведям, как лучше для них и не бывает на всем свете* (Митьки. Амба и древесные медведи). *Лучше ...не бывает на всем свете* можно приравнять к суперлативу «наилучшее из всех (возможных). Это «абсолютный» или «безусловный» суперлатив. Этот «тип образован уникальными степенями качеств в верхнем конце шкалы» [3: 73]. *Лучше*, считающийся «наилучшим» (или наименее плохим), применяется только к одному элементу, экстемуму подкласса «менее хороший» [3: 73].

Фразеологическое сочетание «не бывает на всем свете» образует с *лучше* целостную семантическую единицу, которая обладает аффективными признаками и употребляется, как и в первом примере, в форме квантора всеобщности. В первой части высказывания для усиления категорий градуальности и оценочности использовано наречие *так* – «так хорошо, ...как...».

В.В. Виноградов говорил, что *так* обозначает «степень качества наряду со столько, сколь, сколько», применив к нему термин «бесформенные» наречия [7: 305]. Вспомогательный компонент *так* – компонент градуальной лексики, градуатор, «усиливающий значение положительной эмоциональной оценки» [5: 100].

В предложениях типа: *Но сама писать не любила, хотя делала это хорошо – гораздо лучше меня* (С. Новопрудский); *У нас плохо, а в Англии с футболом хорошо, по крайней мере, намного лучше* (А. Вольский). Высказывания с качественно-количественным и неопределенно-количественным наречиями *гораздо* и *намного* в соотнесении с высказываниями с градуаторами *всех* и *на всем свете* находятся между вторыми и суждениями без градуаторов. Но следует отметить, что у нас нет попытки выстроить обозначения по градуирован-

ной шкале, так как зачастую «не только нельзя определить интервалы между степенями признаков, но не удастся и установить их порядковое место» [6: 53]. Взяв для примера *гораздо* в соотнесении с *намного*, задаемся вопросом, насколько *гораздо лучше* лучше, чем *намного лучше*? Хотя попытки построить подобную формальную модель шкалы имели место быть. «Представители так называемого утилитаризма считают допустимой оценку для любого субъекта с точки зрения его пользы» [см. об этом Вольф, с. 56-57].

Интересны примеры, где для усиления степени проявления признака используются повторы: *Но, надо заметить, что Света играла хорошо, и с годами все лучше и лучше* (И. Изгаршев).

Множество вопросов остается за пределами статьи, но подчеркнем, что характерной особенностью градуальности в предложениях с компонентами *хорошо – лучше* в естественном языке является то, что она неразрывно связана с системой градуаторов и тех языковых средств, которые актуализируют данную семантику.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1975. – С. 17.
2. Колесникова С.М. Категория градуальности в современном русском языке: Дисс. ...д-ра филол. наук. – М., 1999.
3. Сэпир Э. Градуирование: семантическое исследование// Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986.
4. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. – Ч. 2. – М., 2002.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 2006.
6. Маркелова Т.В. Вопрос о категориальном статусе оценки. Оценка в отношении к грамматическим категориям предложения// Русское предложение: компоненты с модальной, оценочной, экспрессивно-эмоциональной семантикой. – М., 2006.
7. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1986.
8. Халина Н.В. Категория градуальности в морфологии. – Барнаул, 1996.

Е.А. Назарова,
старший преподаватель кафедры русского
и иностранных языков Государственного университета
по землеустройству,
соискатель кафедры славянской филологии
Московского государственного
областного университета

ВЛИЯНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Статья посвящена изучению имён существительных с компонентами англицизмами. Рассматриваются функции имён существительных в художественном тексте, выявляются особенности синтаксических конструкций, включая специфику англицизмов, свойственных разговорной речи.

Статья адресована широкой аудитории читателей, интересующихся проблемами употребления заимствований из английского языка в современном русском языке.

E. Nazarova

THE INFLUENCE OF BORROWINGS FROM THE ENGLISH LANGUAGE ON USING NOUNS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE (THE END OF XX CENTURY – THE BEGINNING OF XXI CENTURY)

The article is devoted to the study of nouns with anglicisms as the components. The functions of nouns in non-fiction text are being observed. The peculiarities of syntactical constructions including the specific character of anglicisms in spoken Russian.

The article is supposed to be of interest to those concerned in the problems of borrowings from the English language into the modern Russian language.

Большинство слов английского происхождения относится к именам существительным. Объясняется это, прежде всего, преобладанием имён существительных над другими частями речи в современном русском языке и способностью существительных обозначать название предмета, лица, процесса или явления.

Англицизмы со значением субстантивации подразделяются на однословные, составные и сложные.

Составные имена существительные расчленённого типа делятся на следующие группы:

1) словосочетание «существительное + существительное» (как правило, в объектном значении): *звезда андеграунда, машина шоу-бизнеса, проект супермаркета* и др. Например: “Первым умер *проект супермаркета*” [1: 177].

2) Словосочетание «существительное + определяющее прилагательное»: *авангардный джаз, диджейский пульт, супермаркетовский пакет* и др. На-

пример: “Диджейский пульт на месте сварили из кабин гигантских армейских грузовиков” [1: 236].

3) словосложение с сочинительной связью в основе: *драм-машина*, *спонсор-бизнесмен*, *фейс-контроль* и др. Например: “Система была гибридом кассы и *фейс-контроля*” [1: 139].

Составные имена существительные нерасчленённого типа имеют склонность к уточнению значения. Например: *прайм-тайм* ‘наиболее выгодное и дорогое время для размещения теле- и радиорекламы в эфире, определяющееся максимальным числом возможных слушателей или зрителей’; *пресс-релиз* ‘специальный бюллетень с актуальной информацией, выпускаемый и распространяемый какими-либо учреждениями, компаниями, органами для возможного опубликования в печати’; *хэд-хантер* ‘специалист по подбору квалифицированного персонала для компаний, фирм’. Например: “Размещать рекламу в *прайм-тайм*” [2: 151].

Составные названия разных областей человеческой деятельности содержат достаточное количество заимствований из английского языка, в которых можно наблюдать следующую модель: систематически повторяющаяся первая составная часть сложных слов, обозначающая явление, относящаяся к определённой сфере. Например: *бизнес-вумен* ‘женщина-бизнесмен, деловая женщина; бизнес-леди’; *бизнес-класс* № ‘специальный класс финансово-экономической ориентации, в программу обучения которого входят маркетинг, бухгалтерский учёт, делопроизводство и т.п.’; *бизнес-класс* I ‘места среднего ряда в самолёте, поезде и т.п., обычно занимаемые бизнесменами’; *бизнес-класс* II ‘разряд в классификации технических устройств, свидетельствующий об их высоком качестве, гарантирующем возможность профессионального применения’; *бизнес-клуб* ‘клуб деловых людей, предпринимателей’; *бизнес-круиз* ‘путешествие, совмещающее отдых с деловыми целями’; *бизнес-леди* ‘то же, что бизнес-вумен’; *бизнесмен* ‘организатор бизнеса; предприниматель, коммерсант’; *бизнес-партнёр* ‘партнёр по бизнесу’; *бизнес-план* ‘план предпринимательской деятельности с указанием капитала, перспективы, видов работ и т.п.’; *бизнес-программа* ‘программа бизнес-круиза, предусматривающая совмещение отдыха с деловыми мероприятиями’; *бизнес-тренинг* ‘краткосрочные курсы, обучающие программы, посвящённые какой-либо одной проблеме организации и ведения бизнеса’; *бизнес-центр* ‘здание или комплекс зданий с конференц-залами, офисами, гостиничными номерами и магазинами, предназначенными для работы и отдыха бизнесменов’.

Сложные производные имена существительные образуются:

1) путём словосложения. Например: *кинопродюсер*, *наркобизнес*, *шоптур*. Например: “Лидер «ДДТ» Юрий Шевчук с *кинопродюсером* Сельяновым... как-то пошли попить пива, и нарвались на ребят, которые пива уже попили” [1: 193].

2) словосложение + суффиксация. Например: *баксодержатель* ‘человек, имеющий валюту’; *даблосещение* ‘посещение туалета’. Например: “А не совершить ли нам, господа, ещё одно *даблосещение*?” [2: 91].

В последнее десятилетие в разговорной речи и в речи СМИ стали распространёнными следующие синтаксические конструкции:

1) оборот «не... и не... а + англицизм...». Например: “Все они были со странами, но Курехин – особенно... Этот парень любил *не* «Rolling Stones» *и не*

«Led Zeppeлин», а авангардный джаз» [1: 69].

2) введение англицизма в контекст с целью повторной номинации. Например: “– Дим, ты что, не узнаёшь? Он ведёт все *ток-шоу*! Вот если есть *ток-шоу*, которое все смотрят, значит, его Веселовский ведёт!” [3: 69].

3) приём употребления в одном контексте англицизма и русских слов, сходных с заимствованием по форме и по значению.

Как правило, англицизм имеет негативную «окраску», поэтому текст воспринимается как информация с отрицательной оценкой. Например: “Об Александровском саде говорили, что это вам не дремучий лес: здесь человеку в одиночку выжить не получится. Толпы цыган...и просто криминальных *ти-нейджеров* с окраин” [1: 61].

4) Употребление англицизма вместе со сходными по значению словами русского языка акцентирует интерес читателя, воспринимается как определённая характеристика данных событий, явлений или процессов. Например: “Издатели, журналисты, *пиарщики* могут быть попеременно то на нашей, то на противоположной, но мы...по одну сторону линии фронта” [3: 64].

5) Англицизм может употребляться также в скобках с целью уточнения какого-либо факта, при этом его значение не уменьшается. Например: “VIP-персоны (чиновники из городской администрации и *спонсоры-бизнесмены*) заняли огороженное место перед сценой...” [1: 113].

Частое использование англицизма вместе со словами, различными по значению, в рамках одного предложения даёт возможность выделить следующие контекстуальные приёмы.

1) Употребление слова русского языка, обозначающего ранее существующий предмет (в данном случае – рация), и англицизма, называющего новый предмет. Например: “Охранники с *беджами* и рацией в ухе даже не подозревают, руины чего им выпало охранять” [1: 81].

2) Соотнесение лексем, близких по словообразовательному составу, но различных по значению, и объединённых обобщающим словом (в данном случае – «ничего этого»). Например: “Сильвестр что-то длинно и путано рассказывал из жизни компьютерных монстров. Родионов прислушался, но на «*ламерах*, *юзерах* и *крякерах*» понял, что ему ничего этого не постичь...” [3: 66].

3) Наблюдается употребление англицизма с оборотом уничижительной «окраски» типа «помельче и поуже», что подчёркивает ироничность высказывания в целом. Например: “Его стиль жизни пытались копировать *бизнесменчики* помельче и поуже, потому что именно он и был тем, что называется «гордостью отечества»...” [4: 295].

4) В рамках микроконтекста нередко можно наблюдать семантически нарастающую последовательность номинации (повторную номинацию) какого-либо предмета или явления при переходе от одного предложения к другому. Например: “Дмитрий Родионов открыл *компьютер*, сел и устроился в него. *Компьютер* был шикарный – подарок издательства к выходу его десятой книги... Родионов *компьютер* обожал...” [3: 272].

Таким образом, русский литературный язык непрерывно пополняется различными заимствованиями-англицизмами.

Наблюдения над процессами, происходящими под влиянием заимствований из английского языка, показывают, что существенная роль в изменении лексического состава русского литературного языка объясняется его связями

с традицией, уровнем его открытости, отсутствием в системе лексем, обозначающих новые реалии в окружающей человека картине мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

2. Складьяевская Г. Н., Ваулина Е. Ю. Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространённые заимствования в современном русском языке: Краткий словарь-справочник. – СПб.; М., 2004.

1. Стогоff И. 1999. Роман в стиле техно: Роман / Илья Стогоff. – СПб., 2004.

4. Устинова Т. В. Олигарх с Большой Медведицы: Роман. – М., 2007.

3. Устинова Т. В. Саквояж со светлым будущим: Роман. – М., 2006.

Т.Е. Овчинникова,

аспирант кафедры лингвистической семантики
Московского государственного лингвистического университета

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННО- ВРЕМЕННОГО КОМПОНЕНТА У МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ (НА ПРИМЕРЕ ЧАСТИЦЫ УЖ)

Предметом рассмотрения является функционирование русской модальной частицы *уж*, совпадающей по форме с местоименным наречием, для чего используется метафорическая модель «*пространство времени*».

Согласно рассматриваемой метафорической модели, дейктическое слово, ранее использовавшееся только для обозначения времени, получило пространственное переосмысление. Определяется, какие оттенки значения появляются у бывшего местоименного наречия при переходе в модальную частицу.

T. Ovchinnikova

MEANS OF REPRESENTATION OF SPACE AND TIME COMPONENT BY MODAL PARTICLES (ON EXAMPLE OF A PARTICLE “UZH”)

The topic of research is the functioning of the Russian particle “uzh” which is identical in its form to pronominal adverb. The research is carried out with a help of metaphoric “space and time” model.

According to the metaphoric model, a deictic word, which in the past was used for distinguishing time, gained a space meaning. It’s being defined which shades of meaning the former pronominal adverb acquires in the transition to a modal particle.

Пространство и время релятивизируются взглядом говорящего на мир [1]. Связь между ними естественна: то, что расположено близко от человека, достигается близко по времени, а то, что далеко – медленно. Такого рода представления появляются у человека вместе с понятиями пространства и времени.

Язык позволяет человеку создавать многочисленные приспособления, которые помогают человеку распределять свою деятельность во времени и осуществлять разнообразные манипуляции, тем самым воздействуя на естественный ход событий и придавая им желаемую временную структуру. К ним можно отнести обширный класс текстов, представляющих собой детально структурированное знаковое поле, моделирующее определенный событийный континуум. В качестве примера могут послужить графики движения поездов, самолетов, астрономические таблицы, календари, программы конференций и т.д. В содержательном плане тексты такого характера представляют собой идеальное событийное пространство с обозначенными пространственными и временными границами, где каждому событию отведено определенное место в ряду других [2].

Моделирование времени в терминах пространства и движения неминуемо влечет за собой противоречия. «Время рождает пространство, пространство же убивает время» [3]. Вместе с тем моделирование времени по данным языка не может миновать пространственных категорий: ключевые метафоры времени основываются на локальных и динамических значениях. Их употребление противоречиво. Избежать противоречий можно, лишь допустив множествен-

ность моделей времени, присутствующих в обыденном сознании людей и отраженных в «языке времени», построенном, как и языки других отвлеченных понятий, на метафорах и аналогиях. Языковые модели времени могут быть разделены на такие, в которых главной фигурой является человек, и такие, которые ориентированы на само время.

Претензии человека на свободное строительство жизни и совместное с временем движение вперед обернулись концептуальными неполадками. Они повлекли за собой противоречия в употреблении слов времени. Лежащие в их основе пространственные значения последовательны, производные от них временные значения противоречивы: ср.: *пред-стоящий* (= будущий) и *пред-иду-щий* (= прошедший). Пространство доступно непосредственному восприятию, и его модели в обыденном сознании устойчивы. Пространство описывается в терминах слов, употребленных в их прямом значении. Время восприятию недоступно, и его модели изменчивы. Время описывается в метафорических терминах, легко допускающих противоречия. Претерпеваемые моделями времени изменения тем более радикальны, чем теснее связывается понятие времени с жизнью человека, его мироощущением и с происходящими в мире историческими процессами.

Время, в отличие от пространства, не материально и не доступно ни одному из пяти органов чувств. Однако оно является базовой категорией языка. Когда мы говорим, мы обязательно соотносим высказывание с моментом речи, хотя иногда это соотношение может быть не выражено явно. Иногда наличие темпорального слова позволяет отличить предикативное высказывание от непредикативного (*Старик в тулупе* и *Старик уже в тулупе*). Поэтому вопрос о выражении времени в языке приобретает особую значимость для языкознания.

Как любая нематериальная вещь, время выражается с помощью материальных метафор. К.Г. Красухин выделяет три базовых представления о времени: внешнее время (время как пространство), внутреннее время (время как жизненная сила), субъективное время (время как желание, мысль и т.д.). Время как пространство – это довольно сложная система обозначений, включающая в себя несколько подсистем: время как мера, время как цельная часть пространства, содержимое границ, время как движение [4].

Об использовании темпоральной лексики как экспрессивного средства говорит Н.К. Рябцева. Здесь «задействовано главное свойство дейксиса – и не только темпорального – акцентировать внимание на присутствующем в данное время и в данном месте объекте, выделить его из фона» (*Тут ты не прав, Что уж тут говорить*). Все речевые формулы «малого синтаксиса» эксплуатируют это свойство для выражения модального смысла – отношения к происходящему, ср.: *Вот оно что, Ну ты у меня еще попляшешь, Это еще что такое?* [5: 93].

Кроме того, дейксис в речи – отличительной особенностью которого является отождествление «пространства» и времени речи и представление их как нерасчлененный хронотоп – имеет еще и свойства метатекста – это речь о своей речи, которая также имеет оценочные коннотации, связанные с учетом фактора адресата. Это перекрестные отсылки к уже сказанному, последующему, к началу, концу и др. Они придают определенность и связность изложению, упорядочивают и квалифицируют его фрагменты [5: 93].

Собственно темпоральная лексика, не имеющая оценочных коннотаций, в речи способна их получать и использоваться как модальный оператор, выра-

жающий межсубъектные отношения – проявляющий их, устанавливающий, навязывающий или предлагающий мировосприятие, и выражающий эмоциональность. Причем разные способы воздействия на адресата часто переплетаются и переходят друг в друга, ср.: *Раньше надо было думать – О чем же ты раньше думал!* [5: 93].

Мы рассмотрели, какие модели времени исследователи выделяют в языке. Согласно нашей метафорической модели «*пространство времени*», дейктические слова, ранее использовавшиеся только для обозначения времени, получили пространственное переосмысление, хотя обычно бывает наоборот [6]. Например, в работе М. Хаспельмата было показано, что в языках мира временные выражения (в том числе дейктические) обычно происходят из пространственных. Этот диахронический процесс основан на универсальной метафоре «*время – это пространство*». В результате между пространственным и временным дейксисом также возможны переходные случаи. Например, в высказывании типа Перед поворотом ты увидишь бензоколонку затруднительно определить, какой именно тип дейксиса имеет место – «еще», пространственный, или «уже», временной [7].

Рассмотрим, как происходит процесс метафоризации у дейктических слов, используемых для указания времени, какие оттенки значения появляются у бывшего местоименного наречия при переходе в модальную или усиленную частицу.

С точки зрения семантики время можно представить очень просто – это последовательность точек, которые расположены на воображаемой «оси времени». В отличие от трехмерного пространства, время одномерно и однонаправлено, то есть линеаризовано.

Указание времени может соотноситься с обозначениями точки на линии. Это могут быть разные точки отсчета, относительно которых сориентирован момент ситуативного чередования, описываемого частицей. В большинстве случаев такой точкой оказывается некоторый порог, после которого происходят изменения.

На примере русской частицы *уже* этот порог можно описать примерно так: до некоторого x из ряда X было не P , при достижении $x - P$. Если для наречия *уже* достижение предела всегда связано с моментом времени, то у частицы *уж* идет перебор ряда объектов, где x – предел в переборе [8].

Рассмотрим, как реализуется метафора предела (порога) в разных типах предложения.

Повелительные предложения с частицей *уж* могут иметь несколько значений. Первое значение – достаточно настойчивой, хотя и несколько приниженной просьбы:

– *Вы уж не сердчайте на Маркуса, я так и думал, что вы из-за него не хотите* (Г. Грасс. Жестяной барабан).

Это значение возникает в результате взаимодействия общего значения с компонентом модальной рамки «содержание просьбы» (по некоторым трактовкам, этот смысл выводится из модальной рамки, составляя пропозицию). В результате заполнения сферы действия общего значения этим компонентом смысла высказывания получается фрагмент «я не прошу о целом ряде вещей, но тут предел, и об этом я прошу».

В следующем примере присутствует настоятельность с элементом уступ-

ки:

Не делайте ставку на поляков, если уж хотите делать ставку, ставьте на немцев, потому что они поднимутся не сегодня, так завтра, они и сегодня уже поднимаются, их уже видно, а фрау Агнес все еще делает ставку на Бронски (Г. Грасс. Жестяной барабан).

Очевидное долготерпение говорящего мешает истолковать просьбу как требование: если бы говорящий имел право требовать, ему вряд ли пришлось бы отказываться от целого ряда просьб.

Второе значение *уж* – неохотное согласие, которое проявляется во фразах с повелительными формами глаголов, либо при употреблении со словами *ладно, так и быть*:

Ну ладно уж, оставайтесь с Мацератом, который у вас есть, а на Польшу больше не ставьте... (Г. Грасс. Жестяной барабан).

Здесь очевидна связь с первоначальным временным значением, то есть до определенного момента говорящий не соглашался, наступил предел, и он изменил свое мнение.

«Ведете меня к себе домой?» – высказал предположение Платон. – «Так, вдоль железной дороги, ближе?» – «Вы что?» – изумилась Вера. «Туда двенадцать километров!» – «Чтобы остаться с вами вдвоем, я пройду и тридцать!» расхрабрился Платон. «Тогда потопали уж до Грибоедова, чего там!..» (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Вокзал для двоих).

В данном примере снисходительное согласие возникает после перебора говорящим ряда объектов, а именно нескольких вариантов расстояний. Последний является предельным, то есть говорящий согласен на любой вариант развития событий.

– Так растрогали, так растрогали... Спасибо вам, – говорил Филипп Филиппович, – голубчик, я иногда на вас ору на операциях. Уж простите стариковскую вспыльчивость. В сущности ведь я так одинок... (М.А. Булгаков. Собачье сердце).

В данном контексте просьба говорящего связана с желанием предотвратить неблагоприятные для себя последствия, а именно, возможную обиду со стороны слушающего. Кроме того, просьбе придается доверительный характер, и эта доверительность возникает вследствие того, что в ряду лиц, которых горячий не стал бы об этом просить, слушающий таким лицом не является.

– Борменталь! – Нет, уж вы меня по имени и отчеству, пожалуйста, называйте! – отозвался Борменталь, меняясь в лице.

Данным высказыванием с модальной частицей *уж* говорящий указывает, что в ряду лиц, которым разрешено более фамильярное обращение к говорящему, слушающий является лицом, которому это запрещено.

В повествовательных и восклицательных предложениях усилительная частица *уж*, примыкая к последующему или предшествующему местоименному или неместоименному слову или сочетанию слов, обозначающему большое количество чего-либо или высокую степень признака, выражает оценку количественной характеристики предмета или степени проявления признака как чрезмерных, превышающих обычные представления говорящего о возможном или допустимом.

Рассмотрим, как описанная ранее модель пространственной метафоры действует при возникновении у частицы усилительной функции.

– Я, конечно, не специалист. Но какое будущее у данной модели? Я пони-

маю, что эксперимент проходит успешно. Но очень *уж* активно она потребляет (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу).

В данном примере говорящий с помощью частицы *уж* подчеркивает, что происходящее является для него слишком очевидными. Если в данной ситуации опустить частицу, то сказанное можно воспринять как простую констатацию факта. Но частица указывает на то, что далее такое развитие событий невозможно, то есть существует некий предел, после которого ситуация может в корне измениться, а именно: модель выйдет из под контроля.

Я, придерживая дверцу, тоже смотрел на него, не решаясь заговорить. Слишком уж у него был странный вид. Непривычный какой-то. Дикий. Кто его знает, что за человек.

Говорящий обращает наше внимание на чрезмерность признака. Можно предположить, что, перебирая в уме людей странного вида, говорящий признает, что проявление странности у этого человека является предельным из виденных ранее.

Ворота были совсем уж феноменальные, как в паровозном депо, на ржавых железных петлях в пуд весом (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу).

Субъект действия характеризует предмет как в высшей степени необычный, то есть если раньше ему уже встречались подобные предметы, то этот является пределом в его представлениях о необычном. Таким образом в данном высказывании говорящий с помощью частицы *уж* выражает свое удивление.

Модальная частица *уж* часто употребляется в начале **реактивной реплики** (иногда в сочетании с предшествующими частицами *да, ну*).

Филипп Филиппович повертел головой и заговорил веско: «Спать на полках прекращается. ... Там женщины». Лицо человека потемнело и губы оттопырились. «Ну, уж и женщины. Подумаешь. Барыни какие. Обыкновенная прислуга, а форсу как у комиссарши» (М.А. Булгаков. Собачье сердце).

С помощью частицы *уж* говорящий выражает несогласие с утверждением партнера по коммуникации. Здесь предел наиболее очевиден, так как, с точки зрения говорящего, в ряду женщин, достойных уважения, прислуга не является таковой.

Дочка у вас красавица! – Скажете уж, Анна Петровна. / Уж вы скажете, Анна Петровна!

Говорящий выражает сомнение в искренности собеседника, то есть если бы собеседник похвалил за какое-нибудь другое качество, то говорящий с ним бы согласился. Но в данном случае красота является нетипичной характеристикой объекта речи, а именно пределом, который и заставляет говорящего усомниться в искренности.

Здесь также возможен другой вариант развития событий. Говорящий согласен с мнением собеседника по поводу характеристики объекта речи, но, в силу ложной скромности или по причине возможной неискренности собеседника, он выражает несогласие. Если рассматривать возможную неискренность собеседника, то фраза *Уж вы скажете, Анна Петровна!* может означать следующее: я приму похвалу от любого, но только не от вас. Таким образом, мнение собеседника является пределом в череде искренних похвал.

Наверное, вам сын помогает ухаживать за садом. – Да уж он поможет!

Данной репликой с частицей *уж* говорящий выражает несогласие с предположением адресата. Для говорящего объект, о котором идет речь, является

предельным среди тех, кто мог бы помочь.

Во всех приведенных реактивных репликах с помощью модальной частицы *уж* говорящий выражает несогласие или сомнение. Но выражает он это косвенно, без употребления отрицания. Таким образом возникает ирония. Можно с уверенностью утверждать, что большинство высказываний подобного рода употреблены в переносном смысле, то есть метафорически.

Употребляя модальную частицу *уж* в риторических вопросах без отрицания, говорящий выражает невозможность предполагаемого, а также (иногда) ироническое отношение к позиции слушающего, отдающего предпочтение мнению о невозможности предполагаемого [9]. Однако ирония вытекает из значения уверенности: *уж* связано со значением «о чем-то до определенного предела я сказать точно не могу, а после него – конечно».

– *Уж, конечно, как же... – Иронически заговорил человек и победоносно отставил ногу, – мы понимаем-с. Какие уж мы вам товарищи! Где уж. Мы в университетах не обучались, в квартирах по 15 комнат с ванными не жили.*

Данным высказыванием с частицей *уж* говорящий подчеркивает негативное отношение к себе слушающего. Предел выражается следующим образом: говорящий считает, что слушающий может считать своими товарищами только людей образованных и имеющих хорошие бытовые условия проживания. Так как говорящий такими качествами не обладает, перебор в черед людей, с которыми может общаться слушающий, прерывается, к остальным людям, по мнению говорящего, его партнер по коммуникации испытывает презрение, о чем иронично и с уверенностью заявляет.

Да что вы все... То не плевать. То не кури. Туда не ходи... Что уж это на самом деле? Чисто как в трамвае (М.А. Булгаков. Собачье сердце).

Говорящий выражает свое возмущение и недовольство, перебирая ряд запрещенных ему действий, которые, с его точки зрения, являются нормальным поведением в квартире. В ряду запретов они являются для него своеобразным пределом, который выше его понимания, таким образом и возникают названные выше эмоции.

Итак, рассмотрев функционирование русской модальной частицы *уж* в разных типах предложения, можно сделать вывод, что в семантике данной частицы присутствует как ярко выраженный временной (противопоставление «до того – теперь»), так и пространственный компонент (мысленный перебор ряда объектов, где *x* – предел в переборе). Развитие частных значений у частицы *уж* провоцирует отход от обозначения времени и переход к пространству. Указание на порог может быть отнесено не к временной линии, а к последовательности перебираемых в уме объектов, выстроенных по какому-то принципу и допускающих разделение: например, в высказывании *Уж тебя-то не накажут*, до какого-то момента идут те, кого накажут, но потом, после какого-то порога, появляются не подлежащие наказанию. Заметим, что такое пространство, во-первых, остается двумерным и однонаправленным, поскольку является отражением времени (времени перебора). Во-вторых, оно искусственно сформировано говорящим по какому-либо принципу. Содержательно оно соотносится с пространством смысла, однако является его очень ограниченным подмножеством.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – М., 1986. – Вып. 28. – С. 5-33.
2. Потаенко Н.А. Время в языке (Опыт комплексного описания) // Логический анализ языка: Язык и время. – М., 1997. – С. 113-121.
3. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время. Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М., 1997. – С. 51-61.
4. Красухин К.Г. Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Логический анализ языка: Язык и время. – М., 1997. – С. 62-77.
5. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка: Язык и время. – М., 1997. – С. 78-95.
6. Борисова Е.Г., Овчинникова Т.Е. Пространства усиления // Труды международного семинара «Диалог-2005» – М., 2005. – С. 549-553.
7. Haspelmath M. From space to time: Temporal adverbials in the world's languages. Мюнхен: LINCOM Europa, 1997.
8. Борисова Е.Г. Усилительные частицы в повелительных предложениях: объект и инструмент исследования // Функционально-типологические аспекты императива. Ч.2. Семантика и прагматика повелительных предложений: – М., 1990. – С. 80-85.
9. Щур М.Г. Словарное представление русских частиц, их классы и функционирование. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999.

Список источников иллюстративного материала

1. Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу <http://www.lib.ru/STRUGACKIE/ponedelx.txt>
2. Грасс Г. Жестяной барабан: Роман / Пер. с нем. С.Фриндлянд. – СПб., 2000. – 736 с.
3. Булгаков М.А. Собачье сердце <http://www.lib.ru/BULGAKOW/dogheart.txt>
4. Брагинский Э., Рязанов Э. Вокзал для двоих <http://www.lib.ru/PXESY/BRAGINSKIJ/wokzal.txt>

*аспирант кафедры
современного русского языка
Московского государственного
областного университета*

ВЫРАЖЕНИЕ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ/НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В ИНФИНИТИВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Статья посвящена определению способов выражения модального значения целесообразности/нецелесообразности в инфинитивном предложении. Определено, что семантика целесообразности/нецелесообразности в этом типе односоставных глагольных предложений может быть выражена с помощью интонации, наличия частиц, переосмысления вопросительного слова, лексических элементов. Замечено, что часто рассматриваемое модальное значение выражается в совокупности с оттенками других значений (совета, просьбы, предположительности и т.д.).

V. Romanova

EXPRESSION OF MODAL MEANING OF EXPEDIENCY/INEXPEDIENCY
IN AN INFINITIVE SENTENCE.

The article is devoted to the definition of ways to express the modal meaning of the expedience and non-expedience in an infinitive sentence. The semantic of the expedience and in-expedience in this type of the verbal sentences with one member must be expressed by intonation, by the particles, by changing of the sense in the interrogative sentence. The modal meaning is often considered and expressed along with the shades of other meanings (advise, request, suggestion).

Категория модальности является объектом исследований и споров многих лингвистов (В.В. Виноградов, К.А. Тимофеев, А.Б. Шапиро, Н.Ю. Шведова, В.З. Панфилов, В.Н. Бондаренко, П.А. Лекант, Е.О. Беличова-Кржижкова и др.). Однако все они сходятся в том, что категория модальности является одной из формирующих предикативное целое (т.е. предложение).

«Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности», – отмечал В.В. Виноградов [1]. Так как основным средством выражения модальных отношений в предложении является глагол, в качестве материала для исследований мы выбрали односоставные глагольные предложения. Прежде всего нас интересовали способы выражения модального значения целесообразности/нецелесообразности.

Модальное значение целесообразности / нецелесообразности может быть выражено в структуре односоставного глагольного предложения различными способами, которые мы выявили в ходе анализа языковых средств этих синтаксических единиц.

Наиболее активно семантика целесообразности/нецелесообразности выражается в инфинитивных предложениях. Причем этот вид односоставных глагольных предложений наиболее привлекателен для изучения, так как выражает множество оттенков модальных значений. Само инфинитивное пред-

ложение указывает на действие потенциальное, целесообразное или нецелесообразное. К.А. Тимофеев утверждал, что «характерным <...> модальным значением независимого предикативного инфинитива следует признать значение долженствования или необходимости» [2]. Целесообразность же представляет собой одну из модальных категорий, которая соответственно вступает во взаимодействие с категориями желательности и побудительности.

1) Инфинитив в предложениях без указания на лицо, к которому обращаются, имеет значение категоричности, приказа, наставления или указывает на безысходность положения. Предложения подобного типа в «Русской грамматике» отнесены к синтаксическим единицам со значением субъективно осознаваемой целесообразности и своевременности [3]. Так можно сказать, что инфинитивные предложения с главным членом – независимым инфинитивом – выражают модальное значение целесообразности:

От этой развеселой жизни только *самогонку и глушить* (М. Шолохов); Счастливому по грибы *ходить* (В. Даль); Часть возьму я с собой. Остальное пока *зарыть* (С. Есенин).

Такие инфинитивные предложения могут выражать и модальное значение нецелесообразности. В этом случае важную роль играет интонация: *...А разводит здесь любовь? ...Так для этого я герой не их романа* (А. Куприн); *[Тузенбах]. Уходит с именин!* (А. Чехов); *Звезды считать? Сойдешь с ума* (В. Маяковский).

Интонация вопросительности с оттенком негодования, возмущения лишь подчеркивает отношение говорящего к проблеме, иными словами, усиливает модальное значение нецелесообразности действия.

2) Модальное значение нецелесообразности выражается и в инфинитивном предложении с помощью частицы *не* или *не и бы*: *А вам, искателям невест, Не нежиться и не зевать бы...* (А. Грибоедов); *Теперь уж его, видно, не ждать. И на горе он шел сюда!* (М. Шолохов).

Частица *же*, часто фигурирующая в таких предложениях, вносит оттенок значения само собой разумеющегося действия, нецелесообразного и вполне логичного: *[Мафусаил]. Не купать же бестелых существ в вине?* (В. Маяковский); *[Соня]. Не выписывать же сюда для твоей подагры целый медицинский факультет* (А. Чехов).

3) Часто в инфинитивных предложениях указывается лицо, к которому относится данное высказывание. Такая особенность этого типа предложений была отмечена и К.А. Тимофеевым: «Инфинитивные предложения принадлежат к той довольно распространенной в русском языке категории одночленных предложений, в которых субъект выражается формой дательного падежа» [4]. *Тебе не отрядом командовать, а овец стеречь!* (М. Шолохов).

Нецелесообразность действия в данном случае может быть выражена с помощью вопросительной интонации, которая грамматически выражается употреблением частицы *ли*: *И ему ли, малограмотному казаку, властвовать над тысячами жизней и нести за них крестную ответственность...* (М. Шолохов); Нам *проливать* за работой пот *ли?* (В. Маяковский).

4) Инфинитив с частицей *бы* указывает на целесообразность действия: *Твоими бы устами да мед пить* (В. Даль); *[Кукушкина]. <...> Совершенные дети, ни об чем понятия не имеют; им бы еще в куклы играть, а не то что замуж выходить* (А. Островский); *Мне бы в ночь в голубой степи /Где-нибудь*

с кистенем **стоять** (С. Есенин).

Говорящий таким образом подчеркивает предпочтительность и целесообразность выполнения того или иного действия.

5) Модальное значение целесообразности/нецелесообразности заключается в инфинитивных предложениях с переосмысленными вопросительными словами: *Зачем же лезть, например, Самим!..* (А. Грибоедов); *Зачем перед собой притворяться?...* (А. Куприн); *[Ирина]. Зачем вспоминать!..* (А. Чехов); *Да что вам здесь в темноте шататься одному?* (А. Куприн); *Что на зеркало пенять, коли рожа крива* (В. Даль).

В этих предложениях выражено значение нецелесообразности действия, так как говорящий, задавая вопрос, уже высказывает сомнение или негативное отношение к намерению выполнить то или иное действие: *Зачем портить хорошие отношения?* (А. Чехов). В данном случае мы понимаем высказывание так: *Нет смысла (т.е. нецелесообразно) портить хорошие отношения.*

Это подтверждается и наличием вариантов: *Зачем богатому умирать?* (В. Даль) и *Ему и умирать не надо (в таком довольстве живет)* (В. Даль).

6) Особо следует отметить предложения с лексическими элементами, указывающими на целесообразность/нецелесообразность действия. Например, лексема *пора* – «то же, что время (в 7 знач.)», то есть «подходящий, удобный срок, благоприятный момент» [5] – в сочетании с инфинитивом выражает модальное значение целесообразности: *Пора в покое прошлое оставить* (Н. Рубцов); *К вашей своре собачьей /Пора простыть* (С. Есенин); *[Соня]. Об этом пора забыть* (А. Чехов).

Такие слова, как *следует, подобает* в сочетании с инфинитивом прямо выражают модальное значение целесообразности/нецелесообразности: *Делателю подобает вкушать от плода* (В. Даль); *Мое...слово будет такое, то никакого дела, будь оно самой святой пасхи святее, не следует делать даром...* (М. Салтыков-Щедрин).

Лексема *лучше* – «предпочтительнее, вернее» [6] – также соотносится с модальным значением целесообразности: *Лучше уж для вас и для меня сразу кончить...* (А. Куприн); *Лучше жить в жалости, чем в зависти (и наоборот)* (В. Даль); *Лучше свое побережь, чем чужое прожить* (В. Даль).

То же касается сочетания инфинитива и с другими лексемами, которые выражают значение целесообразности/нецелесообразности: *стоит/не стоит, незачем, нечего, надо, нужно*: *А стоит ли уж так печалиться, прощаясь с миром дорогим?* (В. Тушнова); *Из-за пуговицы не стоит жениться!..* (В. Маяковский); *В наши дела незачем вам мешаться* (М. Шолохов); *Нечего про то и говорить, чего в горшке не варить* (В. Даль); *Улететь бы чижик надо, а он и тут не догадался* (М. Салтыков-Щедрин).

Мы убедились, что главный член односоставного глагольного предложения может иметь различный состав, однако при этом выражает модальное значение целесообразности/нецелесообразности, часто и в совокупности с оттенками других значений (совета, просьбы, предпочтительности и т.д.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике

тике. – М., 1975. – С. 237.

2. Тимофеев К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском языке// Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950. – С. 297.

3. Русская грамматика. – М., 1980. Т. 2 (Синтаксис). – С. 374.

4. Тимофеев К.А. Указ. соч. – С. 286.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999. – С. 563.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Там же. – С. 335.

Д.П. Чигаев,

КРЕОЛИЗОВАННАЯ ЛЕКСЕМА

Статья «Креолизованная лексема» посвящена рекламным логотипам. На их примере автор доказывает существование в языке не только креолизованных текстов, но и более мелких языковых единиц креолизованного характера.

D. Chigaev

CREOLIZED LEXEME

The article on creolized lexeme is devoted to advertising logotypes. On the example of these logotypes author proves the existence of not only creolized texts but also smaller units of creolized character in language.

В современной лингвистике большое внимание уделяется вопросам взаимодействия вербальных знаков со знаками иной природы, их монолитности в составе конкретных текстов. В результате пристальных исследований данной проблемы в психолингвистике возник термин «**креолизованный текст**», под которым понимается текст, «фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [1: 180-181]. В настоящее время вопросами креолизованных текстов занимается целый ряд лингвистов: Е.Е. Анисимова, О.В. Пойманова, Ю.С. Чаплыгина, Г.Г. Слышкин, М.М. Давыдова, А.В. Протченко.

Наряду с текстом, креолизации могут подвергаться более мелкие единицы языка. В рамках данной статьи рассматриваются особенности рекламного логотипа (товарного знака) как **креолизованной лексемы**. Под **логотипом** (от греч. *logos* – слово и *typos* – отпечаток) мы понимаем «специально разработанное, оригинальное начертание полного или сокращенного наименования фирмы (или группы товаров данной фирмы)» [2: 310]. Основная функция товарного знака – идентифицирующая, помощь потребителю в узнавании производителя товара. Товарный знак первым отмечается реципиентом в любой рекламе. Как и слоган, логотип призван отражать идеологию фирмы, символом которой он является.

В специальной литературе отсутствует единая дифференциация структуры логотипа. Например, Уэллс называет логотипом («марочным знаком») «часть марки, которая произнесена быть не может» (символы, картинки, дизайн и т. п.) [3: 503], а В.Б. Семенов дифференцирует понятия «логотип», «изобразительный знак» и «комбинированный знак» [4: 99]. В рамках данной статьи рассматривается широкая структура логотипа: *словесный знак, изобразительный знак и комбинированный знак*. Рассмотрим данные схемы построения товарного знака подробнее.

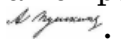
Изобразительный знак, по сути, является пиктограммой рекламируемой фирмы. Его истоками являются протописьменные знаки. И.В. Любишева выделяет следующие функции изобразительных средств в текстах СМИ: эстетическую, предупредительную, образную (иллюстративную) и референциаль-

ную [5: 62-63]. В рекламе логотип в виде изобразительного знака прежде всего выполняет функцию привлечения внимания, используя его символический потенциал. В ряде случаев дизайнеры придают изобразительному знаку максимальную информативность – оформляя его в виде предметов или символов, связанных с деятельностью компании: – логотип обувной компании «Brown Shoe» в виде двух каблучков; – логотип фирмы «Космос». Как показывает практика, наиболее известные изобразительные знаки первоначально не информативны: – логотип «Nike»; – логотип «Mersedes».

Встречается практика включения изобразительных логотипов в вербальный компонент рекламного текста. Изобразительные знаки «выступают при этом в качестве синтаксических эквивалентов члена предложения» [6: 77], в качестве **идеограммы**. Ярким примером служит серия рекламных плакатов компании «Sony Ericsson»: «Я путешествовать налегке», «Я играть светом», «Я музыкотрясение», «Я романтику в картинках». Во всех примерах наиболее подходящим словесным эквивалентом логотипа компании является лексема «люблю». Изобразительные знаки могут выступать эквивалентом графемы в слове, выполняя функцию **литерограммы** (письменного знака, обозначающего букву (от лат. *littera* – буква и греч. *gramma* – письменный знак, черта, линия; термин наш. – Д.Ч.): «кна ПВХ» – логотип «LG» в функции буквы О.

Наиболее универсальной схемой построения логотипа является комбинированный знак, являющийся сочетанием словесного и изобразительного знаков. Изображение и слово – это две разные системы кодирования информации, репрезентирующие человеческое мышление в образах и графических категориях. Комбинированный логотип соединяет черты этих двух систем в одной креолизованной лексеме. Составные части комбинированного знака могут употребляться по отдельности, будучи объединенными общим графическим мотивом: Apple, TDK; в логотипе LG словесный и изобразительный знаки фактически дублируют друг друга. Реже обе части комбинированного знака вступают в креолизованные отношения, образуя неделимую, монолитную композицию: Genius, где силуэт человека и буква i формируют графическую рифму (см. ниже); Kipling – слово и изображение имеют общий компонент (точку над i, являющуюся в то же время хвостом обезьяны), дополнительно связь поддерживается семантическими ассоциациями (Киплинг – английский писатель, часто обращавшийся к описаниям мира джунглей). Словесный ряд в логотипах может заключаться в изобразительный ряд: – логотип Российского футбольного союза, а изобразительный ряд – в словесный: . В данном случае комбинированный логотип достигает еще большей степени креолизации. Говоря о разной степени креолизации комбинированных знаков, уместно провести аналогию с классификацией креолизованных текстов Е.Е. Анисимовой на «тексты с полной и частичной креолизацией» [6: 75].

Наиболее распространенным, запоминаемым и сложным для проектирования видом логотипа является словесный знак. В данном случае товарный знак также является креолизованной лексемой, главным образом, благодаря оформлению особыми *гарнитурами шрифта*. Каждый современный логотип имеет свой особый шрифт, который нередко является уникальным, созданным для конкретного товарного знака. При помощи графического оформления простые лексемы (уже существующие в языке либо придуманные рекламистами)

становятся товарными знаками. Разработка шрифта для товарного знака требует особого подхода, поскольку в логотипе каждая буква «сделана, чтобы работать только на своей позиции в одном-единственном слове» [7: 60]. Благодаря шрифту реципиент способен узнать логотип по формам букв, не читая содержания слова. Так в пародийном рисунке «Всегда ~~Всегда~~» реципиенты узнают намек на логотип «Coca Cola» (ср.) . Взаимодействуя в рамках одного слова, буквы образуют **графическую рифму** – «некие повторяющиеся элементы, задающие *ритм* надписи или знака букв» [7: 41]. Исследователем очень тонко отмечено наличие своего особого ритма в каждом хорошем логотипе. Округлые или прямые очертания букв, выходящие за пределы строки элементы графем, засечки, наклоны и многое другое создают *динамику* словесного знака, подчеркивают уникальность каждого логотипа: – все буквы являются почти круглыми, размещаются вплотную друг к другу, в первом и последнем знаках замечен разрыв штриха; – один из самых известных логотипов, графическую рифму формируют гипертрофированные засечки; («Буря») – центром композиции являются похожие буквы У и Р. Для создания динамики слова дизайнеры меняют русские буквы на латинские, например замены Д на D в логотипах «7 Дней», «ЭЛЬДОРАДО», которые, по нашим наблюдениям, замечает только небольшой процент реципиентов. Функцию логотипа выполняют имена авторов на обложках книг, имеющие соответствующее графическое оформление, например: – Орхан Памук, шрифт стилизован под традиции письма в Турции, родине писателя. В наше время фактически функцию логотипа выполняет подпись А.С. Пушкина . Изящная и предельно отточенная, она выполняет все современные требования к товарному знаку.

Среди словесных знаков особую позицию занимают *инициалы*, пришедшие в рекламу из ранних печатных книг. Обычно они употребляются для обозначения краткой формы широко известных торговых марок: , , . Художественное оформление одной графемы позволяет реципиентам без труда различать логотипы, состоящие из одной и той же буквы: – это логотип Московского метрополитена, а – это логотип закусочной “Макдональдс” (цвет в данном случае играет меньшую роль, поскольку реципиенты различают знаки и в монохромной цветовой гамме).

Отдельные логотипы не всегда можно четко классифицировать в рамках данной структуры. Например логотипы, в которых буквы оформлены в виде рисунков. Реципиент воспринимает его как слово, поскольку «наш глаз готов прочесть как букву что угодно, если оно напоминает графеме» [7: 31]. По сути, перед нами полуслова-полурисунки (от слова – значение, от рисунка – оформление).

Как показывает проведенный анализ, рекламный логотип обладает типичными признаками креолизованной языковой единицы: семиотической усложненностью, органичным единством вербальных элементов и элементов других знаковых систем, негомогенностью, неполноценностью вербальных и невербальных элементов в отрыве друг от друга.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 180-186.
2. Большой экономический словарь // Под ред. А.Н. Азримяна. – 2-е изд. доп. и перераб. – М., 1997.
3. Уэллс У. Реклама: принципы и практика / У. Уэллс, Д. Бернет, С. Мориасти. – СПб., 2001.
4. Семенов В.Б. Товарный знак: битва со смыслами. – СПб., 2005.
5. Любишева И.В. Функционирование некодифицированных графических средств в текстах массовой информации // Грамматика и речевая коммуникация. Вып. 401. – М., 1992. – С. 62-71.
6. Анисимова Е.Е. О цельности и связности креолизованного текста // Филологические науки. – 1996. – № 5. – С. 74-84.
7. Гордон Ю. Книга про буквы от Аа до Яя. – М., 2006.

И.С. Шаповалов,
аспирант кафедры индоевропейских языков
Института лингвистики и межкультурной коммуникации
Московского государственного
областного университета

**О СВЯЗИ МЕНТАЛЬНО-ЛИНГВАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА
ЛИЧНОСТИ И ЭТНОСА
(на материале романа Р. Сабатини
«Одиссея капитана Блада»)**

Существенные особенности мышления определяются конкретным языком, носителем которого является человек. Индивидуальные ментальные представления могут изменяться под воздействием языковой системы, в результате приобщения к культурной традиции народа, к МЛК этноса. Обмен информацией между личностями – носителями разных языков – сопряжен с большими трудностями, особенно если лексические единицы отражают культурное своеобразие языка и этноса.

I. Shapovalov

**RETATION BETWEEN MENTAL-LINGUISTIC COMPLEX OF A PERSON
AND A NATION**

Significant peculiarities of thinking are determined by specific language, which one speaks. Individual conception may change under influence of a linguistic system as a result of relation to cultural traditions of a nation, to mental-linguistic complex of people. Information exchange between two persons who speak different languages cause great difficulties, especially when lexical units reflect cultural originality of language and nation.

Основополагающими антиномиями в лингвистике являются диалектические пары: язык и мышление, язык и культура. Многие ученые признают изначальное единство данных понятий, однако мнения о степени их связи и противопоставления, а также об их взаимной обусловленности часто расходятся. Например, Вильгельм фон Гумбольдт в докладе «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» выдвигает идею об обусловленности мышления языком: «Мышление не просто зависит от языка вообще, потому что до известной степени оно определяется каждым отдельным языком» [1]. Мышление без языка невозможно: «Язык есть орган, образующий мысль. Интеллектуальная деятельность, совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия. Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое. В силу необходимости мышление всегда связано со звуками языка; иначе мысль не сможет достичь отчетливости и ясности, представление не сможет стать понятием» [2].

Гумбольдт указывает на коллективный характер языка: «Язык не является произвольным творением отдельного человека, а принадлежит всегда це-

лому народу; позднейшие поколения получают его от поколений минувших» [3]. Особенно важной представляется следующая формулировка: «языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной. Их различие состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений. В этом заключается основа и конечная цель всякого исследования языка» [4]. Таким образом, В. фон Гумбольдт ставит вопрос о языковой картине мира, высказывая точку зрения о том, что многое в представлении каждого человека об окружающей действительности обусловлено его языком. Язык помогает человеку познавать мир, и в то же время это познание зависит от языка: «Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне, человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей <...> Человек преимущественно — да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, — живет с предметами так, как их преподносит ему язык <...> И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [5].

При этом язык связан с «духом народа» и обусловлен им: язык «всеми тончайшими нитями своих корней сросся <...> с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего. Во всем своем строгом сплетении он есть лишь продукт языкового сознания нации, и поэтому на главные вопросы о началах и внутренней жизни языка, — а ведь именно здесь мы подходим к истокам важнейших звуковых различий, — вообще нельзя должным образом ответить, не поднявшись до точки зрения духовной силы и национальной самобытности» [6].

Образование понятий специфично для каждого народа, поэтому «влияние национального своеобразия обнаруживается в языке <...> двояко: в способе образования отдельных понятий и в относительно неодинаковом богатстве языков понятиями определенного рода» [7].

Многие идеи Вильгельма фон Гумбольдта получили развитие в психологической концепции языкознания XIX века. В частности, на них основываются труды другого известного немецкого лингвиста Х. Штейнтала. Вместо «человеческой духовной силы» он выдвигал на первый план коллективную психологию. Штейнталь, как и другие представители психологического направления того времени, спорил с уже архаичными для середины XIX века идеями логицистов, восходившими к Грамматике Пор-Рояля, подчеркивая, что категории логики являются общими для всех людей, тогда как психология способна вскрывать особенности коллективного «духа народа», определяющего специфику языка. Штейнталь утверждал, что язык есть мышление, но, в отличие от предметного мышления, основанного на представлениях, языковое мышление опирается на так называемую «внутреннюю форму языка» (понятие, введенное В. фон Гумбольдтом), определенным образом организующую человеческие представления и специфичную для каждого народа и языка. Анализ языка при этом рассматривался как способ получения данных о психологии того или иного народа и об особенностях его культуры.

Развернутую концепцию языка, основанную на установках психологизма, предложил А.А. Потебня, также споривший с концепциями логицистов.

В его работах много места отводилось вопросу об ассоциативных связях между звучанием и значением слова и др. Язык продолжает пониматься как «психология народа» [8]. Однако у Потебни уже заметно приспособление многих понятий гумбольдтовской традиции к анализу конкретного языкового материала. Например, глобальное понятие внутренней формы языка превратилось в более узкое и конкретное понятие внутренней формы слова, то есть его ближайшего этимологического значения.

Лишь немногие лингвисты 1920–1950-х годов не отказывались от психологизма, в их числе Э. Сепир и К. Бюлер. Сепир подчеркивал необходимость союза лингвистов с психологами и изучал вопрос о психологической реальности фонем. С психологизмом связана и гипотеза лингвистической относительности Б. Уорфа. Согласно ей, существенные особенности мышления человека определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является. Чувственное восприятие действительности определяется ментальными представлениями человека. Ментальные представления, в свою очередь, могут изменяться под воздействием языковых и культурных систем. Поскольку в конкретном языке и, шире, в конкретной культуре концентрируется исторический опыт их носителей, ментальные представления носителей различных языков могут не совпадать.

Рассуждая о единстве языка, сознания и мышления, В.В. Морковкин приходит к объединяющему эти сущности понятию: **ментально-лингвальный комплекс (МЛК)**, – «функционирующее на основе человеческого мозга информационное по природе триипостасное целое, которое обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу (трансляцию) информации» [9].

В **мышлении** как одной из частей данного комплекса выделяется в первую очередь ее динамическая природа, это та ипостась, которая обеспечивает постоянный процесс дефиниции объектов и действий. При этом необходимым инструментом мышления выступает **язык**. С его помощью представляется возможным расчленение «информационного континуума», представление его в виде «совокупности информационных сгущений разного объема и содержания» [10].

Среди функций третьей ипостаси МЛК, **сознания**, В.В. Морковкин называет хранение, упорядочение и оценку информационных результатов, полученных мышлением.

Упомянутые выше информационные сгущения представляют собой информемы, которые в первую очередь характеризуются полевым строением, подвижностью границ и векторностью. Полевое строение информемы подразумевает наличие у нее ядра и периферии, а также центробежных и центростремительных сил. При удалении от ядра усиливаются действующие внутри информемы центробежные силы, что может привести к распаду информационного сгущения или его преобразованию. В результате поступающей новой информации и названных центростремительных и центробежных сил информема способна сужаться и расширяться, захватывать своими границами поля других информационных сгущений. Векторность информемы проявляется в ее стремлении оказаться в так называемой светлой зоне сознания, то есть быть явленной для человека, который отдает себе отчет в ее существовании. Попасть в светлую зону сознания информема может, только пройдя процесс интерпретации, или

процесс порождения значения: установления ассоциативных связей по смежности между ней и означающим. После того как эти связи установлены, информационное сгущение становится **концептом** не только для отдельного человека, но и его этнического языка, а следовательно, и других людей, говорящих на этом языке. То, что язык имеет способность репрезентировать культурно-национальную ментальность его носителей, функционирует как инструмент познания, позволяет рассматривать категорию **национального языкового сознания** как отраженный в языке этноспецифический способ интерпретации мира, присущий тому или иному лингвокультурному сообществу.

Концепт в данном случае представляет собой релевантный фрагмент осмысления знания о действительности. По В.В. Морковкину, существует несколько источников приобретенных знаний. Во-первых, опыт чувственного взаимодействия человека с природой и обществом, в его основе лежит практическая деятельность, результат которой становится достоянием МЛК. Во-вторых, устные и письменные тексты. Понимая и усваивая информацию, полученную из текстов, на протяжении своей жизни, человек устанавливает ассоциативные связи между новой информацией и существующими у него информемами, находящимися как в светлой, так и в темной зоне сознания. Результатом этого процесса являются речевые последовательности, которые человек оценивает по признаку новизны и значимости и в зависимости от данной оценки или сохраняет в качестве информемы, или стирает. В-третьих, деятельность мышления человека: новые знания получаются в итоге взаимодействия, преобразования, складывания и вычитания существующих информем. Особенность приобретенных таким образом знаний заключается в том, что человек способен в познании проникнуть за пределы чувственного восприятия. В-четвертых, несомненно важным источником формирования знаний является сам процесс овладения родным языком. Как уже отмечалось ранее, язык представляет собой инструмент познания мира, и в то же время это познание зависимо от языка. Во всех четырех случаях так или иначе средством познания выступает язык. Так, опыт практической деятельности, чтобы стать частью МЛК, преобразуется в информемы при помощи языка; таким же инструментом он участвует и в получении знаний в результате мышления. Роль языка в приобретении информации из текстов очевидна.

Одна из задач, которую выполняет этнический язык для общества и человека, – это обеспечение пространственной и временной непрерывности этноса в процессе передачи чувственного и деятельного опыта предшествующих поколений. Важным последствием этого является то, что в результате человек приобретает специфичную для этноса когнитивную ориентацию, приобщаясь к культурной традиции своего народа и, можно сказать, к МЛК этноса.

Язык участвует в формировании сознания, представления об окружающем мире и нравственных ориентирах, что в итоге приводит к появлению у человека субъективной картины мира, с которой неразрывно связан когнитивный процесс. Под картиной мира принято понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшихся в индивидуальном сознании. Объективная действительность проецируется на систему взглядов человека или на его менталитет, определяющий его нормы поведения и систему ценностей. Из субъективности картины мира следует, что не существует двух личностей с одинаковым мировидением. Однако формирование знаний так или

иначе осуществляется при помощи языка, поэтому справедливо утверждение, что у представителей одного и того же народа, одной и той же культуры, картины мира будут во многом схожи. Более того, по той же причине картина мира личности характеризуется этно-культурной направленностью.

Поскольку даже у представителей одной культуры картины мира обладают специфичными чертами, очевидно, что обмен информацией между личностями – носителями разных языков – сопряжен с еще большими трудностями, особенно если лексические единицы отражают культурное своеобразие языка и этноса. Приведем некоторые примеры того, как эта проблема решается при переводе произведения Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада» на русский язык Ан. Горским и Л. Василевским.

• "It's not money I'll require," said he, "but the *boat* itself." [11] – Мне нужны не деньги, а *шлюпка*. [12]

BOAT – a small vehicle that people use for travelling on water. Boats are usually smaller than ships, and are moved by means of sails, oars, or motors. [13]

ШЛЮПКА – (гол. *sloop*). Небольшое беспалубное гребное (реже парусное или моторное) судно с прочным широким корпусом. [14]

• But at the end of some three weeks, Nuttall – whom he was now meeting daily – informed him that he had found a serviceable *wherry*, and that its owner was disposed to sell it for twenty-two pounds. [15] – Лишь недели через три Нэтталл, с которым Блад встречался почти ежедневно, сообщил, что нашел подходящее *суденышко* и что его согласны продать за двадцать два фунта. [16]

• "We are informed that you have bought a *wherry* from Mr. Robert Farrell," said the officer. [17] – Нам стало известно, что ты купил *лодку* у Роберта Фаррела, – сказал чиновник. [18]

• Towards sunset, having seen Nuttall depart to purchase and fetch the *sloop* to the prearranged moorings at the wharf, Peter Blood came sauntering towards the stockade, just as the slaves were being driven in from the fields. [19] – Вечером, перед закатом солнца, убедившись, что Нэтталл отправился за *лодкой*, Блад медленно подошел к лагерю, куда надсмотрщики загоняли невольников, только что возвратившихся с плантаций. [20]

WHERRY – a light rowing boat used in inland waters and harbours. [21]

СУДЕНЫШКО – небольшое или непрочное судно. [22]

SLOOP – a boat with sails and only one mast. [23]

ЛОДКА – небольшое судно. [24]

В приведенных примерах слова *boat* и *wherry*, являясь исконно английскими, выступают синонимами и обозначают небольшие гребные суда. Для их перевода Горский и Васильев используют слова *шлюпка* в первом случае и *лодка* в третьем. Причем *шлюпка*, в отличие от *лодки*, является заимствованным словом, пришедшим в русский язык из голландского: пополнение лексики русского языка флотскими терминами началось в эпоху Петра I. Во втором примере переводчики выбирают стилистически окрашенный эквивалент *суденышко*. Можно предположить, что это обусловлено контекстом. Поскольку слово употреблено в косвенной речи героя романа, корабельного плотника, переводчики постарались приблизить свой текст к речи персонажа, используя лексико-грамматические возможности русского языка. При переводе слова *sloop*, имеющего одни этимологические корни со словом *шлюпка*, Горский и Васильев учитывают, что в русском языке *шлюпка* используется для обозна-

чения гребной лодки, а не лодки с одной мачтой, как в английском варианте, и поэтому выбирают лексему *лодка*.

Как показал проведенный анализ, Р. Сабатини, написав роман, действия которого происходят в XVII веке, для читателя начала XX века, использовал богатство и культурное своеобразие английского языка, чтобы сохранить пространственную и временную непрерывность поколений. Это справедливо и для авторов перевода, чья способность передать чужеродную картину мира читателю в соответствии с его самобытным лингво-культурным опытом, помогла создать увлекательнейшее произведение для многих поколений русскоязычных читателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000. – С. 317.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000. – С. 75.
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000. – С. 318.
4. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000. – С. 319.
5. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000. – С. 80.
6. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000. – С. 47.
7. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000. – С. 105.
8. Потебня А. А. Мысль и язык. Собрание трудов. – М., 1999. – С. 44.
9. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М., 1997. – С. 20.
10. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М., 1997. – С. 22.
11. Sabatini R. Captain Blood. Project Gutenberg 1999. Электронная версия.
12. Сабатини Р. Собрание сочинений в восьми томах. Пер. Ан. Горский, Л. Василевский – Т. 1. – М., 1992. – С. 49.
13. Macmillan English Dictionary for advanced learners, International Student Edition. Bloomsbury Publishing Plc., Radstock, UK. 2002. – С. 142.
14. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – М., 2004. – С. 938.
15. Sabatini R. Captain Blood. Project Gutenberg 1999. Электронная версия.
16. Сабатини Р. Собрание сочинений в восьми томах. Пер. Ан. Горский, Л. Василевский – Т. 1. – М., 1992. – С. 50.
17. Sabatini R. Captain Blood. Project Gutenberg 1999. Электронная версия.
18. Сабатини Р. Собрание сочинений в восьми томах. Пер. Ан. Горский, Л. Василевский – Т. 1. – М., 1992. – С. 52.
19. Sabatini R. Captain Blood. Project Gutenberg 1999. Электронная версия.

сия.

20. Сабатини Р. Собрание сочинений в восьми томах. Пер. Ан. Горский, Л. Василевский – Т. 1. – М., 1992. – С 50.

21. Collins English Dictionary. 8th Edition first published in 2006 © Harper-Collins Publishers. Электронная версия ABBYY Lingvo 12.

22. Современный русского языка / под ред. А.В. Евгеньевой. – М., 1984. – Т. 4. – С. 301.

23. Macmillan English Dictionary for advanced learners, International Student Edition. Bloomsbury Publishing Plc., Radstock, UK. 2002. – С. 1347.

24. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А Кузнецова. – М., 2004. – С. 323.

ЛИТЕРАТУРА

Н.П. Жилина,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской литературы
Российского государственного университета
им. И. Канта (г. Калининград)

«ИДИЛЛИЧЕСКИЙ» МИР В ПОЭМЕ А.С. ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

Рассматривая личность «естественного» человека через категории христианской аксиологии (страсти, своеволие, грех), автор показывает, что природная жизнь в изображении Пушкина утрачивает идиллические черты, а ее носители лишаются ореола идеальности.

N. Zhilina

“IDYLLIC” WORLD IN A.S. PUSHKIN’S «GIPSIES»

Having studied the personality of a „natural” man through the system categories of Christian axiology (passions, self-will, sin), the author shows a natural life in Pushkin’s descriptions loses its idyllic traits and the “natural” characters lose the glamour of ideality.

В поэме «Цыганы» (1824), начатой Пушкиным на юге, законченной уже в Михайловском и завершающей цикл «южных» поэм, получили продолжение многие идеи, заключенные в прежних произведениях, и нашли развитие основные проблемы, поставленные ранее. Центральной в этой поэме, как и прежде, является проблема *свободы*, важнейшая в романтическом мировоззрении.

Уже в самом начале поэмы возникает тема внеположного городской цивилизации природного существования, давая о себе знать как открытое противопоставление двух «миров». Двумя описаниями цыганского табора – вечерним и утренним – создается образ почти идиллического существования с определяющим его мотивом *воли*. В авторском размышлении, подытоживающем второе описание, возникает важнейшая в сюжете поэмы оппозиция *жизнь – смерть*: дикая, но вольная природная *жизнь* цыган противопоставляется неволе «*мертвых нег*», добровольному «рабству» цивилизации, причастным которому оказывается не только герой, но и сам автор – по его словам, в цыганском быте

*Все скудно, дико, все нестройно;
Но все так живо-непокойно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной [1].*

В отличие от трех предыдущих поэм, здесь, однако, отсутствует мотив внешней несвободы, ситуация плена: Алеко по своей воле оставляет город и

пристает к цыганскому табору, где не встречает никакого препятствия своим желаниям и действиям. У цыган он не пленник и не чужой, он принят как свой и как равный. Главный герой, таким образом, оказывается полностью свободным в своем выборе, и центр тяжести конфликта в значительной степени переносится в глубь человеческой души.

Появление Алеко в таборе вначале как будто мотивируется внешними обстоятельствами («Его преследует закон» [208], – объясняет Земфира отцу), и лишь затем становится понятно, что он оставил родной город по другим причинам, гораздо более глубокого характера. Описание событий, представленных в предыстории героя в обобщенно-метафорическом виде, содержит и характеристику психологического состояния, что дает возможность понять, насколько глубоким было расхождение героя с окружающим его «цивилизованным» миром. Одиноким, отвергающим весь мир Алеко, тем не менее, не испытывает от своей отчужденности и обособленности никаких страданий, а сознание своей исключительности рождает в нем стремление к полной независимости, не ограниченной только социальным уровнем, но вырастающей до космических масштабов.

В научной литературе уже высказывалась мысль о том, что даже в «исключительных, едва ли не идеальных условиях Алеко не дано насладиться счастьем, узнать вкус подлинной свободы. И прежде всего потому, что он не в силах побороть бушующие в “его измученной груди” страсти» [2]. Главной причиной такого внутреннего «порабощения» исследователи, вслед за В.Г. Белинским, нередко считали «воспитавший его общественный уклад, который проявляется в злобных страстях» [3]. При этом не учитывалось, что понятие *страсти* как таковое принадлежит совершенно определенной системе мировоззрения, а именно – христианству, так же как представление о «коварной и слепой» Судьбе – язычеству. Основополагающему в языческом сознании понятию Судьбы противостоит в христианстве образ единого Бога, с которым неразрывно связано представление о Нравственном Законе, воплощенном в душе человека в виде совести. Если в языческих системах главным препятствием для обретения человеком свободы признается *Судьба*, то в христианстве – *страсти*, в рабство к которым с момента рождения попадает поврежденная первородным грехом человеческая натура. Именно страсти производят в душе человека обратное нравственному закону действие, вытесняя совесть. Таким образом, резкий интонационный сдвиг и изменение «точки зрения» в пушкинском повествовании выявляет и обозначает принадлежность героя и автора к противоположным аксиологическим системам – языческой и христианской. В то же время здесь возникает важнейшая в сюжете поэмы оппозиция *судьба – страсти*, неразрывно связанная с проблемой *внешней и внутренней свободы*.

Становится понятно, что постоянно стремящийся к абсолютной свободе, отвергающий любые внешние ограничения, пушкинский герой в то же время не властен над своей собственной душой, не в силах противостоять поработившим ее потусторонним силам. «Рвущийся из “оков просвещения”, из “неволи городов”, пламенный и решительный вольнолюбец, бросивший вызов судьбе, Алеко оказывается игралищем страстей, их послушным рабом и мучеником» [4], – справедливо замечает по этому поводу Д.Д. Благой. Показывая духовный путь своего героя, Пушкин вскрывает общую психологическую закономерность: пытаюсь во всем утвердить *свою волю*, отвергнув Нравственный Закон,

человек тем самым отдает свою душу во власть темным стихиям и становится *игрушкой страстей*. Так выявляется центральная в сюжете поэмы оппозиция *страсти – нравственный закон*.

Описанная выше закономерность имеет, однако, самое непосредственное отношение и к противоположной в мировоззренческом плане стороне – к пушкинским цыганам. Отвечая на горькое признание Алеко, что Земфира его разлюбила, старый цыган объясняет это законами природы – не земного даже, а космического масштаба, ставя тем самым знак полного равенства между человеком и всей окружающей его природой:

*Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит,
И вот – уж перешла в другое,
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись? [224].*

По мнению современного исследователя, «воля цыган лишь кажется безграничной и нерегулируемой. На самом деле простор человеческого чувства имеет в ней естественный и притом для всех равно обязательный предел – законы природы. <...> Изменчивость и постоянство в мире цыган – проявления одной и той же жизненной стихии «воли», имеющей свою собственную, ненасилственную меру» [5].

Пушкинские цыганы, действительно, еще не вышли из природного состояния, именно поэтому их страсти проявляются прежде всего на телесном уровне, имеют плотский характер. Только полным отсутствием каких-либо этических представлений можно объяснить то обстоятельство, что любовные свидания Земфиры и молодого цыгана происходят на кладбище и Алеко застаёт их «*над обесславленной могилой*» [230]. Такая «дикость» пушкинских цыган – состояние не только дохристианское, но, можно сказать, даже дорелигиозное. Смирение цыган и сама их «доброта» («*Мы робки и добры душою*» [234], – говорит старый цыган) – также чисто природного свойства. Трудно сказать, что, разлюбив Алеко, Земфира проявляет к нему «доброту». Скорее наоборот, она мучает его, демонстративно выражая свои чувства. В устах Земфиры звучит та же песня, которую когда-то пела ее мать, Мариула, покинувшая ради своей новой любви мужа и маленькую дочь. «Песня эта проникнута не только упоеньем любви. Она звучит как злая насмешка над постылым мужем, полна ненависти и презрения к нему» [6], – справедливо отмечает А. Гуревич. Не случайно в речи цыган само слово *свобода* всегда заменяется *волей*. «Какова цыганская воля (“не свобода, а воля”)?» – задается вопросом С.Г. Бочаров. И дает точную формулировку: «Безбрежная, полная воля, где каждый не ограничен никем и не может другого ничем ограничить. Не только образ жизни цыганов, но и сами человеческие отношения имеют “кочевой”, принципиально незакрепленный характер» [7].

В свое время В.Г. Белинский, возлагавший на Алеко всю вину за совер-

шившуюся трагедию, писал о пушкинских цыганах: «Несчастье принесено к ним сыном цивилизации, а не родилось между ними и через них же» [8]. Развивая впоследствии эту мысль, П.В. Анненков замечал: «Поэт весьма ловко противопоставил этот образ существа, не отыскавшего истока чувству гордости и тщеславия, быту простого, дикого племени, которого он, по грубости сердца, еще и недостоин» [9]. Такой односторонний подход был поддержан и некоторыми учеными в советское время. Особенно показательным в этом смысле является следующее утверждение: «В “Цыганах” последовательно поэтизируется добро, противопоставленное злу ... Отчасти идеализируя “первобытную” среду, Пушкин считает ее хранительницей добра» [10]. Среди тех, кто считал пушкинских цыган носителями народной мудрости, был и такой авторитетный ученый, как Г.А. Гуковский. В поэме «Цыганы», – писал он, – ниспровергнуто понятие свободы как абсолютной свободы личности, ... индивидуализм осужден в самом сюжете поэмы, и осужден голосом народной мудрости» [11].

Один из первых критиков поэмы, И.В. Киреевский, как бы предупреждая подобные высказывания будущих исследователей и возражая им, писал: «Подумаешь, автор хотел представить золотой век, где люди справедливы, не зная законов; где страсти никогда не выходят из границ должного; где все свободно, но ничто не нарушает общей гармонии и внутреннее совершенство есть следствие не трудной образованности, но счастливой неиспорченности совершенства природного». Однако, считал критик, описание цыган в целом в конце концов приводит к мысли о том, что «вместо золотого века они представляют просто полудикий народ, не связанный законами» [12]. Ту же идею высказывал С.П. Шевырев, обративший внимание на «характер цыганов, ... не ведающих законов и, след <овательно>, ни добра, ни преступления» [13]. Убедительно оспаривал «мысль о том, что, рисуя свободное цыганское общество, Пушкин дает (хотя и несколько идеализированное) изображение *народа*» [14] С. Бонди. Горячо возражая тем, кто видел в цыганах воплощение авторского идеала, ученый ставил вопрос: «...какие у нас основания считать, что любовь Земфиры (и Мариулы), не создающая никаких духовных связей между любящими, не налагающая на них никаких моральных обязательств, ... была для Пушкина идеалом свободной любви, а Земфира – идеалом свободно любящей женщины?». И давал свой ответ: «Абсолютная “свобода” в любви, говорит Пушкин своими “Цыганами”, несовместима с подлинно *человеческими* отношениями, она отвергает всякие взаимные обязанности между любящими, всякие связи между ними – духовные, моральные, интеллектуальные, кроме физических» [15].

Невозможно не принять этих утверждений ученого. Действительно, «естественная», природная жизнь в изображении Пушкина утрачивает идиллические черты, а ее носители лишаются ореола идеальности. Трудно не увидеть, что в жизни цыган торжествует принцип *полного своеволия*, которое в их сознании может быть ограничено лишь *судьбой*. В то же время нельзя не учитывать в их изображении и другой аспект. Приближаясь по своей модели поведения к природным существам, пушкинские цыганы не могут жить по законам цивилизованного мира – но и не враждебны ему. Сама их *бездомность* вызвана тем, что целый мир является для них домом. В этом смысле знаковой становится такая деталь цыганского быта, как *очаг*: сакрализированный центр дома, в дохристианские времена выполнявший роль алтаря, он раскладывается ими не просто в открытом пространстве, как это обычно делают путники, застигнутые ночью в степи, но «*Между колесами телег, // Полузавешанных*

коврами» [207]. Это огороженное природное пространство тем самым приобретает черты дома, становясь своеобразной его имитацией. Таким образом, граница между домом и топосом вне-дома, между *своим* и *чужим* пространством имеет здесь временный характер: в любой момент она легко уничтожается, и оба пространства совмещаются, сливаясь в одно. Принимая этот мир таким, каков он есть, пушкинские цыганы не навязывают никому ни своих представлений, ни образа жизни. Не будучи готовы судить, а тем более, осуждать и подвергать наказанию окружающих («*Мы не терзаем, не казим...*» [234]), они и свое поведение не соизмеряют с каким-либо «законом» – «*Мы дики, нет у нас законов...*» [234]. Живя по *своей воле*, они в то же время не ограничивают и *чужую*. Душевной робости цыган, по словам автора, «*смирненной вольности детей*» [235], противопоставлена неизмеримая, чудовищная *гордость* Алеко, определенная старым цыганом как доминанта его личности («*Оставь нас, гордый человек*» [233], – говорит он Алеко в финале).

Любовный треугольник (Алеко – Земфира – молодой цыган), вскрывающий полную противоположность различных мировосприятий, обозначает лишь внешние очертания тех непримиримых глубинных противоречий, которые в действительности существуют между Алеко и всем окружающим его миром. *Воля* цыган, ограниченная их смирением и покорностью судьбе, не подходит Алеко, жаждущему безграничной, беспредельной свободы. Воспитанный в лоне цивилизации и культуры, но отвергший этические принципы, герой оказывается, в сущности, «по ту сторону добра и зла». Если детям природы, цыганам, в их дорелигиозном состоянии, *еще* неведом нравственный закон и само понятие *греха*, то Алеко, сын европейской – то есть христианской – цивилизации, *уже* не хочет его признавать. *Бездомные*, кочующие по всему миру, пушкинские цыганы являются его естественной, органической частью – *бездомный* Алеко, по слову Достоевского, «несчастный скиталец в родной земле» [16], в своем непримиримом конфликте с миром внеположен ему, и если для цыган дом везде, то для Алеко – нигде.

Эпилог выводит читателя из событийного плана, поднимая на иной, более высокий уровень – художественно-философского обобщения. Конец поэмы прямо перекликается с его началом, с изображенной в нем «идиллией», напоминая о руссоистско-байронической идее превосходства «естественного» общества над цивилизованным. Но если в начале повествования на первый план выступала тема *вольности* цыган, то теперь внимание автора приковано к проблеме *счастья*:

*Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны,
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет* [235-236].

Как своеобразный поэтический итог всему ранее изображенному дается здесь авторская характеристика цыган – «природы бедные сыны». В словаре Даля приведены несколько значений слова *природа*:

1. «Естество, все вещественное, вселенная, все мирозданье, все зримое, подлежащее пяти чувствам; но более наш мир, земля со всем созданным на

ней; противопоставляется *Создателю*».

2. «Все земное, плотское, телесное, гнетущее, вещественное; пртвпл. *духовность*».

3. «Все природные или естественные произведения на земле ... в первобытном виде своем; противоположн. *искусство, дело рук человеческих*».

4. «Врожденные свойства, прирожденные качества, естественное состояние, стремление или наклонности» [17].

Из всех перечисленных в наибольшей степени соответствуют данному контексту второе и третье значения, в которых актуализируется семантика естественности, прирожденности, а также телесности. Необходимо заметить, что у Даля в один ряд с такими качествами, как «*земное, плотское, телесное, вещественное*», ставится и «*гнетущее*».

В этом же стихе привлекает к себе внимание контекстуально странный, даже, казалось бы, не совсем уместный эпитет – *бедные*. Слово это функционировало в русском языке в двух основных значениях: 1. Убогий, неимущий, скудный, недостаточный, нуждающийся; *о человеке* – небогатый; 2. Несчастный, бедный счастьем, долей, достойный сожаления, возбуждающий сострадание [18]. В пушкинском употреблении, видимо, оба значения совмещаются, приводя к своеобразному «семантическому колебанию». В то же время метафорический план, отчетливо проявляющийся в этом стихе, способствует новому смысловому наполнению – так сугубо земное, плотское, «вещественное» начало, определяющее самую сущность цыган, их жизнь, их душевную организацию, получает в авторском сознании вполне определенную оценку.

Обращаясь к попытке соединения «сына цивилизации» с «детьми природы», можно отчетливо увидеть главную причину неудачи: в стремлении к свободе один принцип *своеволия* здесь сталкивается с другим. Несмотря на огромные мировоззренческие различия «конфликтующих сторон», их объединяет и безусловное сходство: в каждой из них по-своему обнаруживает себя определенная форма безрелигиозного сознания. Богатый личностный потенциал интеллектуального героя разрушается под влиянием страстей, из-под власти которых он не может выйти. С другой стороны, и предельная психологическая элементарность, первобытная примитивность душевной организации, какую мы видим у цыган, не может принести избавления: личность «естественного» человека оказывается так же подверженной страстям, овладевающим ею. И с одной, и с другой стороны – «*повсюду страсти роковые*» ... В самом слове *роковой* различаются два значения: 1. Предопределенный ... роком, неотвратимый, неизбежный; 2. Решающий, предопределяющий судьбу кого-либо, чего-либо [19]. Таким образом, словосочетание *страсти роковые* (то есть «предопределенные судьбой и одновременно предопределяющие судьбу»), показывает прямую зависимость *страстей* и *судеб*, предельно обнажая причинно-следственную связь между ними. Исследователи XX века с полным основанием увидели в таком финале глубокую пушкинскую мысль об обреченности героев, о фатальной предопределенности трагедии, причины которой находятся вне личности, вынужденной подчиниться слепому, стихийному, *роковому* чувству. «Не герои владеют страстями, а страсти героями. Оба героя – и Алеко, и Земфира – выступают несвободными», – делает справедливый вывод В.И. Коровин [20]. *Духовная скудость*, никак не совместимая с тем богатством, которое было изначально заложено в человеке Создателем, восполняется в «сынах природы» *своеволием*, ограниченным лишь властью судьбы, покорно и смиренно принимаемой ими. Но в таком

смирении не может быть *счастья*, потому что нет истинной *свободы*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – М., 1957. – Т. 4. – С. 210. Далее ссылки на это издание даются с указанием страницы в тексте.
2. Гуревич А. От «Кавказского пленника» к «Цыганам» // В мире Пушкина. – М., 1974. – С. 75.
3. Коровин В.И. Романтизм в русской литературе первой половины 20-х годов XIX века. Пушкин // История романтизма в русской литературе: Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790-1825). – М., 1979. – С. 235.
4. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826 – 1830). – М., 1967. – С. 322.
5. Тамарченко Н.Д. Русский классический роман XIX века: Проблемы поэтики и типологии жанра. – М., 1997. – С. 98.
6. Гуревич А. От «Кавказского пленника» к «Цыганам» // В мире Пушкина. – М., 1974. – С. 78.
7. Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина: Очерки. – М., 1974. – С. 13.
8. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. – М., 1981. – Т. 6. – С. 334.
9. Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. – М., 1984. С. 136.
10. Фридман Н.В. О романтизме Пушкина («Цыганы» в художественной системе южных поэм) // К истории русского романтизма. – М., 1973. – С.150. При этом, размышляя далее, исследователь приходит к несколько иному, но вполне обоснованному выводу: «Рисуя “первобытную” среду, Пушкин в самом важном пункте выступает в качестве антирусоиста: он показывает, что эта среда отнюдь не гармонична, ... напротив, у Руссо она изображалась как мир идеальной гармонии и душевного покоя» [Там же. – С. 152].
11. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. – М., 1965. – С. 329.
12. Киреевский И.В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Пушкин в прижизненной критике: 1828-1830. – СПб., 2001. – С. 78-79.
13. Шевырев С.П. Обзорение русской словесности за 1827-й год. <Отрывок> // Пушкин в прижизненной критике: 1828-1830. – СПб., 2001. – С. 35.
14. Бонди С. Рождение реализма в творчестве Пушкина // Бонди С. О Пушкине: Статьи и исследования. – М., 1978. – С. 50. Курсив автора. – Н. Ж.
15. Бонди С. Рождение реализма в творчестве Пушкина // Бонди С. О Пушкине: Статьи и исследования. – М., 1978. – С. 61-62.
16. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л., 1984. – Т. 26. – С. 136.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1955. – Т. 3. – С. 439.
18. Там же. – Т. 1. – С.152.
19. Словарь русского языка: В 4 т. – М., 1981-1984. – Т. 3. – С. 728.
20. Коровин В.И. Романтизм в русской литературе первой половины 20-х годов XIX века. Пушкин // История романтизма в русской литературе: Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790-1825). – М., 1979. – С. 235.

И.Е. Лунина

кандидат филологических наук,
доцент, зав. кафедрой истории зарубежных литератур
Московского государственного областного университета

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ КНИГИ ДЖ. ЛОНДОНА «ДОРОГА»

Статья посвящена особенностям поэтики (композиция, образ героя, проблематика, художественный метод, традиции и новаторство) книги Дж. Лондона «Дорога», выявлению своеобразия жанра автобиографии. Автор концентрирует внимание читателей на проблеме «цивилизация и человек» в книге, на роли различных государственных институтов, формируемых ими законов в процессе развития общества и их влияния на человека, на формирование личности автора.

I. Lounina

FEATURES OF POETICS OF BOOK BY J. LONDON «THE ROAD»

Article is devoted to features of poetics (a composition, an image of the character, a problematic, an art method, traditions and innovation) in a book by J. London "The Road", to revealing of an originality of a genre of the autobiography. The author concentrates attention of readers on a problem «a civilization and a person» in the book, on roles of the state institutes, laws formed by them in development of a society and their influence on the person.

Жанр автобиографического повествования, интерес к которому в литературе США наблюдается на протяжении всего периода развития национальной литературы, на рубеже XIX – XX веков переживает своеобразный ренессанс. Г. Джеймс, Г. Адамс, М. Твен и другие авторы книг-автобиографий, написанных в форме воспоминаний, мемуаров, исповеди, дневника, записных книжек и др., стремились не только обозначить этапы становления собственной личности, но и поделиться ощущением духа истории, пониманием исторического процесса развития общества. В публицистическом наследии Дж. Лондона можно выделить две книги, примыкающие к жанру автобиографии: «Дорога» (*The Road*, 1907) и «Джон Ячменное Зерно» (*John Barleycorn*, 1913). «Дороге» в отечественном и американском литературоведении уделялось внимание, прежде всего, в связи с анализом социалистических взглядов писателя либо в связи с выявлением обстоятельств биографического характера. Но ни разу книга не становилась объектом отдельного разговора, в частности, с целью определения авторской концепции развития цивилизации.

Пытаясь определить связь автобиографических книг Лондона с традиционными жанровыми формами, Дж. Ландквист ставит их рядом с «Уолденом» Г. Торо: «Лондон и Торо, при всех различиях, представляют собой характерную традицию в жанре автобиографии в Америке, традицию, которая берет начало из двух источников». Первый источник – «пуританская духовная автобиография» («Уолден» он относит к этой линии); второй представлен типом автобиографического повествования, у истоков которого стоит Б. Франклин. Но литературовед полагает, что автобиографические книги Лондона «не вписыва-

ются полно ни в одну категорию». Констатируя их самобытность, он называет присущие им общие черты: «Они исповедальны, представляют в деталях процесс включения личности в социум, но центральное место в них отведено скорее действию, нежели созерцанию или “философствованию в манере Эдвардса или Торо”» [1].

Лондон подчеркивает важность описанного в книге периода жизни для формирования своей личности, взглядов: «Дорога захватила меня и больше не отпускала, и впоследствии, когда я избороздил все моря, принимался то за одно, то за другое дело, я возвращался на Дорогу на более длительное время, чтобы прослыть «кометой» и профессионалом, чтобы окунуться в социологические проблемы и пропитаться ими до мозга костей» [2]. Книга лишена какой-либо дидактичности, присущей в большинстве случаев данному жанру, писатель не заботился о том, чтобы представить примеры того, чему надлежит следовать в жизни, а чему нет.

Обращает на себя внимание особая композиция «Дороги», система мотивов и образов, группирующихся вокруг центрального образа – образа эпохи, воспринимаемого сквозь призму личности героя, ощущающего свою связь с ней. Главный предмет анализа в книге – общество (иногда Лондон вводит синонимичное ему понятие «цивилизация») как субъект восприятия героя и как объект, определяющий развитие его личности. Помимо интересного фактографического, публицистического материала книга содержит и обобщенно метафорический план повествования, ключ к пониманию которого лежит в самом названии. Не случайно Лондон часто употребляет слово *Дорога* с большой буквы. По мере прочтения становится очевидным, что для писателя Дорога – это развернутая метафора пути, по которому идёт его страна, это путь развития общества, цивилизации; каждому человеку на этом пути отведено своё место и обозначена своя степень участия.

Данному жанру присущ «особый тип биографического времени и специфически построенный образ человека, проходящего свой жизненный путь» [3]. Герой «Дороги» – человек, открывающий для себя Америку и себя через своё постижение Америки; он чувствует себя частью страны, её народа. Проникнутая духом романтического приключения, книга Лондона в то же время позволяет увидеть писателя-реалиста, способного анализировать социальные законы развития общества и их влияние на человека. Именно поэтому композиция книги представляет собой ряд эпизодов-воспоминаний, оформленных в отдельные рассказы-очерки, расположенные не в хронологической последовательности, а в связи с раскрытием отдельных аспектов восприятия увиденного, пережитого и осмысленного автором-героем. Эти воспоминания даны с позиции дистанции во времени – они написаны Лондоном, уже состоявшимся писателем и человеком со сформировавшимися взглядами на жизнь. В связи с чем представляется правомерным говорить о двух героях в книге: герое-писателе, которые рассказывает о событиях и осмысливает их, и герое, который переживает эти события, является непосредственным их участником. Первый представляет собой писателя-реалиста, повествующего по законам реалистического искусства. Он осознает, что опыт, полученный во время странствия по дорогам Америки, повлиял на его становление как человека и писателя: «Мне не раз приходило в голову, что своим писательским успехом я в значительной мере обязан этой учёбе на дороге» [4]. В понимании этого героя, бродяжничест-

во – источник жизненного материала; здесь он постиг закон писательского искусства: главное – тонкий сплав точного факта и художественного воображения. Вторым героем – романтик, остро чувствующий жизнь и наслаждающийся приключениями, испытывающий особый азарт и делающий первые шаги на пути открытия своей Америки. Для него бродяжничество – своего рода маска, которую он мог в любой момент сбросить: «Попрошайничество было для меня своего рода азартом: если мне не нравилась моя игра, я всегда мог стасовать карты и пересдать» [5]. В книге, в связи с наличием двух героев, можно выделить два временных пласта: настоящее, актуальное для героя-повествователя; прошлое, выступающее как актуальное настоящее для героя, переживающего события, и одновременно как источник настоящего для повествователя (о чем свидетельствует ряд авторских отступлений о людях и событиях, которые помогли ему сформировать его взгляды).

Образ Дороги и мотив путешествия в книге становятся важным сюжетно-образующим элементом, а также формирующим проблемно-тематический уровень книги и определяющим образную систему. Перемещение в пространстве позволяет герою увидеть новые места, встречаться с разными людьми, открывать законы жизни и различные общественные институты страны, что вписывается в понимание нативизма: «Генеральная задача нативизма – освоение Америки – требовала, чтобы герой перемещался, соприкасаясь с разными частями страны, различными жизненными укладами. Поэтому нативистский герой был, как правило, герой путешествующий. ...Само путешествие – это константа, инвариант сюжетной структуры нативистского путешествия» [5].

В самом начале книги автор-герой обозначает круг своего общения: бродяги-«хобо», от которых он получает большую часть информации, служители закона (полицейские, чиновники, служащие железной дороги), обыватели маленьких городов. Все образы делятся на индивидуальные и собирательные, в чем сказалось желание писателя представить обобщенно-аналитический анализ картины жизни в американском обществе. Для Лондона изначально очевидно, что общество – это, прежде всего, люди, устанавливающие законы, по которым оно живет, формирующие его институты.

Хобо противопоставлены не только служителям Закона, служащим железной дороги, преследующим их всегда и везде, но и простым обывателям, большей частью не понимающим, опасаясь или осуждая их. Деньги, материальный достаток и нравственность, духовность находятся в прямой зависимости друг от друга – это открытие, сделанное героем во время странствия, звучит уже в начале книги. Америка, которую видит герой Лондона, – это, прежде всего, страна бедных и богатых. Зачастую обыватели в городах просто «глазели» на незваного гостя, когда он появлялся на их улице. Но среди них были и готовые поделиться последним, те, кто сам знал, что такое нужда. С публицистическим пафосом автор бросает обвинение равнодушным гражданам своей страны: «О вы, лицемеры, проповедующие милосердие! Ступайте к беднякам и поучитесь у них, ибо только бедняк знает, что такое милосердие» [7]. Мы видим ряд жанровых сцен, в которых описано его пребывание в домах жителей провинциальных городов, их различную реакцию на появление бродяги; каждая такая позиция обывателя в совокупности создает обобщенное представление о законах жизни в обществе. Писатель интуитивно почувствовал угрозу вырождения важного для Америки принципа стремления к успеху, причину он видит в исключительном стремлении к обогащению вопреки

моральным установкам. Унизительные слова одного из горожан: «У вас на носу короста, смотрите!» [8] – не оставляют героя долгое время, превращаясь в своеобразный лейтмотивный символ отношения обывателей к бродягам.

Автор чувствует – и подчеркивает это обстоятельство – дистанцию между собой, свободным, путешествующим, открывающим разные стороны жизни, и теми, кто живет «в плену цивилизации». Он открывает им большой мир, жизнь, которую они не знают: «В душную атмосферу и узкие рамки их тоскливого существования я внес свежее дыхание ветра, насыщенное терпким запахом борьбы...» [9]. Знакомство с людьми позволяет ему, в свою очередь, открыть для себя закон жизни: мораль в обществе обусловлена отношениям к деньгам, находится в прямой зависимости от материального достатка; жизнь в городе, важной пространственной единице цивилизованного общества, в «тесных, надушенных комнатах-коробочках» лишает человека необходимого духовного пространства, обедняет его жизнь.

Путешествие героя – не только акт познания, но и выражение бунта против устоявшихся норм поведения в буржуазном обществе, социальных институтов. Писатель размышляет о том, насколько глубоко пустили корни законы цивилизации даже в жизнь тех, кто мыслит себя вне её. Он описывает встречу с цыганами, этими «вечными бродягами». Устойчивое восприятие цыган как «детей свободы» опровергается увиденным: в таборе существует своя иерархия, свои законы, система управления и подчинения, основанная, как и в «большом мире», на праве сильного. Описывая сцену наказания мальчиков за провинности, автор делает обобщающий вывод: «Вожак лишь следовал примеру высококультурного общества, в котором мы живём, – мы так же карем своих преступников...» [10]. В подтексте звучит мысль о том, что законы в обществе устанавливаются людьми, которые сами затем оказываются в их полной власти. Неравенство между людьми, по мнению писателя, следствие жизни «по Закону», установленному в цивилизованном обществе, и, следовательно, является неотъемлемой её чертой, негативной, с его точки зрения.

От всевидящего ока Закона не спасает даже жизнь среди хобо. Уверенность в том, что вне города, в поле, он недоступен Закону, сменяется сознанием абсолютной незащищенности любого человека перед произволом тех, кто призван следовать букве Закона. Размышляя о соотношении «закон» – «государство» – «человек», писатель приходит к убеждению, что обратная сторона такой важной черты цивилизованного общества, как обустройство жизни по Закону, на деле приводит к попранию прав людей, которые выброшены в силу разных причин из системы государственных отношений. В главах «Сцапали» и «Исправительная тюрьма» Лондон не просто живописует условия содержания в американской тюрьме, но оценивает этот государственный институт с точки зрения его роли и значимости в обществе, выходя на понимание негативных сторон американской цивилизации, отступающей в своем развитии от изначальных установок, закрепленных в Конституции. Весьма саркастически представлена им сцена «суда», который носит явно фарсовый характер. Судья выносит приговор как машина, не считая своим долгом вникнуть в причины, по которым люди оказались в тюрьме: «... на каждого хобо пятнадцать секунд ... и тридцать дней ареста» [11]. Самое страшное, в понимании автора-героя, то, что искажаются, казалось бы, незыблемые для американцев установки отцов-основателей, положения Декларации независимости. Он осознает, что поступательный ход развития американской цивилизации нарушен людьми,

наделенными властью этой самой цивилизацией. Пожалуй, именно в этой книге впервые столь очевидно прозвучала важная для писателя мысль о преемственности нравственных и моральных законов в обществе как важном факторе стабильного развития цивилизации. Герой пытается выразить активную позицию, готов протестовать против попрания законных прав американцев, в частности, права на суд присяжных, но очевидно, что его протест бессмыслен, и всё, что ему остаётся, это иронично дать почувствовать читателю: единственное право остается незыблемым – право на расовое равенство в обществе – он скован одной цепью с заключенным-негром.

В изображении Лондона тюрьма – модель «большого мира», общества в целом, живущая по аналогичным законам, и одновременно – важный социальный институт, главная функция которого – карательная. Но весь вопрос в том: кого карают? Он показывает возчика из большого города, оставшегося без работы и ставшего бродягой; «наделенного премудростью арестанта» человека, «походившего на животное» [12]; знакомит с неунывающим заключенным, который даже в тюрьме умудряется любить и передавать письма возлюбленной. Тюрьма живет своей жизнью, но эта жизнь страшна: здесь не просто ограничивают свободу, но унижают, обезличивают человека. Противостоять атмосфере насилия не может даже сильный физически и духовно человек, каковым является герой-повествователь. Пытаясь понять законы, по которым живет тюрьма, он приходит к ряду любопытных выводов. Здесь любая возможность проявить власть так же меняет человека, как и на воле: став старостой, герой чувствует это, ощущает себя представителем «закона», включается в «игру» между «сильными» и «слабыми». Здесь так же работают экономические механизмы управления обществом: налажена торговля, обмен продуктами и т.д.; так же в борьбе за выживание побеждает сильнейший: «О, смею вас уверить, мы были волки, точно как те парни, которые делают бизнес на Уолл-Стрите» [13]. Писатель делает важный обобщающий вывод: люди устанавливают законы, по которым живет общество, но эти же люди и нарушают их, они оказываются жертвами этих законов, будь то законы государственной значимости или частные законы жизни в замкнутом мире, каковым является тюрьма.

В отдельных рассказах, включенных в книгу «Дорога», Лондон представляет свое понимание природы человека, бродяги, лишённого законного права на жизнь, достойную человека. В его понимании, он такая же часть общества, как и «добропорядочные» граждане, он продукт этого общества. Но, в силу присущего писателю уже в начале его творческого пути сознания важности для любого человека внутренней силы, стержня, дающего возможность удержаться на поверхности жизни, он склонен неоднозначно оценивать этих людей. Лондон не стремится перекладывать всю меру ответственности за их положение исключительно на общество, государство. С одной стороны, он в деталях живописует все бытовые трудности тех, кто вынужден скитаться в холодных, грязных вагонах по дорогам страны, сталкиваться с непониманием и жестокостью благонамеренных граждан. С другой – осознавая себя молодым, полным жизненной силы, герой, сохраняя свое промежуточное положение между гражданами и хобо, зачастую видит в последних всего лишь толпу обезличенных, слабых людей. Они, в его понимании, не способны одержать победу в борьбе за жизнь. Аристократия Дороги, профессионалы-бродяги – те, кто прямо противопоставлен безликой массе бродяг, называемых автором «дубами».

Подобно тому, как устройство жизни в таборе и в тюрьме являет собой

модель устройства жизни в обществе в целом, так и борьба за жизнь на железной дороге между хобо и железнодорожниками и полицейскими представляет собой своеобразную развернутую метафору борьбы за жизнь в обществе, где побеждает сильнейший в физическом и моральном отношении. Можно говорить о том, что никто из авторов автобиографических сочинений на этой важной, актуальной для того времени теме не останавливал своего внимания. Обоснованный теорией Дарвина и Спенсера, подобный взгляд получает у Лондона динамичное и яркое художественно-публицистическое воплощение, иллюстрирующее факт «жизненности» и «достоверности» этой теории. Интересно, что Г. Адамс в «Воспитании Генри Адамса» довольно много рассуждает о роли теории Дарвина в развитии мысли того времени, но эти суждения носят теоретический характер. Он уверен, что для молодых людей «не было выбора» – эволюция должна была стать их «Законом» [14]. В книге Лондона показано во множестве частных эпизодов авторское восприятие того, как «работают» в жизни законы эволюции.

Описывая отношения между бродягами и служителями закона, Лондон отмечает интересную закономерность: служители Закона не только преследуют бродяг, но и во многом «живут» за их счет. Полны иронии его слова о том, что бродяги стали важной частью экономической жизни страны: полицейские, «быки» – на сленге хобо, получают деньги за поимку бродяг, они заинтересованы в том, чтобы бродяги были, а иначе как им кормить свои семьи, растить детей «в страхе божьем, в усердии к труду» [15]. В мире бродяг так же, как в мире социально послушных граждан, важно стремление к успеху, даже если он сводится всего лишь к возможности обмануть кондуктора или снять шапку с пьяного прохожего. Сочетая динамику с медитативностью в изображении сцен повседневной жизни хобо, Лондон приводит их своеобразный девиз жизни, который в подтексте осмысливается как закон выживания человека в мире цивилизации: «... держаться, невзирая ни на что» [16]. В цивилизованном обществе, приходит к выводу писатель, человек, независимо от его положения, должен рассчитывать только на себя, на свои силы – государство не выполняет своих гуманистических обязанностей по отношению к людям. Всё, что остается бродягам в этом мире – это создать свое братство. Оно живет по собственным законам, так же являя собой своего рода цивилизацию в цивилизации. Это законы, более осмысленные и естественные, с точки зрения писателя, – взаимовыручка, поддержка, но и жестокость, когда речь заходит о собственной жизни. Предельно дистанцируясь от изображаемого, достигая тем самым объективности в изображении, автор рисует страшную картину того, как общество само порождает угрозу своему спокойствию и благополучию. Обезличивая человека, лишая шансов на успех в жизни, оно уже с детства толкает его на путь жестокого противостояния закону, ибо Закон не защищает всех, а поставлен на службу избранным. Особенно страшно, когда речь идет о детях, которые вынуждены в силу обстоятельств выходить на Дорогу беззакония: «Тогда они превращаются в волков и могут, подобно волкам, повалить и растерзать самого сильного человека» [17].

Некоторые образы хобо приобретают в книге мифологический характер. Таков образ бродяги Джека-Паруса, который становится для Лондона символом хобо. Прочитав надпись, оставленную им на одной из станций, он пытается догнать его, колеся в разных направлениях по железным дорогам, но Джек-Парус недостижим. Даже его прозвище включает в себе намек на меч-

ту, романтику жизни: «Право, Джек-Парус, ты король бродяг, и твоим другом был ветер, бродяжничающий по всему свету» [18]. Этот человек-миф близок герою, неоднократно акцентирующему в книге внимание на своей абсолютной ориентированности на приключение, стремление к неизвестному – в этом он искренне видит возможность преодоления всего того негативного, что увидел во время странствия в большом мире.

«Дорога» стала важной для писателя книгой, в которой он рассказал о небольшом периоде своей жизни, определившем становление его взглядов на жизнь, его характер. Вопреки мнению некоторых своих друзей, считавших ненужным её появление, Лондон обосновывал необходимость её написания стремлением установить связь между прошлым и настоящим: «Тем, кто я есть, я стал благодаря своему прошлому, а если я буду стыдиться своего прошлого, я должен стыдиться и того, во что меня это прошлое превратило» [19]. Именно в этот период жизни формировалось его понимание цивилизации как социальной структуры, регулирующий отношения между человеком и обществом, обозначилось понимание важности нравственной составляющей в процессе формирования цивилизации, что нашло отражение в книге в сложном сплаве документального и художественного начал, в синтезе реалистических и романтических принципов воспроизведения объективной действительности и человека. На материале фактов собственной биографии, в русле общих тенденций развития данного жанра в американской литературе и обнаруживая творческое новаторство, Лондон актуализирует ряд важных аспектов восприятия цивилизации, путей её развития и места человека в этом процессе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Lundquist J. Jack London. Adventures, ideas and fiction. – N.Y., 1987. – P. 143-144.
2. Лондон Д. Дорога // Лондон Д. Собр. соч. в 13 тт. – Т. 5. – С. 490.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. Николюкина А.Н. – М., 2001. – С. 15.
4. Лондон Д. Цит. изд. – С. 388.
5. Там же. – С. 388.
6. Ковалев Ю.В. От «Шпиона» до «Шарлатана». Статьи, очерки, заметки по истории американского романтизма. – СПб., 2003. – С. 33.
7. Лондон Д. Цит. изд. – С. 385.
8. Там же. – С. 467.
9. Там же. – С. 418.
10. Там же. – С. 421-422.
11. Там же. – С. 432.
12. Там же. – С. 435.
13. Там же. – С. 448.
14. Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. – М., 1988. – С. 418.
15. Лондон Д. Цит. изд. – С. 505.
16. Там же. – С. 413.
17. Там же. – С. 486.
18. Там же. – С. 461.
19. Быков В.М. По следам Джека Лондона. – М., 1996. – С. 82.

В.И. Стрельцов,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории и литературы
Московского института духовной культуры

ЕСТЬ ЛИ У НАС ЛИТЕРАТУРА?

Подражая немецким теоретикам искусства, братьям Шлегелям, утверждавшими, что в Германии во времена Гёте и Шиллера нет настоящей литературы, отражающей духовный мир немецкого народа и являющейся центром объединения всего государства, русские критики: Бестужев-Марлинский, Веневитинов, Киреевский и Белинский – тоже заявили, что в России нет литературы как отражения народного самосознания. В то же время мысль В.Г. Белинского была во многом оптимистической, – ибо, хоть литературы как результата художественного творчества ещё нет, но есть литературный процесс, движение к самобытной, национально неповторимой литературе.

V. Streltsov

DO WE HAVE LITERATURE?

Following brothers Shlegels, German art theorists, who were insisting that in German in Gete's and Shiller's time there was no real literature, reflecting inner world of German people and serving as the centre of unification of all the commonwealth, Russian critics: Bestughev-Marlinsky, Venevitinov, Kireevsky and Belinsky, – also declared, that in Russia there was no literature, which would reflect people's self-consciousness.

At the same time the idea of Belinsky was in many respects optimistic, because there was no literature as a result of arts, but there was literature process, movement to original, national unique literature.

В этом году исполняется 160 лет со дня смерти В.Г. Белинского (1811 – 1848). Авторами самых первых, дореволюционных работ о Белинском были сторонники его литературно-эстетических взглядов, друзья по Московскому университету, современники и последователи. Среди них – А.Н. Пыпин, Кс. Полевой [1], Н.Х. Кетчер, И.И. Лажечников, С.А. Венгеров, К.С. Аксаков, Н.Л. Бродский и др. В советские времена большой популярностью пользовались исследования о Белинском многих литературоведов – Н.И. Мордовченко [2], Р.М. Самарина, Н.Н. Скатова, А. Лаврецкого [3], а также научные труды Л.М. Крупчанова [4], Ю.Г. Оксмана, М.П. Алексеева, Н.А. Гуляева [5], В.И. Кулешова [6], Ю.В. Манн и др.

Отмечая, что российскими учёными в изучение Белинского внесено много нового, следует обратить внимание на проблему, слабо разработанную в современном литературоведении и, в частности, в отечественном «белинковедении». Речь идёт о том, что В.Г. Белинский вошёл в историю искусства и науки как литературный критик, чьи труды в определённой мере предвосхитили исследования западноевропейских и отечественных компаративистов. Решение этой проблемы поможет восстановить историческую справедливость о роли русской критики в развитии сравнительно-типологических связей национальных литератур, укрепит престиж Белинского как предшественника компара-

тивистского движения в русской и европейских литературах. С этих научных позиций можно утверждать, что жизнь и творчество Белинского исследована в русской и западноевропейской науке и критике достаточно полно, но не исчерпывающе.

Между тем историзм самого Белинского представлен в его критическом наследии как та «генеральная линия» русской науки о литературе, которая потом своеобразно выразится в культурно-историческом направлении А.Н. Пыпина и Ф.И. Буслаева, сравнительно-исторической методологии Александра Веселовского и Алексея Веселовского и, наконец, в работах русских и европейских компаративистов последующих поколений. Задача сравнений, в понимании Белинского, состоит в том, чтобы установить шкалу художественного совершенства, показать, в какой мере произведения различных национальных литератур приближаются к высшему общечеловеческому идеалу. Сравнительно-типологический метод исследования русской и европейских литератур позволил В.Г. Белинскому провести конкретно-исторический и эстетический анализ прозы, поэзии и драматургии российских и западноевропейских художников слова.

Процесс взаимодействия национальных литератур представляет собой, по мысли Белинского, закономерное свойство литературы «демонстрировать» себя в международных взаимосвязях и соотношениях. В статье «Общее значение слова литература» содержатся выводы критика о сравнительно-типологическом соотношении русских и европейских гениев в области искусства. Для поэта, который хочет, чтоб гений его был признан везде и всеми, а не одними только его соотечественниками, «национальность», по логике критика, есть первое, но не единственное условие. Необходимо ещё, чтоб, будучи национальным, он в то же время был и всемирным, то есть национальность его творений была формой, плотью и личностью духовного мира общечеловеческих идей. Другими словами, необходимо, чтоб национальный поэт имел великое историческое значение не для одного только своего отечества, но чтобы его явление имело всемирно-историческое значение. Такие поэты могут являться, по мысли критика, только у народов, призванных играть в судьбах человечества всемирно-историческую роль, то есть своею национальною жизнью иметь влияние на ход и развитие всего человечества. С этой точки зрения, в России, к сожалению, нет, по логике Белинского, ни одного поэта, способного своим творчеством изменить ход истории и развитие целых народов. Сравнительным сопоставлением творчества Шекспира и Пушкина, Байрона и Лермонтова критик подтверждает свою мысль. Отношение наших великих поэтов к великим поэтам Европы можно выразить, в представлении Белинского, так: о некоторых пьесах Пушкина можно сказать, что сам Шекспир не постыдился бы назвать их своими, так же, как некоторые пьесы Лермонтова сам Байрон не постыдился бы назвать своими, но, не рискуя впасть в нелепость, что под некоторыми сочинениями Шекспира и Байрона Пушкин и Лермонтов не постыдились бы подписать своего имени. Суждения Белинского не лицеприятны, но трудно отказать критику в искренности его личных мнений, хотя они во многом субъективны и даже самоуничижительны в определении творческих ценностей отечественных гениев.

Итак, наиболее ярким доказательством того, что Белинский был предшественником отечественных и европейских компаративистов, являются его суждения по поводу того, есть ли в России настоящая литература. Волей ис-

торических событий и самой Судьбы, критик заслонил многих предшественников и современников, может быть, поэтому в дальнейшем сложилось такое впечатление, будто он единственный на литературном поприще знаменовал свой дебют постановкой такого «скандального» вопроса. На самом деле Белинский этого вопроса и не ставил, а, в контексте решения подобной проблемы в России и на Западе, давал свой ответ на вопрос, имевший свою длительную предысторию как в отечественной, так и европейской печати. О том, что «у нас нет ещё литературы» было сказано в начале XIX века вовсе не Белинским, а А.В. Шлегелем («Германская классическая литература»), одним из родоначальников и крупнейшим теоретическим авторитетом романтизма. Единение нации было задачей литературы в Германии на рубеже XVIII – XIX веков, а немецкая литература, даже при наличии выдающихся писателей (Гёте, Шиллер, Гофман и др.), как представлялось Шлегелю, не выполняла ещё функции объединения всей нации, и потому «отсутствовала», её как бы ещё не было в деле национального единения.

А в России эта формула – «у нас нет литературы» впервые появилась за десять лет до знаменитого цикла статей Белинского («Литературные мечтания», 1834) – у Бестужева-Марлинского (1824), а затем та же формула повторялась Веневитиновым, Киреевским, а в 1832 году – Н.А. Полевым. И Сенковский в 1834 году тоже, в свою очередь, не поставил, а только ещё раз возбудил тот же вопрос: «А некоторые даже говорят, что у нас нет литературы». Эта формула, в самом деле, имеющая типологическое сходство со шлегелевской, у Белинского явно политизируется, означая, по существу, гражданскую деятельность, имеющую воздействие на весь «народ», «страну», «нацию». «У нас нет литературы», – утверждает Белинский, вкладывая в эти слова тот смысл, что русская литература, к сожалению, ещё не стала подлинным выражением духа народа, вполне самостоятельной формой выражения народного сознания. По существу, здесь речь идёт о литературе как общественной силе, которой, по мнению Белинского, Россия ещё не обладает. В этом контексте мысль Марлинского, Надеждина, Киреевского, Белинского и других о том, что «у нас нет литературы», была во многом оптимистической, ибо, хоть литературы как результата художественного творчества ещё нет, но есть литературный процесс, движение к самобытной, национально неповторимой литературе.

В основу концепции Белинского заложены общечеловеческие научные знания о том, что мир един и многообразен, а народы, заселяющие его, – это «струны одного и того же инструмента – духа человеческого, но струны разного объёма, каждая со своим особенным звуком, – и потому-то они издают полные гармонические аккорды» (V, 436). Эту идею, воспринятую Белинским от Гердера, русский критик утверждает в контексте современной ему русской действительности. То есть из понимания общности человечества как единого целого Белинский выводит причины многообразия и различия жизни отдельных народов. Своеобразие жизни русского народа отразилось, по логике Белинского, и на истории развития отечественной литературы. Признавая всё же в цикле пушкинских статей (1843), что «существование русской литературы есть факт, не подверженный никакому сомнению» (V, 648), масштабы её всемирно-исторического значения он определяет с позиций её самобытности и взаимодействия с другими литературами. Литература русская, явившись фактом своего существования, не успела ещё, по логике критика, установиться и определиться, вырасти до значимых размеров, по сравнению с литера-

турами передовых западноевропейских стран, и, вследствие этого, не может пока «претендовать на должное умственное всемирно-историческое значение в современном человечестве» (V, 641). Нисколько не принижая уровень значения русского искусства, перспективы его развития Белинский усматривал в будущем России. Делая акцент на преобладании самобытности в развитии русского народа, критик причину отличия родной литературы от западноевропейской видит в том, что она возникла якобы не самобытно и не из почвы народной жизни, а стала результатом крутой общественной реформы, проведённой в государстве Петром I. Именно по этой причине зарождающаяся литература сперва была подражательною и бедною содержанием. Белинский, к сожалению, недооценивал значения и роли древнерусской литературы, по причине невыявленности глубинных корней древней литературы в искусстве России, в ту эпоху, когда жили его современники. Во второй половине XIX века, во времена Буслаева, Пыпина, Александра и Алексея Веселовских, этот недостаток не будет свойствен отечественным литературоведам.

Критик придерживался того принципа, что у всякого народа россиянин должен брать, занимать и перенимать только то, что составляет сущность его жизни, плоды его духа, – словом, его действительность – в высшем философском значении этого слова. И потому философии, по логике Белинского, следует учиться не у французов и англичан, так же, как музыке не у китайцев, а у немцев: высшего, художественного искусства следует искать не у французов, а у англичан и немцев. У французов, определяет Белинский, будем следить развитие математики, медицины. То есть Белинский говорит не об огульном заимствовании в области науки, экономики и искусства, но об избирательном подходе русского народа к восприятию всего полезного, выработанного цивилизацией для развития лучших отечественных форм и традиций.

При анализе философских раздумий критика о своеобразии русского народа и его мирозерцании можно прийти к выводу о том, что Белинский был теоретиком и историком не только русской, но во многом и западноевропейской литературы. Догадки об этой заслуге Белинского возникали порой, но более чёткого оформления этой гипотезы на Западе и в русском литературоведении, к сожалению, трудно найти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ксенофонт Полевой. Сочинения В. Белинского // Северная пчела. – 1859. – № 229. – С. 917.
2. Мордовченко Н.В. Белинский и русская литература его времени. – М. – Л., 1950.
3. Лаврецкий А. Эстетика Белинского. – М., 1959.
4. Крупчанов Л.М. Культурно-историческая школа в русском литературоведении. – М., 1983.
5. Гуляев Н.А. В.Г.Белинский и зарубежная эстетика его времени. – Казань, 1961.
6. Кулешов В.И. История русской критики XVIII-XIX веков. – М., 1978.

В.И. Стрельцов,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории и литературы
Московского института духовной культуры

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В.Г. БЕЛИНСКОГО КАК РЕЗУЛЬТАТ СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНА- ЛИЗА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

Содержание данной статьи утверждает идею о том, что эстетика В.Г. Белинского возникла в процессе подробного анализа критиком типологических связей русской и европейских литератур. В ходе анализа национальных литератур России, Германии, Англии и Франции утверждаются такие эстетические категории, как: «миросозерцание народов», «национальная самобытность», «идеальная и реальная поэзия», «чистое искусство», «тенденция художника», «субъективность», «односторонность», «типизм», «историзм», «простота», «пафос», «правда изображения жизни», «рефлексия», «демонизм», «социальность» и другие категории, доказывающие, что в критике Белинского, действительно, есть концепция типологических связей национальных литератур, воспроизведённая на основе анализов творческих соотношений русских и западноевропейских писателей.

V. Streltsov

BELINSKY'S ESTHETIC CATEGORIES AS A RESULT OF COMPARING TYPOLOGICAL ANALYSIS OF NATIONAL LITERATURES

The main idea of this article is that Belinsky's esthetics originates from the process of detailed analysis of typological relations between Russian and European literatures. During analysis of Russian, German, English and France national literatures asserts such aesthetic categories as people's world view, national originality, ideal and real poetry, pure art, artist's tendency, subjectivity, narrowness, historical method, simplicity, pathos, reflexion, monism and other categories, which prove that in Belinsky's criticism there is a conception of typological relations between national literatures, represented in analysis of art correlation between Russian and west-european writers.

На переломе XX-XXI веков возрос интерес к проблемам изучения сравнительно-типологических связей и взаимодействия национальных литератур. В связи с этим актуально обращение к личности В.Г. Белинского (1811-1848), который был теоретиком и историком не только русской, но и западноевропейской литературы, а также предшественником русских и европейских компаративистов. Основными признаками его концепции являются эстетические категории, отражающие миросозерцание народов. Истоки русского миросозерцания, по логике критика, следует искать в поэзии, в народных песнях и былинах, в которых отразились духовная сила, удалство, размах русской души. При сравнении миросозерцания русского и европейских народов критиком берётся во внимание и положительное и отрицательное, которое есть у этих народов и находит отражение в их литературах. Три европейские нации – Англия, Германия и Франция – являются, по логике Белинского, главными

представительницами современного человечества. Германия и Франция представляют два противоположных полюса духа человеческого. В статье «Русская литература в 1840 году» [1] критик разъясняет суть этих противоположностей. Германия понимает (созерцает) жизнь как сознание, и отсюда мыслительно-созерцательный, субъективно-идеальный характер её искусства и науки. Оттого и само искусство её не что иное, как параллель философии, как особая форма созерцательного мышления, и отсюда же абстрактный, мирообъемлющий характер произведений её литературы, науки и поэзии. Франция, напротив, понимает (созерцает) жизнь как развитие общественности, как приложение к обществу всех успехов нации и искусства, и отсюда – положительный характер её наук и социальный характер её искусства. Англия, по логике Белинского, составляет в этом отношении прямую противоположность и Германии и Франции. Одержав победу над феодализмом столетием раньше Франции, английская буржуазия устремила энергию на развитие своей промышленности и торговли и на подчинение других стран. Колониальная экспансия наложила сильный отпечаток на развитие английской буржуазной нации.

В концепции типологических связей важным критерием, определяющим ценность произведений искусства, являются суждения Белинского о соотношении понятий «национальность», «народность» и «самобытность». Восприятие этих эстетических категорий постоянно эволюционировало в сознании критика. Вначале понятие «народность» совпадает у него с «народностью», которая отличается от «простонародности». Суждения критика о «национальной самобытности» народов подводят к выводу о том, что, по логике Белинского, утверждение «национальной самобытности» является утверждением «народной Руси» и, как неоспоримая закономерность, – утверждение «народной Руси» является утверждением «национальной самобытности». Белинский полностью солидарен с мнением Гоголя о том, что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Разгадать тайну народного духа, воплотить её в произведениях искусства поэт способен, по мнению критика, только тогда, когда он верен будет действительности при изображении не только «низших», но и «средних», и «высших» сословий общества.

В связи с этим следует обратить внимание на логику суждений Белинского о соразмерности масштабов народных талантов. Так как способность быть народным есть, по логике критика, своего рода талант, то она имеет свои бесконечные степени, подобно всякому таланту. Есть таланты обыкновенные и великие, есть гении. Это зависит от степени, в которой известная личность выражает собою дух своей нации. Для поэта, который хочет, чтобы гений его был признан везде и всеми, а не одними только его соотечественниками, «национальность», по логике критика, есть первое, но не единственное условие. Необходимо ещё, чтобы, будучи национальным, он в то же время был и всемирным, то есть, чтобы национальность его творений была формой, плотью и личностью духовного мира общечеловеческих идей. Другими словами, необходимо, чтобы национальный поэт имел великое историческое значение не для одного только своего отечества, но чтобы его явление имело всемирно-историческое значение.

Немаловажное значение в концепции Белинского имеет положение об «истинных» и «мнимых» поэтах. «Истинные» поэты обращаются к воссозданию нравов и обычаев страны, избранной ими театром романа или повести, без

этого герои были бы призраками, а не действительными живыми созданиями. Для «истинных» поэтов нравы и обычаи, казалось бы, дело второстепенное, о котором они нисколько будто не заботятся, но которое у них само собою, как бы без их ведома, формируется. У «мнимых» поэтов, напротив, по логике Белинского, вся сущность – в изображении местности, нравов и обычаев страны, а характеры, завязка и развязка – дело второстепенное. Белинский приходит к выводу о том, что нужен великий талант, чтоб показать миру истинно творческое произведение – простое, но прекрасное, взятое из всем известной действительности, но веющее новым духом, новою жизнью.

В концепции Белинского есть положение о разделении литературы на два вида – «беллетристику» и «подлинно художественную литературу». «Беллетристика», в представлении критика, является чем-то второстепенным, низшим по сравнению с истинным искусством, но всё-таки достойным эстетической ценности, ибо беллетристика – это удел таланта, а высшее искусство – достоинство гения. Такое, пожалуй, во многом условное и даже противоречивое деление литературы затрагивало творчество и русских и западноевропейских художников.

Достойное место в эстетике Белинского занимает учение об «идеальной» и «реальной» поэзии. Поэзия, по мысли критика, двумя способами объемлет и воспроизводит явления жизни. Эти способы противоположны один другому, хотя ведут к одной цели. Поэт или пересоздаёт жизнь по собственному идеалу, или воспроизводит её во всей её наготу. Поэтому поэзию можно разделить на два «отдела» – на «идеальную» и «реальную». Характер «реальной поэзии» состоит в верности действительности, а «идеальной» – склонности к идеализации и воспроизведению фантастических вымыслов.

Белинский утверждает, что западноевропейский «классицизм», в научном смысле слова, таковым вовсе и не является, заслуживая лишь названия «псевдоклассицизма». Эту истину, по логике критика, подтвердил самостоятельный гений германской нации Лессинг, разбивший оковы «псевдоклассицизма» и низложивший во прах с алтарей храма искусств французских «классицистов» во главе с Буало. Благодаря немцам, по мнению Белинского, вся Европа узнала Шекспира, которого Вольтер за правдивое изображение жизни народа заклеил прозвищем «пьяного дикаря». Мало того, немцы, по мнению Белинского, первыми доказали, что древние были оклеветаны, ибо Аристотель и не думал утверждать «нелепости» о «строгих правилах классицизма».

Заслуживают особого внимания выводы Белинского по проблеме «чистого искусства». По мнению критика, греческое искусство больше других приблизилось к идеалу «абсолютного искусства», и в то же время даже и его нельзя назвать «абсолютным», то есть «чистым», независимым от других сторон национальной жизни. Отрицая необходимость «чистого» искусства, критик объясняет, что настоящее искусство должно отражать, прежде всего, саму действительность. Мысль о каком-то «чистом, отрешённом искусстве», живущем в своей собственной сфере, не имеющей ничего общего с другими сторонами жизни, есть мысль отвлечённая, мечтательная. Такого искусства никогда и нигде не бывало. Утверждение идеи о возможности в жизни «чистого» искусства, по логике Белинского, несёт с собою гибель искусства. Отвергая бессмысленность существования «чистого» искусства, Белинский на примерах развития русской и западноевропейской литературы доказывает правоту сво-

ей концепции, убеждая читателей, что искусство не может быть бесстрастным, как не могут быть бесстрастными и сами художники, ибо космополитическое искусство нигде и никогда не существовало.

Вызывает научный интерес логика суждений Белинского о таких эстетических категориях, как «красота» и «безобразное». По мнению критика, вариативности критерия красоты многоаспектны. Красота может быть присуща художественному произведению даже при отсутствии красоты в образах её главных или второстепенных героев. Красота может быть, например, в предчувствии будущего человеческого идеала, которое передаётся через отрицательные образы, – порой с большей силой, чем через положительные. Так Белинский утверждает взаимодействие и даже нераздельность красоты и истины. Но в искусство, по мысли Белинского, на правах истины, входит порой и «безобразное». В определённых социально-исторических условиях «безобразное» является фактом действительности. Идеал «красоты» вместе с антиподом своим в качестве «безобразного» прошли своё эстетическое развитие, по мысли критика, и в истории мировой литературы, и в истории отдельных народов.

Важное место в эстетике Белинского отведено пояснению понятий «содержание», «сюжет» и «форма» художественного произведения. Рассматривая эту проблему, критик заметил, что «содержание» нередко понимают только внешним образом, как «сюжет» сочинения, не подозревая, может быть, что «содержание» есть душа, жизнь и «сюжет этого сюжета». Содержание, по логике критика, не во внешней форме, не в сцеплении случайностей, а в замысле художника, в тех образах, в тех тенях и переливах красот, которые представились, пожалуй, ему ещё раньше, чем он взялся за перо, словом, в творческой его концепции. Идейное содержание, по мысли критика, неотделимо от формы художественного произведения, то есть оригинальная идея должна иметь свою, ей присущую, оригинальную форму. Форма, в интерпретации Белинского, – это как индивидуальное в образе, без чего нет типического характера.

Сопоставляя творческие параллели, Белинский акцентирует внимание на качестве идейного содержания каждого произведения, считая «идею» определяющим критерием в индивидуальном подходе писателя к воссозданию действительности. Опираясь на анализ высоко идейных художественных произведений, критик решительно порывает с абстрактно-логическим и романтическим пониманием художественной идеи. Образцом идеи, вышедшей из содержания художественного произведения, Белинский считал роман Лермонтова «Герой нашего времени» [2], а примером таинственного слияния идеи с формой является повесть Гоголя «Тарас Бульба» [3]. Но в ином произведении, по логике Белинского, трудно сформулировать главную идею, и примером тому является трагедия Гёте «Фауст».

Достойное место в эстетике Белинского отведено учению о «пафосе» литературного произведения. Отвергнув абстрактность понимания искусства и схематическую сторону гегелевского критического метода, Белинский излагает суть своего нового видения художественного произведения как диалектику частного и общего, как необычайно многостороннего единства «формы», «идеи» и «содержания». По логике критика, в «пафосе» поэт ощущает идею не разумом, не рассудком, не чувством, но всею полнотою своего бытия, и потому идея является в его произведении не отвлечённой мыслью, не мёртвой формой, а живым созданием. Введение в концепцию Белинского понятия «пафос»

не ведёт к устранению понятия «идея», потому что здесь «пафос», наоборот, усиливает идею, «работая» на неё.

Надо обратить внимание на логику суждений Белинского о «тенденциозности» писателей. Утверждая «тенденцию художника» в искусстве, называя её «авторской позицией» или «авторской точкой зрения», подтверждение своей теории Белинский находит в анализе произведений русских и западноевропейских писателей. По мнению критика, чувство общественности должно громче других звучать в сердце писателя, – писатель должен следить за судьбой своего народа, должен чувствовать себя гражданином, помогать обществу в его борьбе за прогресс и свободу. Принципиальную «тенденцию», например, он обнаруживает в произведениях Грибоедова [4], Лермонтова, в поэмах Байрона, трагедиях Шиллера и «социальных» романах Ж. Санд [5]. В подобных произведениях искусство, по мысли критика, вершит суд над жизнью.

Важное место в учении Белинского занимают такие эстетические понятия, как «субъективность» и «односторонность», анализируемые критиком в ходе их постоянного диалектического развития. По логике Белинского, отсутствие в поэте внутреннего (субъективного) элемента есть недостаток. В то же время, по мысли критика, оба мира, в изображении художника – внутренний (субъективный) и внешний (объективный) – крайности, и равно опасно предаваться одной из них исключительно. Но оба эти мира равно нуждаются один в другом, и в возможном проникновении одного другим заключается совершенство человека. В связи с этим Белинский не приемлет крайнего проявления «субъективности» в искусстве, называя его «опоэтизированным эгоизмом». То есть в своей концепции критик выступает за разумное «равновесие» «субъективного» и «объективного» элементов, призванных средствами искусства правдиво отобразить окружающую действительность.

Сопоставляя художественные методы национальных литератур, Белинский подробно характеризует, кроме того, такие эстетические категории, как «созерцание», «истина», «искусственность», «естественность» и «типизм». «Типизм», по логике Белинского, есть один из основных законов творчества, без которого не может быть творчества вообще. Сущность «типизма», применительно к литературе, означает, по логике Белинского, процесс, когда в частном и конечном явлении выражается общее и бесконечное. Но при этом не следует списывать с действительности какие-нибудь случайные явления, надо создавать типические образы, соответствующие своим типизмом общей идее, в них выражающейся. Свою концепцию «типического» Белинский связывает с пониманием общественной и социально-исторической обусловленности литературных характеров.

Критерий «простоты» критик выводит опять-таки из опыта анализа произведений русской и западноевропейской литературы. Простота, по логике Белинского, есть красота истины, и художественные произведения сильны ею, тогда как мнимо художественные часто гибнут от неё и потому по необходимости прибегают к изысканности, запутанности и необыкновенности. То есть изысканность, по Белинскому, является антиподом простоты и всегда может служить верным признаком слабости или отсутствия поэзии.

Почётное место отведено Белинским учению о литературных жанрах. Белинский утверждает, что «историзму» искусство не чуждо. Признавая историю первым и величайшим знанием движущегося времени, Белинский убеж-

дён, что она дала новое направление искусству. В суждениях об историческом жанре критик ставит вопрос о праве художника на вымысел, имеет ли писатель право на вымысел, а если имеет, то в какой степени. Решая эту проблему, Белинский приходит к выводу, что право на вымысел определяется здравым смыслом поставленной цели. Та выдумка, которая противоречит исторической правде, неприемлема с исторической и художественной точки зрения. И отсюда следует, что художник имеет право на фантазию, если его фантазия не искажает истину человеческой жизни. Художественный принцип «правды изображения» жизни Белинский тесно увязывает с прославлением «натуральной школы» (эти слова, презрительно брошенные Булгариным в адрес учеников Гоголя, критик подхватил и сделал не иронической кличкой, а литературоведческим термином). В правдивом изображении жизни критик видел главное достоинство «натуральной школы», которую можно называть реалистическим направлением в русской литературе.

Интересны суждения В.Г. Белинского о таких эстетических категориях, как «трагическое», «комическое», «сатирическое», «юмор», «ирония», а также «оригинальность», «разумность», «необходимость», «замкнутость», «замкнутость», «замкнутость», «подражание», «социальность».

Особое внимание следует обратить на логику суждений Белинского о «рефлексии». XIX век критик назвал «веком рефлексии», философствующего духа, размышления, «альфой и омегой» которого является вопрос. Рефлексия своеобразно отразилась в творчестве русских и западноевропейских художников. Апофеозом рефлексии стала, по его мнению, трагедия Гёте «Фауст». В английской литературе рефлектирующей он считал поэзию Байрона, в русской – лермонтовскую. Как общественная «болезнь» рефлексия проявилась в апатическом восприятии окружающей жизни, в которой невозможно пользоваться её благами.

В подтверждение идеи типологических связей национальных литератур можно обратиться к «демонической» теме, столь популярной в мировой литературе XIX века. Видимо, «демонизм» критик считал одним из признаков романтической поэзии. Он живо откликнулся на разработку этой темы в западноевропейской (Гёте, Байрон) и русской (Пушкин, Лермонтов) литературах. Критик восхищён талантом Гёте, сумевшего в поэтической форме передать неукротимые стремления человеческого разума к познанию. Но с позиций Православия логика суждений В.Г. Белинского по этому вопросу справедливо подвержена критике и отрицанию.

Обращает на себя внимание тезис об «идеальном содержании» художественных произведений. «Идеальное содержание», по мысли критика, представляет собой творчески обогащённую действительность, воссоздаваемую под воздействием нравственных и социальных противоречий. Произведение с «идеальным содержанием» предполагает возможность вобрать в свою структуру многие эстетические категории, рассмотренные в концепции Белинского («народность», «художественность», «идейность», «простота», «объективность», «пафос» и т.д.), обнаруживающие художественный синтез, без которого произведение искусства не может быть «идеальным». При отсутствии некоторых эстетических «звеньев» художественное произведение, по логике Белинского, не может считаться «идеальным» по своему содержанию.

Итак, анализ суждений Белинского о типологических связях русской и

европейских литератур побуждает к осознанию правоты о том, что в критике Белинского, действительно, есть концепция сравнительно-типологических связей и взаимодействия национальных литератур, воспроизведённая им на основе анализов творческих соотношений русских и западноевропейских писателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белинский В.Г. Русская литература в 1841 году // Полн. собр. соч. – М., 1953 – 1959. – Т. IV. – С. 408-447.
2. Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Полн. собр. соч. – Т. IV. – С. 21-53.
3. Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Полн. собр. соч. – Т. I. – С. 259-302.
4. Белинский В.Г. Горе от ума. Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова // Полн. собр. соч. – Т. III. – С. 428-486.
5. Белинский В.Г. Мельник (из Анжибо). Роман Жоржа Санда // Полн. собр. соч. – Т. IX. – С. 407-409.

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

Л.В. Аносова,

соискатель кафедры литературы XX века
Московского государственного
областного университета

ФЕНОМЕН СУБЦИКЛА В ЦИКЛЕ М. КУЗМИНА «ЛОДКА В НЕБЕ»

Предлагаемая статья является частью диссертационного исследования, которое посвящено проблемам построения лирического цикла внутри большой книги стихов М. А. Кузмина. В частности, в статье освещается своеобразие малой группы стихов, которые более связаны между собой в составе одного цикла. Такая группа стихотворений представляет концептуальное ядро большого цикла.

L. Anosova

FENOMENA OF SUBCYCLE INSIDE THE CYCLE BASED ON MATERIALES
M. KUZMIN'S "A BOAT IN THE SKY"

The presented article is part of thesis research devoted to problems lyrical cycles composition in Kuzmin's collection of poems. Specifically the article covers a small group of the poems, which are compound in one poetical group. This group contains conceptional essence of a very whole cycle of poems.

Изучая творчество М. Кузмина, приходишь к выводу, что в его поэзии нет ни одного стихотворения, не включенного в цикл, вошедший, в свою очередь, в книгу стихов. Циклостроение как принцип творчества Кузмина очевидно для всех исследователей наследия поэта (Г. Шмакова [1], Н. Богомолова [2], В. Маркова [3], Дж. Мальмстада [4], С.Ю. Корниенко [5]), однако своеобразие архитектоники циклов, их место в составе поэтических книг у Кузмина остается пока малоизученным. В.И. Тюпа высказал в статье «Градация текстовых ансамблей» суждение, подтверждающее актуальность поставленной задачи: «Обращение за примерами к наследию одного автора целесообразно постольку, поскольку при сопоставлении подборок различных поэтов всегда имеется опасность смешения индивидуальных и типологических различий» [6].

Во многом природу циклотворчества обосновал В. Ф. Марков (статья «Поэзия Михаила Кузмина»), увидевший в этом «тоску по роману в стихах» [3]. Стремление текстового мышления к «циклостроительному типу» отмечает и С.Ю. Корниенко: «В 1907 году максимальное количество текстовых презентаций в журналах представлено именно циклами, со всеми особенностями данного принципа текстообразования: числовая кодировка, наличия внутреннего сюжета и пр.» [7].

Вероятно, начало XX века с его обилием периодических изданий обусловило и развило тенденцию к объединению поэтических текстов в группы,

сборники, циклы и, шире, в поэтические книги. Однако не стоит забывать, что М. Кузмин вошел в литературу как исполнитель своей лирики, а музыкальное произведение подчиняется четкой иерархии, и принципы циклизации в музыке утвердились ещё более основательно, чем в поэзии.

Композиционная иерархия поэтических текстов у Кузмина весьма сложна: «Сети» (1908), «Осенние озера» (1912) и «Глиняные голубки» (1914), названные самим автором «книгами стихов» имеют многочисленные части, состоящие, в свою очередь, из нумерованных именных и безымянных циклов. «Вожатый» (1918) жанрового определения не имеет. Однако по строению включенных частей его тоже можно отнести к «книге», но малой, так как в ней нет частей, а есть только пять нумерованных разделов. «Двум» (1918), «Занавешенные картинки» (1920) и «Новый Гуль» (1924) по форме являются малыми циклами. «Эхо» (1921) и «Нездешние вечера» (1921), а также «Параболы» (1922) построены однотипно. У «Нездешних вечеров» и «Парабол» есть подзаголовки, говорящие о том, что эти две книги – сборники: в каждом объединены под единым заголовком именные циклы стихов, пронизанные одной общей концепцией, но при этом достаточно автономные.

В настоящей статье мы коснемся такого явления архитектоники цикла, как «субцикл» [8], то есть такой группы близких между собой стихотворений, которые находятся внутри большого цикла и определяют особую сюжетную и концептуальную линию цикла. Речь пойдет о субцикле в первом цикле сборника стихов «Нездешние вечера», вышедшего в 1921 году и включающего стихи за 1914–1920 годы, – «Лодка в небе». Субциклы у Кузмина, как правило, находятся в начале цикла, словно являясь неким вступлением к основной теме.

Название первого цикла в книге стихов «Нездешние вечера» – «Лодка в небе» – многое проясняет в содержании лирических текстов, собранных в нем. Только два из тринадцати стихотворений имеют названия: «Новолуние» и «Смерть». В этих двух композициях обозначено метафорическое время. В первом – ночное время, сопровождаемое рождением луны, оно порождает душевное состояние смятения, в «Смерти» мы являемся свидетелями сакрального момента перехода из внешнего мира реальности в мир потусторонний.

Образ «лодки» говорит о водном путешествии, вероятная опасность которого велика. Корабль, плывущий по бурному морю – образ, важный для художественного мира Кузмина, он восходит к духовной православной культуре: «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурей, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве» (ирмос песни 6 Канона покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу, всегда читаемого перед Причастием, известный каждому православному христианину, и Кузмину в том числе). Этот мотив «волн жизненного мира» уже встречался в книге поэта «Осенние озера»:

*Ты кормщик опытный, в уме ли?
Волненью предан и тоске,
Гадаешь омуты и мели
Проплыть, как мальчик, на доске! [9: 148]*

В стихотворении раннего цикла «Осенний май» речь идет о «любви безбрежных морях», о житейском море страстей, которое окружает человека. Название «Лодка в небе» говорит, скорее, о стремлении к покою, об отплытии к

иным, дальним берегам, возможно, к последнему пристанищу. «Лодка» – весьма широкая контекстуальная метафора: это и символический образ месяца, и библейский образ (два евангельских сюжета связаны с этим образом – ловля апостолами рыбы и путешествие Иисуса по морю во время бури).

Отсутствие форм, называющих действие, многозначно: вероятно, здесь речь идет о состоянии. Разгадку этой метафоры можно найти в третьем стихотворении цикла:

*Как месяц молодой повис
Над освещенными домами!
Как явственно стекает вниз
Прозрачность теплыми волнами!
Какой пример, какой урок
(Весной залога сердце просит)
Твой золотисто-нежный рог
С небес зеленых нам приносит? [9: 411]*

В этом отрывке для нас важно многое: прежде всего то, что лодка – действительно метафора месяца. Здесь он назван дважды (месяц, рог). Кроме того, подтверждается статичность картины. Глагол «повис» указывает на явление, ставшее постоянным. Это прямая отсылка к заголовку цикла – «Лодка в небе». Далее можно «расшифровать» и метафорическое обстоятельство «в небе». Всё же не только воздушная, но и водная стихия здесь исподволь присутствует. Поэт описывает небо, не называя его. С неба, а может, с месяца «стекает прозрачность», она имеет если не видимые глазом, то ощутимые признаки – «теплые волны». Образ лодки в небе рождает в душе надежду на откровение: «(Весной залога сердце просит)».

Таким образом, заглавие цикла представляется нам сложным метафорическим единством времени и пространства внутреннего «Я» героя.

Обратимся к начальным стихам цикла. Три первых композиции представляют собой более тесное смысловое целое. Здесь мы можем наблюдать историю преодоления замкнутости на собственном «я», что будет конечной целью всего цикла, раскрывающего важный период в жизни лирического героя. Все три фрагмента датированы одним годом – 1915. В первом и втором стихотворении развивается мотив ожидания «встречи-невстречи». Сравним начало стихов:

*Я встречу с легким удивленьем
Нежданной старости зарю.
и
Весны я никак не встретил,
А ждал, что она придет [9: 410].*

Первый фрагмент полон неожиданным открытием того, что герой изменился, изменилось его отношение к окружающему миру. Что же изменилось? Пришла старость. Однако героя более занимает другое:

*Ужель чужим огнем горю?
Волнуюсь я чужим волненьем?*

Эти риторические вопросы приоткрывают завесу над тайной героя: он стремится к единению с ближним, и казалось, что оно достигнуто, но этот результат подвергается неизбежному сомнению. Чтобы осознать это, герою требуется уединение:

Стою на тихом берегу,

*Далек от радостного бою,
Следя лишь за одним тобою,
Твой мир и славу берегу [9: 410].*

Перед взором читателя встает образ стороннего наблюдателя. «Тихий берег» и «радостный бой» контрастируют друг с другом по принципу посюстороннего и потустороннего миров. «Тихий берег» – некая граница бытия, предел, разделяющий героев. В сознании лирического героя поэта нет понятия «мы», пока это только «ты» и «я», «чужое волнение», «чужой огонь», которым горит сердце.

Ближний, хотя и любим, не становится родным, он всё еще «чужой». Герой, любя, способен увидеть первозданность, чистоту небес. Однако речь идет об изменении собственного восприятия любви героем, а не о стремлении обрести Друга, полюбить его как самого себя:

*Бывало, плача и шутя,
Я знал любовь слепой игрушкой,
Теперь же в чепчике старушкой,
Она лишь пестует дитя [9: 410].*

Завершает стихотворение мотив единства старости и младенчества, что создает идиллическое настроение. Оно приближено к древним идиллиям, это поэзия «малых дел», когда важнее всего причастность ко всему жизненному укладу, когда замыкается цикл земной жизни. Бахтин описал идиллический хронотоп как «идиллию родного дома и родного дола» [10].

У Кузмина в первом стихотворении присутствует топос «тихого берега». «Тихий берег» – пристанище, возможно – последнее, связано с темой старости. О временном плане говорит и вводное слово «бывало». Это временное пространство прошлого, которое знало разнообразные чувства, воспринимаемые теперь «по-новому»:

*Теперь и пенного Россини
По-новому впиваю вновь,
И вижу только чрез любовь,
Что небеса так детски сини [9: 410].*

Здесь важны повторы «вновь», «по-новому» и ограничительное «только». Автор стремится показать, что изменяется восприятие себя в мире не только вследствие достижения определенного возраста, но и чувство любви, очистившееся от страстей, заставляет смотреть на мир иначе.

Таким образом, первая композиция хронотопически неоднородна. Противопоставлены временные планы «былое – нынешнее» в отношении любви и мира, другого человека, на которого это чувство любви направлено. Вероятно, элегизм, чуждость миру, выпадение из него преодолены героем, потому что «любовь слепая резвушка» исчезает, и обретается зрение:

*Следя лишь за одним тобою,
Твой мир и славу берегу [9: 410].*

Читатель является свидетелем того, как лирический герой получает какое-то иное зрение, происходит преобразование: он не просто наблюдает, но по-своему опекает, а это уже служение. В подтексте стихотворения намечен топос реки, водораздела, волны, бурлящей, меняющейся, он сохраняется и во второй композиции:

Комендантский катер с флагом

Разрежет свежую гладь... [9: 410]

Здесь появляется скрытый мотив обманутых надежд, несбывшихся ожиданий, необретения чего-то очень важного из-за неготовности души к радости.

*Весны я никак не встретил,
А ждал, что она придет,
Я даже не заметил,
Как вскрылся лед [9: 410].*

Обратим внимание на временное выражение события: в первом стихотворении начальные строки о будущем, во втором – свершившееся прошлое. В первом – надежда на близкое счастье в покое и радости, во втором – разочарование, обида и опять, как следствие, отстранение, выраженное даже неким пренебрежением неопределенно-личного предложения:

*Пойдут разнеженным шагом
В сады желать... [9: 410]*

Происходит «падение» на героя пустоты и света. Такое состояние внутреннего мира сравнивается с поминальным днем, когда живые поминают ушедших **в иной мир**. Это присутствие отсутствующих. Поминается тот, кого уже нет. «Густое» пространство, называемое «тревожной ленью», – некая апатия, шок от сознания, что герой снова остался «за бортом жизни», что тот, для которого совершалось служение, остался глух и равнодушен.

Это состояние типично для элегии. Первоначально элегия как жанровое образование представляла собой оплакивание героически погибших. Говоря о позднейших элегиях, можно сказать об особом элегическом настроении в мироощущении лирического героя. Элегическое сознание – постоянно теряющее, сосредоточенное на своей «неслиянности» ни с кем и ни с чем. В конечном счете такое сознание сосредоточено на себе самом. Это и иллюстрирует второе стихотворение цикла «Лодка в небе». Оно и заканчивается элегически:

*Дождусь ли весенних ливней
Из глаз твоих!? [9: 410]*

В этих строках можно прочесть сомнение («дождусь ли») и надежду на ответное неравнодушие.

Следующее стихотворение достаточно спорное. По строю эмоции первая его часть полна восхищения, удивления и тайны, постигаемой героем, вторая похожа на героическую клятву. Снова четко выстраивается вертикаль. Сначала это взгляд героя в небо:

*Как месяц молодой повис
Над освещенными домами! [9: 410]*

Явственное ощущение «теплых волн», стекающих с небес, вновь рождает в душе героя светлые упования, но это уже не связано с миром людей. Герой учится «трепетному языку» природы, желая «прозрачным» быть. Это слово в стихотворении употреблено дважды: волны, что стекают с небес, прозрачны; во второй части композиции герой, вероятно, хочет уподобиться этим волнам. Это можно трактовать по-разному. Благодать, которая снисходит на героя, чиста, он стремится к этой чистоте. Отсюда глагольная лексика: гореть, манить, обещать, вести. В контексте стиха подобные стремления могли бы показаться лукавыми, если бы не последний стих: «На бледных пажитях мерца!». В связи с ним проясняются мотивы желания героя «прозрачным быть», то есть абсолютно слиться с природой, уподобляясь свечению на пажитях (пастбищах)

[11]. Слово «пажити» встречается в знаменитом стихотворении А. С. Пушкина «Вновь я посетил...». Приведем его строки:

*Вот холм лесистый над которым часто
Я сиживал недвижим – и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно, синее, стелется широко... [12: 387 – 388]*

Нетрудно заметить близость мотивов пушкинского и кузминского стихотворений: прежде всего, их роднят мотивы «берега», волн (влаги, воды), и, наконец, тема старости и молодости, подведения итогов жизни:

*Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст... [12: 388]*

Пушкинское стихотворение открывает нам героя, чья душа полна смиренной ностальгии по прошлому и уединенного любования природой. Кузминский герой стремится всем существом к соединению с таинством божественной природы, видит в этом возможность очищения. Но у Пушкина есть «наследственная берлога» предков, «родное пепелище», и они обладают особым качеством: не замыкают человека в рамки эгоистического существования, а наоборот, делают причастным его русскому национальному укладу, истории через память о прошлом. Кузмину, по всей видимости, та духовная высота, которой достиг Пушкин к концу земного пути, восхищала и была идеалом. Кузмин находился в близком пушкинском возрасте (около 40 лет) на момент создания цикла «Лодка в небе». Однако поэт XX века далек от идеала духовного покоя. Желание очищения, страстное по своей сути, отдаляет героя от цели, оно похоже на страстную клятву, зарок:

*Разноречивую тоску,
Клянусь, о, месяц, в сердце скрою! [9: 411]*

Это патетическое отречение от «разноречивой тоски», уныния, вероятно, раздиравших «я» изнутри. И такая клятва скрыть в себе, не обнаружить тоску – признак романтического настроения, мужественного преодоления невзгод.

Что дает этот субцикл всему циклу? Триптих (назовем его так по количеству поэтических фрагментов) повествует о несбывшихся надеждах, это триптих «разочарования». В нем собственное «я», собственные переживания, одиночество, бесприютность и горячее желание справиться с ними выдают в герое уединенное сознание, склонное к романтическому восприятию себя в мире. Завершающие строки триптиха – романтическая клятва, выводящая к философскому обобщению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шмаков Г.Г. Блок и Кузмин: Новые материалы // Блоковский сборник. – Вып. 2. – Тарту, 1972. – С. 341–364.

2. Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. — М.: Новое литературное обозрение. Научн. приложение. Вып. 3. – 1995.

3. Марков В.Ф. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. – СПб., 1994. – С. 66.

4. Богомолов Н.А., Малмстад Дж. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпо-

- ха. – М.: Новое литературное обозрение. Научн. приложение. Вып. 5. – 1995.
5. Корниенко С.Ю. В «Сетях» Михаила Кузмина: семиотические, культурологические и гендерные аспекты. – Новосибирск, 2000.
6. Тюпа В.И. Градация текстовых ансамблей // Европейский цикл: Материалы международной научной конференции. – М., 2003. – С. 55.
7. Корниенко С.Ю. Цикл в журнале: Михаил Кузмин в периодике XX века // Европейский цикл. Материалы международной научной конференции. – М., 2003. – С. 207.
8. Термин Р. Фигута (Фрибург). См.: Р. Фигут. Лирический цикл как предмет исторического и сравнительного изучения. Проблемы теории // Европейский лирический цикл. – М., 2003. – С. 17.
9. Кузмин М. Стихотворения. – СПб., 1996.
10. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М., 1975. – С. 89.
11. Словарь языка Пушкина. АН СССР. Институт русского языка. – М., 1959. – Т. III. – С. 267.
12. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. Сказки. – М., 1977.

М.М. Белотурова,
соискатель кафедры русской литературы
и журналистики XX-XXI веков
Московского педагогического государственного университета

**ДЕТАЛИ ПРЕДМЕТНОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ
И ИХ НАЗНАЧЕНИЕ В «ЗАМЕТКАХ ИЗ ДНЕВНИКА.
ВОСПОМИНАНИЯ» М.ГОРЬКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКОВ «МОГИЛЬЩИК», «ДОРА»):
ОТРАЖЕНИЕ МЕЖТЕКСТОВОГО ПОДХОДА**

Эта статья посвящена особенностям художественной манеры М. Горького. В частности, вырисовывая деталь, писатель, как правило, стремится конкретизировать её, показать в отличительных, индивидуальных признаках (речевая характеристика героя, приметы его внешности, манера общения, увлечения и т.д.), что позволяет достичь предельной достоверности образов. Исследуемый контекст существенно расширяют сопоставления из произведений русской (советской) литературы и творчества самого М. Горького.

М. Beloturova

THE DETAILS OF THE OBJECT DEPICTION AND THEIR PURPOSE AT
«NOTES FROM A DIARY. REMINISCENCES» BY M.GORKY (ON MATERIAL
OF THE ESSAYS «THE GRAVE DIGGER», «DORA»): A REFLECTION OF THE
INTERTEXTUAL APPROACH

This article is devoted to features of the artistic manner of M.Gorky. In particular, drawing a detail, the writer, as a rule, strives to concretize it, show in distinctive, individual, signs (speech description of the character, his appearance, manner of communication, hobbies etc), which leads to the utmost tangibility of the characters. Research context is significantly extended by comparison with works of the Russian (Soviet) literature and works of M.Gorky himself.

Художественная детализация широко используется М. Горьким на протяжении всей книги очерков «Заметки из дневника. Воспоминания» (1924). В основном этот приём выражен через словесную, портретную, предметную (вещную), психологическую и интерьерную деталь, реже – через компоненты пейзажа (очерки «Городок», «Пожары», «Знахарка»). Совокупность различных видов художественной детали позволяет автору максимально приблизить читателя к объективной оценке того или иного образа, основанной на разностороннем восприятии его характера и мироощущения.

С главным героем очерка «Могильщик» – Костей Бодрягиным – М. Горький был знаком лично и даже состоял с ним в дружеских отношениях. Достоверно установлено, что в описываемый период (с декабря 1893 до весны 1895 года) писатель проживал в доме священника Прилежаева в Нижнем Новгороде, на углу Полевой улицы [1 – 17, с. 580, примечания].

Начинается очерк с краткой характеристики внешнего облика главного героя, его характерных привязанностей, привычек и т.п. (т. е. описание целого складывается через конкретный предмет или вещь). Бодрягин был «одногла-

зый, лохматый», и больше всего на свете он любил музыку. Поэтому Бодрягина несказанно обрадовала подаренная М. Горьким гармоника [2] – объект его давних мечтаний. С тех пор Костя не расставался с инструментом и брал его повсюду, в том числе и на кладбище.

Отличавшийся жизнерадостным характером, Бодрягин до последних дней (он страдал раком желудка) «работал бодро, ходил по кладбищу весело» [1 – с. 93]. Следовательно, специфический антураж Костиной работы не наложил на него отпечаток угрюмости или, более того, мизантропии. Однако Бодрягин был равно далёк и от «философической созерцательности», свойственной, по мнению К. Федина (роман «Города и годы», глава первая), только представителям данной профессии [3].

Перед автором Костя Бодрягин раскрылся как простодушный, мягкий человек, безропотно исполнявший свои обязанности. Он искренно утешал М. Горького после только что закончившихся похорон малолетней девочки Николаевой, жившей по соседству с писателем [1 – с. 580, примечания]. Подравнивая лопатой холмик могилы ребенка, Бодрягин между тем рассуждал о достоинствах загробной жизни и, с бесхитростным юмором, пытался приободрить М. Горького:

«-... Может, на том свете иными словами говорят, лучше нашего-то, веселее. А может, и не говорят ничего, а только на виловончелях играют» [1 – с. 92].

Стоит отметить, что речь Кости Бодрягина насыщена просторечиями («Лексей», «опричь») и искажениями («мырну»), при помощи которых более значимо раскрывается социальный типаж героя. Такую языковую особенность автор вводит практически в каждый очерк «Заметок...». Как правило, просторечные выражения принадлежат малограмотным, невежественным во многих областях персонажам – как горожанам, так и сельским жителям. Особенно много просторечий встречается (градация в порядке возрастания) в очерках «Знахарка», «Н.А. Бугров», «Пастух».

При изображении главного героя очерка «Могильщик» М. Горький неоднократно подчеркивал страсть Бодрягина к музыке. Заслышав издали звуки оркестра или какого-нибудь музыкального инструмента, Костя весь превращался во внимание. С отрешенным видом он замирал на месте и напряжённо вслушивался в очередную мелодию, «широко открыв свой темный глаз, как будто слушая глазом» [1 – с. 93]: подобный акцент на состоянии героя свидетельствует об усилении детали посредством дополнительных зрительных и слуховых определений. При этом Костя настолько погружался в музыку, что не замечал ни мчавшихся на него лошадей, ни окриков извозчиков [4].

Было у Бодрягина и еще одно «увлечение» – кладбищенская нищая Сорокина. Свою связь с этой «пьяной бабой», к тому же намного старше его, Бодрягин объяснял жалостью и желанием принять на себя чужое горе. В его словах невольно ощущается интонация всегда актуального для М. Горького образа странника-утешителя (Лука из пьесы «На дне» или Савёл Пильщик из рассказа «Отшельник», цикл «Рассказы 1922-1924 годов»).

Как и ряд «именных» очерков М. Горького («Паук», «Н.А. Бугров», «Испытатели»), повествующих об отдельно взятых личностях, «Могильщик» традиционно завершается смертью ведущего персонажа. Умер Костя Бодрягин, играя в карты с другим сторожем.

Очерк «Дора», как и очерк «Могильщик», также основан на реальных со-

бытиях. Время действия в нем относится к февралю-апрелю 1897 года – периоду пребывания автора в Алушке, на лечении в одном из туберкулезных пансионатов [1 – с. 590, примечания].

В центре произведения – фигура горничной Доры, ухаживавшей за больными в крымском пансионе, среди которых находился и М. Горький.

В свойственной писателю художественной манере представлена портретная зарисовка главной героини. Живописно гиперболическими, порой с анималистическим оттенком, штрихами описывает М. Горький Дору. Эта «толстая девушка» похожа на сказочную великаншу («лицо лошади», «красные ручки», «бугры... мощных грудей»). Безусловно, такое «человекоподобное существо» резко контрастировало с обликом изможденных, агонизирующих обитателей пансиона. Своеобразие облику Доры придавала и её исковерканная речь, в которой смешивались татарский и армянский акценты – их сплав породил излюбленное выражение горничной «а – конечно».

По своему душевному складу Дора была абсолютно приземленным человеком, что называется, нелиричным. Её не привлекало искусство, оставляли равнодушной цветы, явления природы. Однажды Дора прервала восторг поповны, лечившейся в пансионе, по поводу красоты звездного неба [5] скупой, но объективно прозаичной фразой:

«– Небо – как яичница...» [1 – с. 166].

По ночам, после того как больные укладывались спать, Дора, покрыв голову «черным платком с красной розой в одном его углу» [там же], молилась на террасе, обращаясь к Богородице, Христу, Николаю-угоднику.

Траурный цвет платка здесь словно символизирует мрачную обстановку пансиона и в то же время органично сочетается с изображением цветка [6], означающего, как известно, эмблему пылкой любви, жертвенности во имя неё (сравним с белым платком (выражение чистоты и невинности) Катерины из «Грозы» во время её первого свидания с племянником Дикого Борисом или с зеленым (цвет страданий и надежды) «фамильным» платком Катерины Ивановны и Сони Мармеладовых из «Преступления и наказания»).

Кардинально изменилось поведение Доры с появлением в пансионе нового больного – студента-филолога Филиппова. Она старалась проводить как можно больше времени в его комнате, игнорируя просьбы остальных пансионеров.

Несмотря на своё безнадежное состояние, студент Филиппов находил в себе силы иронично относиться к окружающей обстановке.

При наблюдении за ним писателю не раз казалось, что молодой человек погибает не по причине серьёзного заболевания, а из-за неизлечимой душевной раны.

Вскоре авторские предположения подтвердились. Проведя шестьдесят девять дней в пансионе, студент впал в предсмертный бред. М. Горький и Дора неотлучно находились при нём. В агонии студент постоянно повторял имя «Фима» и добавлял, что всю жизнь любил только её. Такое неожиданное признание полностью обескуражило Дору. Всхлипывая, то и дело переходя на украинизмы (приём, крайне редко употребляемый в других очерках – [7]), она никак не хотела смириться с услышанным. За несколько минут до смерти студента горничная вообще покинула его комнату.

И хотя умершего необходимо было переодеть, Дора решительно отказывалась делать это, мотивируя свою неприязнь предательством студентом её

чувств. Сначала она говорила безучастно, но внезапно «всхлипнула с такой болью, точно проглотила полную чашу горячей влаги и жестоко обожглась» [1 – с. 168].

Оставив горевавшую Дору наедине, писатель вернулся в комнату студента Филиппова и принялся сам собирать его в последний путь. Прошло совсем немного времени, как со стороны террасы раздался душераздирающий вой. **Это плакала и одновременно выла** (выделено нами. – М. Б.), стоя на коленях и ударяясь головою о перила, безутешная Дора. Но её слезы были не закономерным продолжением предшествующих всхлипываний. Своеобразными, «кипучими, бешеными» слезами оплакивала Дора безвозвратно уходящую молодую жизнь и потерянную любовь [8]... Сквозь визг и плач пробивались искренне горестные, исковерканные слова:

«– ... уродушка... детеныш...дитя незабвенная...» [1 – с. 169].

Следовательно, в отличие от безобидного чудака Бодрягина (неизменная оптимистичность, широта натуры, эстетические наклонности сближают его с высоко чтимым М. Горьким за человеческие качества украинским писателем М.М. Коцюбинским), образ Доры завершается, при помощи введения приёма парцелляции в речь героини, контрастной трансформацией страстно жаждущей любви, материнских чувств молодой женщины в скорбную носительницу смирения гордыни.

Путём сочетания разнообразных составляющих художественной детали (деталь словесная, портретная, вещная, психологическая, бытовая) М. Горький ёмко обозначает личность описываемого героя через его лексикон, внешние особенности, привычки, манеру поведения, атрибуты интерьера, в результате чего возникает полноценный очерк-портрет и, глубже, очерк-характеристика.

В приведенных выше произведениях особое место принадлежит психологической художественной детали. Она помогает автору выявить спектр личностных качеств главных героев, объяснить мотивы их поступков.

При этом М. Горький обычно вводит описательные элементы, поразившие его воображение, укрепившиеся в его эмоциональной памяти (звукосприимчивый взгляд кладбищенского сторожа Бодрягина, повседневный платок горничной Доры). И если фигура Бодрягина выписана на основании образных (с точки зрения семиотики) знаковых систем – воздействие силы музыки на героя, то в образе Доры доминируют черты натуральных знаковых систем [9] – звездное небо, цветы. Характерно, что флористический элемент, не являясь символическим замещением главной героини, тем не менее может быть осмыслен здесь в религиозном, любовно-мистическом и эротическом ключе (аспекты жертвенности, страсти, соблазна).

Сжатые по объёму, с драматической направленностью, очерки «Могильщик» и «Дора» рассказывают о простом, «незаметном», человеке, выхваченном М. Горьким непосредственно из гущи окружающей действительности. Характеры и чувства ведущих персонажей, рассмотренные в психологическом контексте, полностью отражают основную мысль всей книги: достоверное изображение «запутанной души» разнообразных представителей русского народа – современников писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

1. Горький М. Полн. собр. сочинений в 25 томах. – Т. 17. – М., 1973. – С. 10. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

2. Синонимично убеждению дяди Михаила – добродушного городского, встреченной будущим писателем в 10-летнем возрасте «родственной души»:

«...Настоящая музыка – это гармонь. Берёшь её в руки, ходишь по улицам и играешь. Не одному тебе – всем удовольствие... Коли любишь музыку, слушаешь мою гармонь...» [15, с. 547].

3. Федин К. Города и годы. Братья. – М., 1974. – С. 62-63.

4. Аналогично детским впечатлениям самого М. Горького, отображённым в повести «В людях» (1914), рассказах «Musica» (1910) // «Музыка» (1913).

5. Соотносится с практическими взглядами купца Якова Быкова – центрального действующего лица рассказа «Анекдот», доказывавшего знакомому попу, «что ничего великолепного в небе нет, напоминает оно о ничтожной малости человека и гораздо лучше днём, когда, голое, освещено солнцем. Ночами же небо приятнее покрытое облаками, тогда его не видишь, будто нет его» [17, с. 418-419].

Эмоциональная холодность, «неспособность...понимать и воспринимать красоту» была типичной и для Клим Самгина (Синявский А.Д., <<«О художественной структуре романа «Жизнь Клим Самгина»>>, в книге: «Творчество М. Горького и вопросы социалистического реализма». – М., 1958. – С. 142).

6. «...Цветы – целостная символическая система, связанная с представлениями о жизни и смерти, молодости и её мимолётности, как в классической поэзии, так и в фольклоре ассоциируемая чаще всего с женской красотой...» (Февралёва О.В. Образы человека-растения в творчестве А.Блока. Филологические науки. – № 1. – 2007. – С. 4).

7. Владевший с юности украинским языком, М. Горький и впоследствии проявлял активный интерес к украинской фольклористике (Пиксанов Н.К. Горький и национальные литературы. – М., 1946. – С. 24).

8. Подобные состояния В. Розанов называл незабываемыми «экстазами восхищения», относя мир слёз к таинственной категории из области вечного (христианства), подвластной прежде всего половому признаку:

«...Женская душа вся на слезах стоит. Женская душа – другая, чем мужская («мужланы»)...Все «Авраамы» плодущие не стоят плачущей женщины...» (Розанов В. Опавшие листья: Короб второй и последний. СПб., 2000. – С. 166) – сравним с самохарактеристикой Ниловны, главной героини повести «Мать» (сцена примирения хохла и Павла накануне Первого мая):

«– Любит баба плакать, – с горя плачет, с радости плачет!..» (8, с. 122).

9. Филиппова М.М. Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса. Филологические науки. – № 1. – 2007. – С. 62.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ М.П. АРЦЫБАШЕВА

Автор статьи анализирует становление литературной репутации М.П. Арцыбашева, определяет его место в литературном процессе России начала XX века, исследует читательскую рецепцию романов писателя.

A. Garaev

THE HISTORY OF THE EMERGENCE OF M. ARTSYBASHEV'S LITERARY REPUTE.

The autor of the article analyzes the emergence of M.Artsybashev's literary repete and the writer's place in Russia's literary process in the begining 20th century, and explores at the readers' response to Artsybashev's novels.

С самого начала своего творческого пути М.П. Арцыбашев привлек внимание литературной критики различных направлений. Критикой и литературными авторитетами (Л. Толстой, В. Короленко) творчество Арцыбашева было принято благосклонно и истолковано в русле продолжения этических и эстетических традиций русской классики. Однако подобное восприятие часто приводило к искаженному пониманию произведений писателя – так, зарождающийся бунт индивида против традиционной общественной морали, нашедший отражение уже в первом серьезном рассказе Арцыбашева «Паша Туманов», трактовался как традиционное неприятие современного общества и государственного строя. Именно так были восприняты рассказы «Паша Туманов», «Ужас», повесть «Бунт». Подобная трактовка творчества Арцыбашева позволила марксистской критике (В. Львов, А. Луначарский) [1] отнести писателя к потенциально «своим», и похвалы, звучащие в адрес его произведений в марксистской критике, можно расценивать как попытку привлечь молодого писателя к своему делу.

На начальном этапе (1901-1907 гг.) личность Арцыбашева не представляет интереса ни для критики, ни для читающей публики. На основании же его произведений к 1907 году складывается следующий образ писателя: человек, остро чувствующий недостатки современного общества и трагизм человеческого бытия в целом; автор, разрывающийся между унылым и пессимистичным описанием ужасов жизни и восхищением другой стороной этой жизни, в первую очередь – естественной природой; весьма далекий от бунтарского нигилизма носитель традиционных ценностей.

Но в опубликованном в 1907 году романе «Санин» Арцыбашев порывает с гуманизмом и проповедует отказ от служения обществу во имя удовлетворения личных желаний. Роман моментально приносит писателю скандальную известность и, несмотря на негативные отзывы большинства литературных критиков, пользуется оглушительным успехом у публики.

Успех «Санина» был обусловлен не художественным уровнем текста (низкое качество которого отмечали почти все литературные критики), а созвучностью его сложившемуся в России социокультурному контексту: в начале XX

века (в особенности – после краха революции 1905 года) сознанием большинства ощущается как бесперспективность и исчерпанность прежнего пути, так и невозможность перемен к лучшему; на смену желанию изменить реальность приходит желание сбежать от нее. Русская интеллигенция, разочаровавшись в идее борьбы, ищет утешения в эскапизме и гедонизме. В ответ на формирующийся в обществе запрос зарождается новая массовая литература, первым произведением которой и явился роман «Санин», литература, рассчитанная на просвещенную интеллигенцию и совмещающая в себе учительские традиции русской классики и культурно-философский подтекст с формульной упрощенностью и установкой на эскапизм, характерными для массовой литературы (именно поверхностно-упрощенный подход к решению сложных и актуальных вопросов способствовал невероятной популярности Арцыбашева).

Следует отметить, что «Санин» не только вобрал в себя социокультурный контекст эпохи, но и оказал значительное влияние на его дальнейшее формирование – по всей России начинают создаваться кружки «санинцев» и лиги свободной любви.

С 1907 года для читающей публики начинает представлять интерес не только творчество, но и личность писателя, за которым закрепляется статус «властителя дум». Но так как сам Арцыбашев еще не принимает никакого участия в создании своего образа, то последний формируется на основании толкования его текстов. Можно говорить о возникновении двух параллельно функционирующих образов писателя: первый, основанный на анализе идеологии романа и укорененный в массовом сознании – Арцыбашев-сверхчеловек, сторонник свободной любви, отрицающий общественные и моральные нормы; второй, куда менее популярный и основанный на анализе некоторыми критиками текстов писателя – Арцыбашев пишет о том, чего не знает, либо зарабатывая деньги на читательском интересе (К.И. Чуковский) [2], либо сублимируя в произведениях нереализованные в жизни желания (А. Горнфельд, В. Редько).

После того как интерес к роману ослабевает, Арцыбашев, утратив статус учителя жизни, остается в ранге скандально известной богемной знаменитости. Интерес к личности писателя превосходит интерес к его творчеству – появляются очерки, посвященные жизни и быту писателя, в газетах рассказывается об инцидентах, связанных с ним. Сам Арцыбашев, не желая оставаться в тени, с 1909 года начинает принимать активное участие в формировании мифа о себе.

Желая повторить успех «Санина», он, пытаясь оставаться в рамках актуальности и злободневности, начинает публикацию романа «У последней черты» (1909-1912), в котором рассуждает о бессмысленности человеческого бытия. В контексте феномена «эпидемии самоубийств» и общей уверенности в исчерпанности положительных жизнеутверждающих идеалов, роман пользуется успехом у публики, хотя литературная критика вновь говорит о его художественной несостоятельности.

За Арцыбашевым вновь закрепляется статус властителя дум, хотя образ его в общественном сознании кардинально изменился. Теперь Арцыбашев воспринимается как «певец смерти». О прочном укоренении именно этого образа Арцыбашева в общественном сознании свидетельствует изменение отношения к его предшествующим произведениям («Санин» больше не воспринимается

как жизнеутверждающая проповедь) и зарождение слуха о руководстве Арцыбашевым Лиги Самоубийц [3]. Сам Арцыбашев неоднозначно высказывается по этому поводу, допуская двоякое понимание, охотно дает интервью на тему самоубийства, обращается к этой теме в публицистике («Эпидемия самоубийств», «По поводу одного частного письма»), всячески стараясь поддерживать сложившийся образ и подогревать интерес к себе.

Однако, в отличие от ситуации с романом «Санин», на данном этапе творчество Арцыбашева уже не оказывало серьезного влияния на социокультурный контекст эпохи, скорее, Арцыбашев умело воспользовался им в целях саморекламы.

Вскоре интерес к литературному творчеству Арцыбашева вновь начинает ослабевать, новые произведения его не отмечены вниманием ни публики, ни литературной критики (что свидетельствует о том, что интерес критики к романам «Санин» и «У последней черты» был вызван не столько самими текстами произведений, сколько шумихой вокруг них, стремлением понять и объяснить причины их популярности) – от писателя неизменно ждали нового шока, а шокировать с каждым разом было все труднее.

На короткое время Арцыбашеву удается вернуть интерес публики, переделав для сцены несколько своих прозаических произведений. Однако успех пьес был обусловлен не столько качеством или скандальной новизной литературной основы (оставшейся незамеченной в печатном варианте), сколько предвкушением публикой очередного скандала, обещаемого именем скандального писателя на афише. Но и успех пьес не мог изменить ситуацию – имя Арцыбашева фигурировало в печати в газетных анекдотах гораздо чаще, чем в литературно-критических статьях.

Слава Арцыбашева постепенно закатывалась. Репутация властителя дум и кумира молодежи была им окончательно утрачена. Из борца с нормами морали он превращался в богемную знаменитость, эпатирующую публику. Статус писателя-учителя был также утрачен Арцыбашевым, общественным сознанием он воспринимался как поставщик скандальной, но лишь шокирующей, развлекательной публики литературы. Все прочнее за ним закреплялась репутация поверхностного массового писателя, производителя литературных поделок, идущего на поводу у вкусов толпы.

К 1917 году Арцыбашев уже практически не интересовал публику.

После Октябрьской революции, когда марксистская критика, которая не могла простить Арцыбашеву вначале его отказ от служения массам, а потом – публичного негативного высказывания о социал-демократии, начинает диктовать условия и задавать курс творчества, путь в литературу для писателя оказывается закрыт. В официальном общественном сознании под влиянием агрессивной пропаганды достаточно быстро формируется новый образ писателя: некогда популярный беллетрист, в своих произведениях потакающий прихотям нравственно разлагающейся буржуазии, автор пропагандирующего сексуальную распущенность порнографического романа «Санин», для которого более нет места в советской жизни. Образ этот оставался статичным на протяжении всего советского периода истории страны [4].

Эмиграция Арцыбашева в Польшу в 1923 году явилась также и попыткой вновь обрести славу и статус учителя жизни. Непримируемая антибольшевистская позиция и активное сотрудничество с газетой «За Свободу!» способствуют

формированию в сознании сотрудников и читателей газеты (включая тех, кто в прошлом высказывался о творчестве Арцыбашева крайне негативно: З.Н. Гиппиус [5], Д.В. Философов) нового образа Арцыбашева: талантливого публициста, пламенного героического борца, не щадящего себя в борьбе с врагами России. При этом об Арцыбашеве как о писателе, авторе скандально известных романов, практически никто уже не вспоминал. Прежний Арцыбашев утратил актуальность, куда ценнее был Арцыбашев новый – Арцыбашев-пророк, Арцыбашев-борец. Сам Арцыбашев старался всячески поддерживать сложившийся имидж.

Однако подобное изменение образа писателя и его статуса в общественном сознании имеет узкоконтекстуальное объяснение – творчество Арцыбашева и его персона приобретали актуальность для конкретной и ограниченной группы лиц. Частью русской эмиграции, не связанной с газетой «За Свободу!» (Ю. Айхенвальд, И.А. Бунин, Д.С. Святополк-Мирский [6]) Арцыбашев по-прежнему воспринимался как посредственный беллетрист, и отношение к нему и к его творческому наследию было в большинстве своем пренебрежительное и негативное.

С 1990 года начинается возвращение в постперестроечную Россию творческого наследия писателя. Публикуются его художественные произведения, публицистика, материалы переписки; появляются статьи и научные исследования, посвященные его творчеству. Всеми исследователями признается значимость фигуры Арцыбашева для понимания историко-литературного процесса начала XX века. Однако широкому читателю его имя остается практически неизвестным, а произведения не пользуются особым спросом, что объясняется отсутствием в современном российском обществе потенциальной аудитории, готовой воспринимать тексты Арцыбашева, и противоречием основных идей большинства его произведений системе ценностей, оформившейся в массовом сознании (современный человек активно стремится закрепить свой статус в обществе, добиться успеха, поведение же авторских протагонистов в произведениях Арцыбашева подчеркнуто асоциально и пассивно).

Творческое наследие Арцыбашева, несмотря на спорное собственно литературное достоинство его текстов, представляет большой интерес для истории литературы, и анализ произведений писателя способствует более глубокому пониманию процессов, происходивших в русской литературе и общественной мысли начала XX века, так как произведения эти не только отразили характерные черты эпохи, но и оказали серьезное влияние как на социокультурный контекст (лиги свободной любви, кружки подражателей Санину), так и на развитие русской массовой литературы тех лет (возникновение целого литературного направления, названного критикой «арцыбашевщиной»).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Львов В. Рассказы М. Арцыбашева // Образование. – 1905. – № 8, отд. III. – С. 60-73.
2. Чуковский К.И. Об Арцыбашеве // Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 тт. – Т. 7. – М., 2003. – С. 455-458.
3. Лига убийц// Санкт-петербургские ведомости. – 1912. – № 38, 17 февраля. – С. 2.
4. Касторский С.В. Проза буржуазного упадка // История русской

литературы. – Т. X. – М.-Л., 1954. – С. 618-619.

5. Гиппиус З.Н. «По Арцыбашеву» // Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар (1920-1925). – СПб., 2002. – С. 430-433.

6. Мирский Д.С. Арцыбашев // Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. – Новосибирск, 2005. – С. 674–677.

Н.В. Дворянова,
аспирант кафедры литературы
Московского государственного
областного педагогического института
(г. Орехово-Зуево)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

Предлагаемая статья является частью диссертационного исследования. В статье проведены наблюдения над особенностями художественного изображения семьи, супружеских и родственных отношений в повести «Привычное дело», которые подводят к выводу, что произведение В. Белова представляет собой стройную, согласованную систему, обладающую эффективным сплавом художественных приемов и изобразительных средств. Множественность художественных решений в воплощении темы семьи в повести «Привычное дело» позволяет автору создать самобытное полотно, отражающее острейшие проблемы сельской действительности 1960-х годов. Автор приходит к выводу, что мировидение В. Белова генетически связано с крестьянским, а потому – христианским взглядом на семейные ценности.

N. Dvoryanova

THE ARTISTIC DEPICTION A FAMILY AND FAMILY RELATIONSHIP IN THE STORY BY V. BELOV "A FAMILIAR MATTER"

The proposed article is the part of dissertation research. The article covers the observation of artistic representation of the family, marital and parental relationships in the tale "A Familiar Matter" gives the opportunity to realize that V.Belov's work appeared to be harmonious coordinated system possessing of the effective (combination) of artistic and descriptive devices. The plenty of artistic decisions in representation of the topic of the family in the story "A Familiar Matter" compose the original picture which reflects the vital problems of country life of 60's. The author of the article comes to a conclusion that the ideology of V. Belov genetically connected with the peasant's, and therefore with the Christian, view on the family values.

Постижение судьбы крестьянской семьи является центральным мотивом повести В. Белова «Привычное дело» (1966). Создание этого произведения стало знаковым событием в творческой биографии писателя, причем повесть изначально мыслилась как доверительный рассказ о жизни сельской семьи, глубоких любовных чувствах между двумя главными персонажами – героем и героиней, мужем и женой. Не случайно в журнальном варианте был подзаголовок: «Из прошлого одной семьи». Между тем для писателя важно было постичь не только этические проблемы современной сельской семьи, но и отразить острейшие проблемы реальной деревни 1960-х годов, разрушаемой и в нравственном отношении, и в социально-экономических сферах ее бытия. В этой связи становится понятным объяснение писателем замысла повести: «Я хотел первым делом защитить своих земляков, простых русских людей, которым уж совсем невольно было» [1].

Максимальное приближение действия произведения к современности позволило В. Белову расширить рамки повествования, показать проявление нравственных качеств своих героев в их социальных связях, всем пафосом произведения выразить тревогу за состояние деревенского мира, судьбу сельской семьи, активно вмешаться в текущую действительность. Повесть «Привычное дело» органично вписалась в «деревенскую прозу» тех лет и литературный процесс в целом, а также время, насыщенное общественными изменениями. В. Белов, наряду с Ф. Абрамовым, М. Алексеевым, В. Астафьевым, Е. Носовым, В. Распутиными и другими современными писателями, вслед за М. Шолоховым стремился к апологетике крестьянской семьи и связанных с нею понятий о супружеском долге, семейном роде, человеческом общежитии.

Л.Ф. Ершов писал, что в повести «Привычное дело» В. Белов «обращается к подробному, детальному анализу самой малой ячейки общества – семье. Иван Африканович Дрынов, его жена Катерина, их дети, бабка Евстоля – таков в сущности главный объект исследования» [2]. Думается, что осмыслить воплощение темы семьи в повести «Привычное дело» можно лишь через обращение к традициям христианской культуры. «Что такое семья без религии? Что такое русская семья без христианства?» – справедливо замечал философ К.Н. Леонтьев [3]. Христианская (православная) антропология, православный взгляд на различные стороны семейной жизни позволяют глубже постичь нравственно-философские аспекты повести В. Белова «Привычное дело», осмыслить духовно-нравственные идеалы автора: радость материнства и отцовства, красоту и глубину супружеских взаимоотношений, чувство ответственности родителей перед своими детьми. Митрополит Антоний Сурожский считал, что семья – это чудо на земле. В мире, наполненном враждой и непониманием, семья становится духовным островом, где кончается рознь и начинается осуществление единой жизни. По мнению Антония Сурожского, любящие люди делаются одной плотью, двое – муж и жена – «оказываются чем-то большим, чем двойца, чем просто два человека, – оказываются единством. <...> жить врозь мучительно, тяжело, но вместе – легко и привычно» [4]. В характерах Ивана Африкановича и Катерины присутствует христианское отношение к жизни. Прежде всего это явно прочитывается в многодетности их семьи. В «Ладе» В. Белов обращал внимание на то, что бездетность в жизни крестьянской семьи воспринималась «наказанием судьбы и как величайшее человеческое несчастье». Большая, многодетная семья, утверждает автор, испокон веков пользовалась в деревне и волости всеобщим почтением и уважением. Русская древнейшая пословица провозглашала: «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын» [5]. А. Овчаренко замечал, что В. Белова интересуют люди бесхитростные, открытые, чистые в чувствах и помыслах. В многодетности своей семьи они находят радость и утешение, изо всех сил стараются уберечь семью от невзгод и нужд. Несмотря ни на какие обстоятельства, Иван Африканович и Катерина стремятся к сохранению семьи. «В цельности семьи герои Василия Белова черпают силы, помогающие им прочно стоять на земле» [6], – пришел к выводу критик.

Ключевым моментом зарождения семьи, по мнению В. Белова, является внезапно вспыхивающее чувство любви. «Любить означало то же самое, что жалеть, любовь бывала «горячая» и «холодная», – замечал писатель в «Ладе» (3, 125). У Ивана Африкановича с Катериной была взаимная, щедрая, «горя-

чая» любовь. Крепкая семья невозможна без любви, без родственного душевного единения. Святитель Иоанн Златоуст проповедовал: «Что за великая тайна – любовь? Соединяются двое и делаются одним... Если двое не станут одним, то не произведут многих... Потому что женщина и мужчина не два человека, но один человек» [7]. Литературный критик А. Овчаренко высказывался по поводу глубоких, незыблемых чувств героев следующим образом: «Ивана Африкановича Дрынова и его жену прочно связывают настоящая любовь, доверие и органическая родственность душ, то, что «он без Катерины хуже всякой сироты, а она без Ивана Африкановича – полная сирота» [8].

Иван Африканович хотя и является главным героем повести, но не существует изолированно и самостоятельно от Катерины. «Катерина – человек большой силы, большой души, душевной ясности, человек, обладающий негромким, даже невнятным, и все-таки героизмом, который можно, наверное, назвать героизмом повседневным, житейским» [9], – утверждал С.П. Залыгин. Супружеская жизнь, по мнению В. Белова, включает в себе способность разделять человеческую судьбу, «испить чашу» всех тягот и забот до дна, защищать и утешить своих близких. Это крестный путь, который, по слову Антония Сурожского, не дается «без усилия, без подвига, порой без героизма» [10].

Катерина – незаменимый человек не только для своих родных, но и для всех, кто ее окружает. Героиня повести не только заботится о муже, детях, ведет обширное крестьянское хозяйство, но и работает от зари до зари в тяжелейших условиях на ферме. Ни тяготы нищенской жизни, ни бесконечные заботы не ожесточают ее сердца. В самые трудные моменты жизни Катерина не вспыхивает гневом, не обрушивается с обвинительными речами на виновников своих несчастий. Любовь Катерины к мужу настолько разумна, что она великодушно прощает ему и малые заработки, и испорченные самовары. Катерина жалеет и заранее прощает своего «Иванушку»: «Ты, Иванушко, чего? Расстроился, вижу, наплюнь, ладно. Эх, подумаешь, самовары, и не думай ничего» (2, 7). Но несет ли в полной мере ответственность за свою жену и детей Иван Африканович? Приходит ли ему в голову облегчить участь жены помощью в непосильной работе? При всем трудолюбии Ивана Африкановича невозможно не заметить, что в колхозе он выполняет работу довольно легкую, да и в своем хозяйстве не перетруждается. Вся ответственность, весь груз забот ложится на плечи Катерины. Во время сердечного приступа вырываются невольно у Катерины слова: «Ежели бы мужик... вот ежели бы и мужика... Только чего! Разве пойдет мужик на двор? Вся деревня захохочет, скажут, Иван Африканович скотником заделался. <...> Ему лес да рыба с озером, да плотничать любит, а ко скотине его на аркане не затащишь» (2, 44). Обстоятельства, тяжелейшие условия жизни на селе оказались несовместимыми с психологией, патриархальными представлениями о хозяйственных обязанностях крестьянина. Образы Ивана Африкановича и Катерины в творчестве В. Белова имеют особое значение, поскольку они несут в себе живые, узнаваемые, архетипические черты. Герои, оставаясь самими собой, характерами глубоко самобытными, передают атмосферу крестьянской народной стихии. Иван Африканович и Катерина, считал С.П. Залыгин, это два характера, которые обладают, помимо всего прочего, и глубоким «художественным единением, создавая, по сути, все «Привычное дело» [11].

Создавая образы героев «Привычного дела», писатель проявляет ред-

костное умение глубоко заглянуть в душу своего героя, передать течение его мысли и сопровождающие их чувства. Можно утверждать, что особенностью стиля художника является полифоничность и психологичность его повествовательной манеры. В. Белов обращается к различным приемам воспроизведения внутреннего мира персонажа, но наиболее широко использует форму косвенного психологического анализа: внешние симптомы чувства, пейзажные и вещные детали. Изображение материальных вещей в художественном мире писателя всегда направлено на выражение единого, определяющего замысла, ведущую мысль произведения. Художественная функция вещей не сводится только к характеристике персонажа, а воплощает надындивидуальную систему бытия, в которой определенная вещь занимает надлежащее место, сигнализируя о ладе или разладе семейной жизни. В повести «Привычное дело» существует, например, одухотворенный образ самовара, появляющийся во многих произведениях Белова (в повести «Деревня Бердяйка» (1961), рассказах «Такая война» (1964), «Весна» (1965), романе «Кануны» (1972) и других произведениях) и символизирующий некий вещный центр семьи. Мир одухотворенных предметов во внутреннем мире героев повести «Привычное дело» имеет жизненно важный смысл. Трагедия в семейной жизни Ивана и Катерины начинается с разрушения мира внешнего – с повреждения двух самоваров. Не случайно, что в композиционной структуре произведения акт о повреждении самоваров расположен в конце главки «Горячая любовь», повествующей об истории любви Ивана и Катерины. «Изуродованные самовары», с одной стороны, символизируют трагическую судьбу героев, а с другой – степень стойкости Ивана и Катерины и их способность противостоять трудностям жизни. В художественном мире В. Белова вещная деталь («шумел у шестка самовар», «в избе тикали часы», «очеп легонько поскрипывал») передает психологическое состояние героев, их мироощущение, обладает способностью выражать внутренний душевный мир семьи Дрыновых. Так, главка «Детки» заканчивается описанием ежедневных хозяйственных хлопот бабки Евстоли, размеренной привычной жизни большого семейства: «<...> очеп легонько поскрипывал, и бабка Евстоля сбивала мутовкой сметану в горшке» (2, 29). Художественные детали в данном случае создают определенную эмоциональную атмосферу домашнего мира и лада.

В главке «На бревнах» встречается образ часов. Когда Катерина находилась в больнице, Иван Африканович истосковался по спокойной, привычной семейной жизни: «Он словно чуял сердцем, что сегодня придет Катерина. И все опять будет по-прежнему, опять, как и раньше. Будут спать по ночам ребятишки, и он, проснувшись, укроет одеялом похолодевшее плечо жены, и часы станут так же спокойно, без тревоги тикать на заборке» (2, 51). Мерно постукивающие часы в избе семейства Дрыновых, самовар, «легонько» поскрипывающий очеп – символы выражения устойчивого равновесия в жизни героев, размеренной налаженной семейной жизни.

Следует обратить внимание, что, изображая внутренний мир, психологическое состояние героев, автор «Привычного дела» использует различные типы повествования: повествование автора на своем собственном языке, повествование автора на языке его персонажей, которое в литературоведении названо приемом слияния голосов автора и героя, а также внутренний монолог в виде прямой речи, внутренний монолог в виде косвенной речи и разговор-

ный язык самих персонажей. Использование приема слияния голосов автора и героя дает возможность познакомиться не только с внешней стороной жизни героев, но и осмыслить их внутреннюю духовную жизнь. Прием слияния голосов позволяет точно и тонко передать характерные особенности мышления и речи героев, уловить тончайшие переливы их души. Так, в главке о Катерине слышится ее голос, чувствуется материнская забота, глубочайшая связь матери со своим ребенком: «Ребятишки спали на полу, кто как, под лоскутным одеялом да под шубным. Все по-разному спят. Вот Гришку возьми, этот все время во сне встает на коленки да так на карачках и спит... А вот Васька, рядом с Гришкой, этот посапывает сладко, и слюнка вытекает, совсем еще воробышек, перевернулся во сне ногами в изголовье; вон Маруся, Володя...» (2, 39) В художественном мире повести атмосфера семьи Дрыновых образует гармоничное психологическое пространство, необходимое для развития и формирования личности ребенка.

Необходимо отметить, что эстетически прекрасное обнаруживается В. Беловым прежде всего в живом бесконечном потоке жизни, связях человека и природы, поэтому в повести немаловажную роль играет пейзаж, окружающая героев природа, внешний мир, которые локализованы в неповторимом внутреннем мире персонажей. Изображение природы тесно связано с развитием сюжета, с оценкой отдельных героев, с общей идеей произведения. Традиционная личность у писателя погружена в круговорот природной жизни, приобщена к повторяемости природного цикла, к многовековому укладу жизни. Цикличность, повторяемость, устойчивость природного цикла символизирует повторяющееся и обновляющееся в жизни человека, продолжение жизни рода.

В художественном мире повести природа отражает различные стороны характера человека, живущего с ней единой жизнью, следовательно, повторяет в себе и его слабые стороны: покорность, стихийность, неразумность. Можно сказать, что жизнь семьи Дрыновых отражается в жизни природы. Например, почти в каждой фразе Ивана Африкановича о мерине Пармене угадываются будущие грозы над головой Ивана и Катерины, просматривается их собственная трагическая судьба: «сгонили покойную головушку на колбасу, матку-то», «матка-то твоя, как ящерка с возом-то, где ползком, где скоком, до того послушная была в оглоблях», «сдадут тебя тоже на колбасу», «ничего, пойдешь, как миленький» (2, 7).

Рассказ о жизни коровы Рогули также придает повести определенную углубленность и философскую обобщенность. В главке «Рогулина жизнь» в звеньях повествования рождается многозначный подтекст, который придает произведению дополнительную глубину и трагедийность. Главные моменты существования кормилицы детей Дрыновых напоминают жизненные периоды Ивана и Катерины, радостные и горестные эпизоды их нелегкой судьбы: короткая молодость, ожидание рождения ребенка, радость материнства, разлука с детьми (Танюшка в прислугах, «Анатошка» в интернате), болезнь Катерины, ее преждевременная смерть, сиротство детей («Анатошку» в училище «сдали», Танюшка уехала на работу в Мурманск, а на ее место в прислуги Катюшку отравили, Мишку с Васькой увезли в приют).

Характерной чертой художественного мира В. Белова является очеловечивание природы, которое настолько органично, что и человеческая судьба вос-

принимается как нерасторжимая часть природы. При этом основным средством художественного мышления писателя и выражения его авторской позиции выступает контекст, образные параллели-метафоры. Например, иносказательный образ прозрачного родничка, возле которого всегда отдыхали Иван и Катерина, можно рассматривать как символ самоотверженного материнского сердца, чистой и непорочной души героев, их верности, желания *изливать* свое щедрое сердце вовне, на других *родных* людей.

Преодоление трагической безысходности реализуется в повести в форме тонко выписанных автором психологических движений персонажа. Сам момент обретения Иваном Африкановичем смысла жизни составляет содержание целой главы, которая является в повести кульминационной. Не случайно эта глава названа так же, как и вся повесть – «Привычное дело». В самый тяжелый момент своей жизни Иван Африканович идет в лес. Заблудившийся в лесу герой мучительно решает для себя извечный вопрос о смысле жизни, ее истоках и предназначении. Сцена не только глубоко символичная, но и решающая в структуре повести. Вместе с мыслью о необходимости жить дальше, воспитывать детей и работать приходит к герою осознание своего спасения, обретается ясность мышления. Одновременно происходят и изменения в природе: «Лесной шум затихал вдали, в сером небе намечались кое-где медленно светлеющие отдушины. Где-то далеко-далеко чуялись бравурно-печальные возгласы изнемогающей в полете журавлиной стаи. Понемногу небо в одном месте совсем посветлело. Там засинело белесое разводе, и солнечный свет с трудом пробился на землю...» (2, 140) Свет, который видит Иван Африканович, возможно, является символом другого, «нетварного» света – *света Любви*. По слову преподобного Иоанна Лествичника, «вера подобна лучу, надежда – свету, а любовь кругу солнца. Все они составляют одно сияние и одну светлость» [12]. Любовь помогает преодолеть любые невзгоды и подсказать выход из самой трагической жизненной ситуации. Любовь к детям, любовь к миру, к жизни, к жене, которая продолжает жить в памяти героя, дает ему силы жить дальше. «Любовь... имеет удивительное свойство: она поведет его (человека) по никому другому недоступным безднам и высотам; даст ему перебороть всякое страдание и даже смерть...» [13] – заключал архимандрит Софроний (Сахаров).

Исследование изображения сельской семьи, супружеских и родственных отношений в повести «Привычное дело» позволяет понять, что творчество В. Белова представляет собой стройную, согласованную систему, обладающую эффективным сплавом художественных приемов и изобразительных средств. Множественность художественных решений в воплощении темы семьи в повести «Привычное дело» составляет самобытное полотно, отражающее острейшие проблемы сельской действительности 60-х годов. Причины трагедии, произошедшей в семье Дрыновых, В. Белов находит как во внешних социально-экономических обстоятельствах, так и в несовершенном человеческом жизнеустройстве. Но вместе с тем, всегда оправдывая и прославляя человеческое бытие, исследуя причины семейной трагедии, В. Белов не снимает вины с самого человека, считая его ответственным за судьбу близких и дорогих людей. Воспевая в повести «Привычное дело» вечные традиционные семейные ценности – любовь, согласие, взаимопонимание, бескорыстное служение – писатель дает нам надежду, что возрождение семьи возможно только через возрождение

этих незаменимых вечных качеств в человеке, ибо они освещают не только всю его внутреннюю, духовную природу, но и способны преобразить весь окружающий мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белов В. Молюсь за Россию! // Наш современник. – 2002. – № 10. – С. 7.
2. Ершов Л.Ф. Память и время. – М., 1984. – С. 217.
3. Леонтьев К.Н. Записки отшельника / Сост., вступ. ст., примеч. В. Кочеткова. – М., 1992. – С. 25.
4. Митрополит Сурожский Антоний. Труды. – М., 2002. – С. 472.
5. Белов В.И. Избранные произведения: В 3-х т. – М., 1984. – Т. 3. – С. 100. Далее ссылки на это издание с указанием тома и страницы в скобках.
6. Овчаренко А.И. Творчество Василия Белова в восприятии советской и зарубежной критики // Вопросы литературы. – 1983. – № 8. – С. 37.
7. Святитель Иоанн Златоуст. Творения. – СПб., 1898. – Т. 22. – С. 343.
8. Овчаренко А.И. Творчество Василия Белова в восприятии советской и зарубежной критике // Вопросы литературы. – 1983. – № 8. – С. 36.
9. Залыгин С.П. В пределах искусства: Размышления и факты. – М., 1988. – С. 94.
10. Митрополит Сурожский Антоний. Труды. – М., 2002. – С. 495.
11. Залыгин С.П. В пределах искусства: Размышления и факты. – М., 1988. – С. 95.
12. Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. – М., 2003. – С. 243.
13. Архимандрит Софроний Сахаров. Видеть Бога как Он есть. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. – С. 62.

Е.К. Холодкова,
*аспирант кафедры русской литературы XX века
Московского государственного областного университета*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ПОГРЕБЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА, В.Г. РАСПУТИНА И Б.П. ЕКИМОВА 90-Х ГГ. XX В.

Статья посвящена анализу обряда погребения умерших в русском национальном миропонимании. Кроме литературных произведений, привлекаются «Закон Божий» и «Православные похороны». Основное внимание в работе уделено противопоставлению бездуховной современности и христианских традиций, связанных с похоронами. На примере художественных текстов анализируется, как в процессе урбанизации теряется связь с корнями, могилами предков. В статье рассматривается авторская позиция В.П. Астафьева, В.Г. Распутина и Б.П. Екимова по отношению к смерти и таинству погребения.

К. Kholodkova

NATIONAL TRADITIONS OF HUMAN BURIAL IN LITERARY WORKS BY
V.P. ASTAFYEV, V.G. RASPUTIN AND B.P. YEKIMOV IN 1990-S

The article is dedicated to the analysis of funeral ritual in the national Russian interpretation of the world. Besides literary works, such publications as «Bible» and «Orthodox Funeral» are being analyzed. The special attention is paid to the contrast between the unspirituality of present and the Christian traditions connected with the burial. The literary works analysis helps us to see how the national character during the process of urbanisation loses the connection with the ancestors. The article shows author's position of V.P. Astafyev, V.G. Rasputin and B.P. Yekimov towards the death and the ritual of burial.

Национальные традиции стали предметом изображения в произведениях В.П. Астафьева, В.Г. Распутина и Б.П. Екимова 90-х гг. XX в. Погребение умерших – одна из них.

Человек всерьез задумывается о смерти дважды: в детстве (боится чего-то неизведанного) и в старости (примеряется к этому таинству). В.П. Астафьев в своем «Прощании» утверждал, что «жизнь коротка. Смерть лишь бесконечна. И в этой бесконечности печальной мы встретимся и никогда уж не простимся...» [1]. Писатель верил в возможность встречи там, откуда никто не возвращался, и на страницах «Последнего поклона» пожелал своему отцу обрести в новой жизни свою семью, которую не смог сохранить при жизни: «Ступая босыми ногами по облакам, она [жена отца. – Е. Х.] непременно подойдет навстречу тебе, ведя за руку маленьких ангелочков – узнай их, это жена твоя из дальнего далека вместе с детьми и внуками твоими <...> Полюби же и пожалей их всевечной любовью, коли здесь, на шатучей земле, во взбаламученном мире, времени и сердца на нас, на детей твоих, у тебя не хватило» [2: 790].

Экзистенциальные мотивы звучат в последние годы и в прозе В.Г. Распутина. Он осознавал, что следующий в незримой очереди в Царство Божие, т.к. «никого из оставшихся в нашем корню старше меня [Распутина. – Е. Х.] нет» [3: 467]. Эти страхи нашли отражение в притчевом рассказе «Видение»

(1997). Герой все чаще по ночам стал слышать зов с того света: «Будто трогают длинную протянутую через небо струну <...> И кажется мне, что это мое имя вызванивается, уносимое для какой-то примерки» [3: 466]. Автор считает, что страха при этом нет, в оцепенение его повергает ожидание: что дальше? Он совершает некое путешествие в небытие через окно комнаты, но возвращается, т.к. не настал еще его час.

Лейтмотивом через творчество В. Распутина проходит звон как символ, зовущий, вызванивающий героя в мир иной. В рассказе «В больнице» (1995) появляется звонок – телефонный. Герою представляется, что время остановилось в ожидании чего-то прощального. Алексей Петрович не рассчитывал на долгую память о нем даже самых близких: детей и внуков. Он знал, что это горький несправедливый закон жизни. Ведь он сам также поступил со своими родителями: «Время от времени донесет печальным невидимым током, потревожит робким прикосновением, а он и побыть не предложит, ему все некогда» [4: 23]. Автор подводит итог: «уходя, надо прощаться навсегда» [4: 23].

Наиболее остро герой рассказа «В больнице» ощущает присутствие смерти во сне, т.к. сон – это бессознательное метафизическое состояние, отчасти похожее на кратковременную смерть. Сложно очнуться ото сна, а страхи, являющиеся человеку, рождены подсознанием, поэтому мучат и преследуют. Алексей Петрович увидел такой сон после серьезной операции, «да и не сон, казалось ему, это был, а что-то иное, прощальное»: «Огромный, ярко освещенный зал без окон <...> Он ищет выход и не может его найти <...> В отчаянии он приподнимается плакать, понимая, что оставаться ему здесь нельзя. И уже бежит, бежит, совсем потеряв голову, а свет становится все ярче и ярче...еще мгновение, и он испепелит его» [4: 22].

В рассказе «В непогоду» (2003) В. Распутин размышляет о страхе перед лицом смерти, ведь никому не хочется уходить из этого ужасного и одновременно прекрасного мира. Важно, как произойдет переход в мир иной: «А вдруг грубо, неприятно, срамно? Вдруг впопыхах, без молитвы и покаяния, или, напротив, мучительно долго, оскорбительно страшно, от ножа грабителя, в многолетней неподвижности и беспомощности?» [3: 487] Религиозный человек должен подготовиться к этому священному событию, встретить смерть достойно, соблюсти традиции: «Подвести итоги, выслушать чистосердечное сказание о твоей жизни, тобою же сказанное, наговориться с родными, наплакаться втихомолку над минутами и годами счастья, принять причастие... Чего же после этого пугаться...» [3: 487]. В. Распутин создает идиллическую картину доброго ответственного отношения к вечному расставанию с близкими родственниками. Люди стремятся соблюсти традиции погребения не только, чтобы «земля была пухом» покойному, но и ради своей души: предотвратить возможное чувство вины, муки совести.

О таком вечно гнетущем страдании рассказывает В. Астафьев в кульминационной главе «Последний поклон» (1967, 1988). Писатель жил с этой болью с 1948 года, когда не смог вернуть доброту самому главному человеку в жизни – бабушке, не выполнил её последней просьбы («Ты уж, батюшко, приедь похоронить-то меня... Закрой мои глазоньки...») [2: 746]. Чувство вины навсегда осталось в сердце Виктора Петровича: «Случись это теперь, я бы ползком добрался от Урала до Сибири, чтобы закрыть бабушке глаза, отдать ей последний поклон. И живет в сердце вина. Гнетущая, тихая,

вечная» [2: 746–747]. «Я знаю, бабушка простила бы меня. Она всегда и всё мне прощала. Но её нет. И никогда не будет. И некому прощать...» [2: 748].

Муки совести находят выход через подсознание – сон, который много лет преследовал В. Астафьева. Он описан в заключительной главе «Последнего поклона» – «Вечерние раздумья» (1991): «...Я знаю, там, в этом глухом и темном доме, лежит одиноко в холодном тлеющем тряпье моя бабушка и ждет меня. И я хочу дойти до нее, приласкать ее и непременно лечь рядом, но что-то все время мешает мне дойти до этого обиталища...» [2: 839]. Чувство вины, тоска по малой родине «позвали» писателя обратно в село Овсянка, где он прожил еще около двадцати лет (1980–2001).

Экзистенциальные раздумья В.П. Астафьева нашли отражение в его «Прощании»: «Я как-то утром или ночью, может быть, осенью (весной не хочется) останавлиюсь в пути и поверну обратно. Туда, откуда я пришел <...> Пусть по распадку, где ходил я с ней [с бабушкой. – Е. Х.] по землянику, поднимут меня те, кого любил я и кому дорог <...> Прощайте, люди! Я домой вернулся, я к матери моей вернулся, к бабушке, ко всей родне...» [1]. В. Астафьев размышляет о своем месте в бесконечной цепочке родственных связей: между мамой, бабушкой и детьми, внуками. Да, человек смертен, это неизбежно, и все мы там рано или поздно встретимся, воссоединимся. Но люди наделены возможностью продолжаться в потомстве, как растения в семенах. А в итоге тело человека и плоть растения будут одинаково гнить в земле.

Для христианина похороны – это не просто традиция, а таинственный обряд, символизирующий не уничтожение, а рождение для вечной жизни. В этот день, по православным канонам, бессмертная душа переходит в другие условия жизни, где нет места земным болезням, печалям, поэтому все должно быть максимально торжественно. Существует строгий порядок, который нельзя нарушать.

О национальных традициях погребения В. Астафьев рассказывает в главе «Кончина» (1988) на примере смерти тетки Агафьи. В течение трех дней до похорон принято прощаться с умершим. Но писатель отмечает, что из характера русского человека постепенно уходит чувство долга перед усопшим: «Вот до чего мы дожили!.. Уже и обычное человеческое приветствие за доблесть почитается...» [2: 750].

В деревнях всегда соблюдали обряд погребения. В «Законе Божиим» писано, что умершего христианина одевают в чистую одежду, желательно новую, в знак того, что человек при своем крещении дал обет проводить жизнь в чистоте и святости. Но перед этим его нужно омыть. Далее «тело умершего полагается во гроб и наполовину покрывается священным покровом в знак того, что умерший находился под покровом Православной Церкви. Гроб обыкновенно ставят посреди комнаты пред домашними иконами, обращая лицо умершего к выходу. Вокруг гроба зажигают свечи в знак того, что умерший перешел в область света – в лучшую загробную жизнь» [5: 540]. Такое же традиционное описание мы находим и в «Последнем поклоне»: «Лежит тетка Агафья еще без домовины на двух лавках. Прибранная, спокойная, выпрямленная, вот и спину ее наконец-то «отпустило», в черном вязаном платочке, белой тюлью прикрытая. Свечи обочь головы горят, в углу, под большой застекленной иконой, лампада светится» [2: 750].

Такой чести и благодати лишена героиня повести В. Распутина «В ту же

землю» (1995). Дочь пытается похоронить свою мать тайно, на отшибе из-за отсутствия средств на ее погребение. Пашута решила не дожидаться трех дней, а сделать это на следующий. Она сначала стремится все организовать самостоятельно, отправляет внучку Таню ночевать к подружке. Но именно образ Тани вселяет автору надежду на возрождение национальных традиций. Вопреки всем правилам Аксинья Егоровна лежит в темноте и в одиночестве. И именно Таня подсказывает, что нужно в руки умершей положить иконку, в знак веры усопшего во Христа, Божью Матерь и святых угодников, необходимо открыть дверь в комнату, где последнюю ночь проведет «старая бабушка».

В. Распутин считает, что для нашей нации «время настало такое провальное, все сквозь землю провалилось, чем жили...» [6: 513]. Автор говорит, что с переселением в город русский народ стал разобщен: герои живут в многоэтажных домах, за бронированными железными дверями, боятся ходить по улице. Люди стали непоправимо одиноки. Мир распался, поэтому герои потерялись и растеряли друг друга.

Нет у Пашуты в городе друзей, кроме Стаса, некому даже омыть мать. Она знала, что этого нельзя делать близким родственникам, надо пригласить знакомого или родственника того же возраста, но категорически отказывается: «Нет, никому она мать не отдаст, вымоет сама. Хотя это вроде не полагается – самой. Бог простит. Богу, похоже, придется прощать ей многое» [6: 503].

Женщина «зарывает» мать в лесу, т.к. «по-человечьи» не может похоронить – не на что, да и занять не у кого. В. Курбатов объясняет это современной действительностью: «...не может она пойти туда, к ним, потому что там для нее уже все чужое и они – только враги» [7: 257]. Разорвана связь и с корнями, с малой родиной, где все готовы прийти на помощь в беде, поделиться последним. В городе в эпоху разгула бюрократии человека без прописки и похоронить нельзя на общем кладбище. Героиня знает, что в деревне все было бы по-человечески: «Снесли бы Аксинью Егоровну на руках, положили просторно среди своих, деревенских, и весь обряд был бы дорогой к родителям, а не хождением по мукам, по хищникам-разбойникам, наживающимся на смерти. Там бы и небо приспустилось над Аксиньей Егоровной, труженицей и страдальцей, и лес бы на прощанье помахал ветками, и дых ветра, пронесшись струнно, заставил бы склониться в прощальном поклоне всякую травку» [6: 4 – 5].

В. Астафьев в «Последнем поклоне» тоже описал такие традиционные русские похороны, где все заботы выполняли «подружки-старушки» как хранительницы народных обрядов. Хоронили раньше всем миром: кто за домовиной поехал, кто венки заказывать, бабы за продуктами, транспорт дает деревообрабатывающий завод. А когда не хватило денег на оркестр, решили собрать с родни, с соседей. Автор с сожалением говорит о появившейся на селе моде хоронить с оркестром: по православным обычаям положено идти за гробом, читая молитвы о спасении души умершего. Не по правилам «хоронить покойника с музыкой <...> хоронить следует со священником» [8: 25]. «...Смерть деревенской старухи, скромно, в трудах прожившей век, никакого куражу и шуму не требует, – считает В. Астафьев. – ...И вообще, худая это, куражливая мода хоронить деревенских крещеных стариков с оркестром» [2: 752].

Не так оптимистично в рассказе Бориса Екимова «На кладбище» (1991) звучит утверждение о том, что «хоронить у нас, слава Богу, не разучились» [9: 336]. Он с горечью говорит, что обряд погребения в городе отличается от сель-

ского. Писателю довелось присутствовать на московских похоронах: «Покойника в дом не везут, так и уходит он в последний путь из больничного морга. Пять минут в комнатке под названием «ритуальный зал» посидели. И всплакнуть никто не успел. Поехали... А на кладбище и вовсе нехорошо <...> Длинная очередь. За гробом гроб. За каждым – невеликая кучка людей, сколько в автобусе поместилось...» [9: 336–337].

Б. Екимов пишет, что и на кладбище тоже есть блатные, которых проносят вне очереди, как будто торопятся на тот свет, боятся не успеть.

Писатель констатирует: «Жить можно и в городе, это ясно. А вот помирать лучше на хуторе ли, в селе, в малом поселке, где, слава Богу, хоронить еще не разучились, где положенный срок остается покойник в доме. Приходят соседи, знакомые, народ и народ. Прощаются. Сидят возле покойного, вспоминают жизнь его. И ночью он не один, а в день похорон, с утра, копают могилу. Заполдень понесся по улице прощальный плач: «На кого спокладаешь...» Последняя неспешная дорога к вечному дому...» [9: 337].

Но и на селе есть своя «Долина царей» – второе кладбище, малое, на два десятка могил, для начальников. Со времен первобытно-общинного строя было такое социальное разделение, но как абсурдно оно выглядит в наши дни. Этакая «Кремлевская стена» на хуторе. Могилы заросли бурьяном: при жизни им воздавали почести, уважали, а после смерти о них забыли даже родственники.

Старые люди, как правило, не боятся смерти, а ответственно готовятся к ее приходу: собирают «приданое», откладывают деньги «на черный день», приглядывают себе место на кладбище и даже иногда покупают гроб. Старуха Агафья («Последний поклон»), как и бабушка Катерина Петровна, «все «для себя» припасла, справу всю, тюль, тапочки, одежонку, покрывальце, денежек на книжке двести с лишним рублей, да еще под подушкой тридцать шесть» [2: 751]. Эту подготовленность к смерти отмечает не только В. Астафьев, но и В. Распутин («В ту же землю»): «...аккуратно и красноречиво уложенное в прозрачный полиэтиленовый пакет смертное. Оно [платье. – Е. Х.] показалось матери при дарении настолько праздничным, что ни один из прижизненных праздников не мог до него подняться. И тогда же Аксиныя Егоровна положила: это для смерти...» [6: 5].

С праславянских времен умершего клали в гроб («домовину» или «хоромину»), изготовленный из особых пород дерева, т.к. это станет обителью, последним пристанищем родного человека и хоронили на общем кладбище. Но Пашута нарушает эти традиции. Она, зарывая мать на отшибе, в лесу, далеко от человеческого жилища, и не предполагала, что возникнет новое кладбище одиноких людей. Может быть, и сама Пашута будет там похоронена. Ведь так легко породить зло: только начни, и зло потянет за собой новое зло.

За ужасный кощунственный грех, который осмелилась взять на душу, дочка кается перед гробом матери, на том пустыре: «опустилась перед матерью на колени, только для нее одной выдохнула «прости» и прикоснулась к холодному твердому лбу поцелуем» [6: 531]. Затем пошел снег – «символ божественного благосостояния, нисхождения небесного блаженства и очищения» [10: 214], будто ответ с того света, «словно всем им даровалось прощение за беззаконные действия. Словно высшая сила сникала над человеческой слабостью и своевољством» [6: 531].

У всех народов кладбище – это место, где покоятся предки. Человек после смерти как бы соединяется с ними, обретая новые неземные отношения, поэтому в традициях нации хоронить усопших рядом с погребенными родственниками.

В рассказе «На кладбище» (1991) Б. Екимов признает, что на свете есть кладбища краше и величественнее наших: «Англия, Франция, Германия... Далекая Америка. Гранит, мрамор. Зелень дерна, цветы...» [9: 340]. Автор описывает отношение к этому месту старых людей. По его мнению, в последние годы люди чаще, чем раньше, навещают умерших. Его соседка преклонных лет подмечает: «В поселке иду по улице, народу много встречается, а не с кем стало здороваться: чужие да незнакомые. А на кладбище... Идешь от могилки к могилке – все свои. С одним поговоришь, другого помянешь. Уходить не хочется» [9: 340]. Поэтому прежнее сельское кладбище было голым и пустынным, а теперь «заселяется».

Для христианина богоугодным делом считается посещение могил предков, в году есть особые родительские субботы, когда поминают усопших. Одним из таких дней в деревне считается Пасха. За неделю до этого на могилках убираются, а в пасхальное воскресенье на кладбище многолюдно, как на ярмарке: «Народ валом валит. У кладбищенских ворот цветы продают... Автолавки привозят лимонад. Приходят на кладбище принаряженные, с детишками. Приносят куличи, крашеные яйца, конфеты, а кто и вино. Садятся возле могил, поминают покойных» [9: 336]. По наблюдению автора, раньше с могилами только старые люди возились, а сейчас молодые, т.к. растет поколение, которое выросло при свободе слова и вероисповедания. Есть молодежь, обращенная лицом к Богу, внимающая доброму слову, христианским, а не коммунистическим заветам.

Екимов отмечает, что старики не хотят умирать, торопятся жить, хватаются за последние ее мгновения. Эпизодическая героиня рассказа, тетя Паня, весной плачет, обнимая грушу, со словами: «Грушинка цветет, такая приглядная. Умру и не увижу» [9: 338]. А другая соседка еле ходит, почти ползает, не живет – мучается, а по весне вылезает на солнышко погреться: «Не хочу, – говорит, – помирать... Пожить бы...» [9: 338].

Автор философски подводит черту: «Умрешь, схоронят, будешь лежать. Но лучше, конечно, не умирать, пожить еще. Здесь, на кладбище, особенно profoundly понимаешь, как хороша жизнь. Вечно чего-то нам не хватает, недостаёт, ворчим недовольные. А раздумаешься: все суета, хороша жизнь» [9: 337]. А ведь сколько мы ругаем свою «проклятую» жизнь. Не такая она, уж видно, и «проклятая». Но на кладбище «уютно, покойно и о смерти вовсе не думается» [9: 335]. Но кроме тишины и умиротворения зарождается в душе чувство вины, глядя на фотографии умерших, что-то в их взгляде чудится: «Укор ли тебе, живому, или просто печаль, до срока и в срок ушедших» [9: 340].

Смерть – это начало новой вечной жизни, поэтому встречать ее нужно подготовившись заранее. Много веков складывалась национальная традиция погребения умерших. И современное обращение к вере дает надежду на соблюдение христианских таинств и обрядов в будущем. Ведь помянув предков, мы прежде всего спасаем свою душу и воспитываем потомков на национальных русских обычаях. А значит, как хороним мы, так хоронить будут и нас.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Астафьев Виктор. Прощаюсь...// Урал. – 2004. – № 5.
2. Астафьев В. Последний поклон: Повесть в рассказах. – М., 2004.
3. Распутин В. Живи и помни: Повести и рассказы. – М., 2004.
4. Распутин Валентин. В больнице // Роман – газета. – 1995. – № 17.
5. Законъ Божій. /Сост. Свящ. Серафимъ Слободской. – Коломна: Ново-Троицкий монастырь.
6. Распутин В.Г. В ту же землю... // Распутин В.Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повести и рассказы. – М., 2006.
7. Курбатов Валентин. Долги наши. Валентин Распутин: чтение сквозь годы. – Иркутск, 2007.
8. Православные похороны // А.П. Аксенов. – М., 2001.
9. Екимов Б.П. На кладбище // Екимов Б.П. Набег: рассказы. – М., 2001.
10. Энциклопедия символов // Сост. В.М. Рошаль. – М., 2005.

Г.П. Черешнева
(Московский педагогический
государственный университет)

ПОЭМА И.С. НИКИТИНА «КУЛАК»

В русской литературе до 1858 г. произведения жанра поэмы посвящались дворянскому герою, «лишнему человеку». Показанные И.С. Никитиным в новаторской поэме «Кулак» в жизненной обстановке того времени, герои получились яркими. Главный герой Карп Лукич пользуется авторским сочувствием, но не идеализируется.

G. Cheresheva

THE POEM “KULAK” BY I. S. NIKITIN

In Russian literature till 1858, the genre of poem was devoted to noble character, an odd person. In his pioneering poem “Kulak” I.S. Nikitin shows his characters in true-life conditions of that time. And the characters turn out very bright. The author sympathizes Karp Lukich, the main character, but he does not idealize him.

В конце февраля 1858 г. вышла в свет поэма «Кулак» И.С. Никитина. Первая редакция была начата в октябре 1854 года и к сентябрю 1856 года закончена. Вторая редакция поэмы сложилась к началу 1857 года. Рукопись третьей, белой редакции, посланная К.О. Александрову-Дольнику для набора, не сохранилась.

Поэт с тревогой ждал отзывов о «Кулаке», опасаясь предубежденности критики. «Главное мое опасение состоит вот в чем: трудно теперь устранить то предубеждение, которое возникло у литераторов и публики по выходе в свет моих первых стихотворений. Издание моей книжки решительно было для меня несчастием... Теперь, при выходе в свет «Кулака», будет вот какая история: почтеннейший критик (тот или другой – все равно) берет в руки новую книжку, смотрит – поэма И. Никитина. «О, – говорит он, – знаем! Как не знать подражателя бывших, настоящих и едва ли не будущих поэтов!» После этого понятно, как прочтется «Кулак»: через пятую на десятую страницу. Поэма должна говорить сама за себя. «Кулак» произведет большое впечатление на читателя...» [1: 256-257].

С большой похвалой отнесся к поэме Н.А. Добролюбов, отмечая произведение Никитина как новое и оригинальное произведение, что у него «с одной стороны, обстоятельное знание того быта, который он описывает, а с другой – ясное понимание того характера, который сделал он героем своей поэмы» [2: 152].

Академик Я.К. Грот отмечал в «Кулаке» «множество ярких и разнообразных картин русского быта столь удачных, что это произведение в полном смысле заслуживает название народного», живость диалога и рассказа, который «удивительно ловко воспроизводит иногда пушкинские приемы» [3: 289].

Анонимный автор рецензии, помещенной в «Отечественных записках», находил, что «Кулак» «представляет собою не что иное, как ряд мало связанных между собою, более или менее удачных описаний природы и более или менее неудачных сцен, написанных на тему, в которой никто не сомневался,

что и кулаки, мол, тоже люди» [4: 295].

А.С. Суворин замечал, что «между поэмой и прежними его стихотворениями лежит почти целая бездна. Тут и стих ярче, и взгляд на жизнь шире, и характер главного действующего лица, мещанина, весь свой век пробивающегося плутнями, нарисован крупными чертами; растянута, прозаичность и ненужность некоторых сцен ослабляют общее впечатление, но частности поэмы, верно схваченные бытовые картины, переданные иногда сжатым, сильным языком, и одушевляющая поэму гуманная мысль мирить читателя с ее недостатками» [5: 896].

Приведя некоторые отзывы о «Кулаке», которые имеют историко-литературный интерес, мы ставили задачей дать общее представление об отношении критики к поэме.

В зрелом периоде творчества И.С. Никитину тему «Кулака», крупного произведения из мещанско-купеческого быта, подсказали его воронежские друзья (Второв, Придорогин, Брюханов): «За твой рассказ о Лукичах очень благодарен. Собирай, пожалуйста, типические черты, привози их в Воронеж» [6: 245]. Сюжетная канва поэмы внешне чрезвычайно напоминает более раннее стихотворение И.С. Никитина «Упрямый отец», где тот же насильственный брак, трагическая судьба дочери.

Бытовые наблюдения поэта, этнографический элемент, историческое прошлое провинциального Воронежа, современный Никитину воронежский быт 50-х годов XIX века отчетливо отразились в «Кулаке».

И.С. Никитину неоднократно приходилось самому наблюдать описанные в поэме сцены семейных скандалов, устраиваемых отцом: «Я выстрадал своего Лукича, – говорил Никитин. – Я его видел с детства, я негодовал на него и плакал над ним, ...желал лишь одного, хотя бы на время забыться от этой грязной и пошлой жизни Лукича» [7: 1].

Для некоторых выведенных поэтом типов можно указать живых лиц, которые являлись прототипами героев. В поэме сильны автобиографические черты: Лукич во многом напоминает отца поэта, Савву Евтихиевича Никитина. По свидетельству М.Ф. Де-Пуле: «Если Лукича и нельзя назвать живым подобием Саввы Евтеича, то в основании их характеров легло много общего» [8: 69]. Можем предположить, что в поэме Никитин отобразил свою мать – Прасковью Ивановну. Она наряду с другими источниками послужила материалом для образа Арины. Никитин придавал большое значение правдивости описаний в поэме: «...что герой мой верен действительности за это я ручаюсь, но умел я его опоэтизировать – это вопрос другой...» [9: 268].

«Константин Осипович (Александров-Дольник. – Г.Ч.) пишет, что Тараканов в сцене, когда Лукич просит у него помощи, напоминает Подхалюзина. Я решительно с ним не согласен... Таким образом, можно сказать: Лукич похож на Чичикова, Скобеев еще на кого-нибудь, и так далее. Если бы и были черты случайного сходства, что же это доказывает? – ровно ничего! Я могу походить на Вас, иметь одинаковый вкус и проч. Но из сходства вкусов не следует, что Вы и я – одно и то же» [10: 254].

И.С. Никитин сильно переживал, что его поэма долго не выходила из типографии: «Процесс печатания совершается, как видишь, месяца четыре, а дело не продвигается ни взад, ни вперед» [11: 266]. «...«Кулак» еще в типографии. Одна буква – несчастный Н. (в титуле первого издания «Кулака» была

допущена опечатка: напечатано было «Поэма Н. Никитина». – Г.Ч.) – требует месяц времени для исправления, а может быть, еще потребует нескольких месяцев. Стоило ли хлопотать из-за такой ничтожной ошибки, когда фамилия моя на обертке видна?» [12: 273].

Правдиво и с глубокой скорбью за человека в поэме описана тяжелая и унижительная жизнь «кулака» – перекупщика, мелкого торговца. Не идеализируя главного героя, поэт тем не менее сочувствует ему, видя в нем жертву несправедливого социального строя. И.С. Никитин глубоко раскрывает власть нужды, тяжесть семейно-бытовых отношений, трагизм бесправия женщины. Впервые в русской литературе в таком крупном эпическом жанре в качестве главных действующих лиц изображены люди труда. Никитин полностью исходит именно «из настоящего порядка этой жизни» и «изображает ее поэтическим образом», «тоном сатиры». Сюжет поэмы «Кулак» – это обобщенные, типизированные факты реальной жизни. Каждый эпизод поэмы не изолирован от общего замысла ее, но, наоборот, полностью подчинен ему, раскрывает ту или иную черту главного характера. Обоснование зла и порока средой (Лукич – «жертва зла и нищеты») сочетается с показом в герое упругой личностной силы, требующей иных, не только социальных, мотивировок. Нравственные мотивы – вина Лукича, честь простого человека (см., например, наставление матери столяру Василию) – выходят на передний план.

Кулак Карп Лукич, продукт общественной среды, является центральной фигурой произведения:

*Сюртук до пят, в плечах просторен.
Картуз в пыли, ни рыж, ни черен,
Спокоен строгий, хитрый взгляд,
Густые брови вниз висят,
Упрямо супясь...*

Никитин рисует характер и полно раскрывает образ героя поэмы, объясняя причину горькой участи кулака путем его неправильного воспитания в детстве и юности, воспитания в условиях плутовства, грубости, лжи, в общественной среде, которая окружает Лукича и ему подобных. Видя, что делают окружающие, потворствуемый беспечными родителями, Карпушка научился лгать и воровать. Эти способности он развил, находясь в «обучении» у купца; они ему как нельзя лучше пригодились в самостоятельной жизни.

*Быть может, с детства взятый в руки
Разумной матерью, отцом,
Лукич избег бы жалкой муки -
Как ныне, не был кулаком.*

Сама жизнь научила его быть хитрым, ловким, изворотливым, быть грозным перед слабыми и заискивать перед сильными. Образ Лукича, выражая глубокое обобщение, в то же время несет в себе отчетливые черты индивидуального своеобразия. Это мелкий хищник и самодур, но вместе тем это и чувствующий всю унижительность своего положения человек. Временами в нем пробуждаются и совесть и стыд. Осознавая бесчестность своих поступков, он признается: «А крал без совести и страха!..», «Что я-то сделал, кроме зла?» По характеру жестокий и властный, Лукич нередко прибегает к резким и бранным выражениям («дура», «черт», «тварь»), грубым окрикам: «Ну-ну!», «Цыц!», «Молчать!» Обращаясь к дочери, он говорит: «Ты... ты не смей меня учить!

Все ребра изломаю палкой!» Пользуется Лукич пословицами и поговорками, бытующими преимущественно в мещанско-купеческой среде: «Что честь-то? коли нет алтына, Далеко с нею не уйдешь».

Кулацкое предпринимательство придало речи Лукича ту интонационную выразительность, которая, в зависимости от обстоятельств и круга людей, принимает самые различные оттенки – то властно-повелительный (в разговоре с домашними), то робко-просительный или льстиво-заискивающий (в обращениях с богатыми и знатными), то грубовато-насмешливый или ласково-уверительный (во время торговых сделок с простым человеком).

Лукич – от природы умный человек. Он умеет понимать людей и сразу за «благопристойной» внешностью помещика Долбина определил его ничтожество и непрактичность:

*Ведь с виду смотрит молодцом:
Очками, тростью щеголяет...
А хорошенько разберешь –
Выходит так себе... как глина,
Что хочешь, из нее сомнешь.*

В понимании Никитина и его социального круга, быть кулаком – быть объектом средоточия всяких жизненных перипетий и невзгод; это горький удел бедности. В конце поэмы поэт вспоминает:

*И мне по твоему пути
Пришлось бы, может быть, идти,
Но я избрал иную долю...
Как узник, я рвался на волю,
Упрямо цепи разбивал!..*

Никитин не собирался в своей поэме изображать кулака – эксплуататора чужого труда, хищника, сосущего кровь из народа, как, например, показан Тургеневым бурмистр Софрон – разбогатевший кулак, кровопивец, замучивший крестьян подвластной ему деревни. Кулак Никитина – это не эксплуататор батраков, а мелкий перекупщик:

*Лукич на ярмарке с рассвета;
Успел уж выпить, закусить,
Купить два старых пистоleta
И с барышом кому-то сбыть...*

Оправдывая свое плутовство, жульничество необходимостью бороться любыми средствами за кусок хлеба, Лукич говорит: «Без денег честь – плохая доля! Согнешься нехотя кольцом Перед зажиточным плутом», «Нужда – тяжелая неволя!..», «...Сплутуешь, коли хлеба нет».

Карпа Лукича все презирают, но прибегают к его услугам. Он дома, в семье, деспотичен и груб, но это обусловлено всей его тяжелой исковерканной жизнью, попирает робкие желания жены и дочери и не желает отдавать Сашу за столяра, потому что столяр беден. Странно и неуловимо перемешиваются в его словах: и упрямство его черствой натуры, и грубое понятие о своей отцовской власти, и любовь к дочери, и собственные надежды. Лукич, натерпевшись нужды, видит в богатстве первое условие всяких благ. От нужды, от горя хочет избавить свою дочь:

Сосед наш честен, всем хорош

*Да голь большая – вот причина!
 ...Мне дочь и жаль! я человек,
 Отец, к примеру... да не век
 Мне мыкать горе...*

Он искренне верит в то, что брак Саши с богачом спасет ее и всю семью. В своем практицизме он доходит до жестокости и губит дочь.

В окончательной редакции «Кулака» И.С. Никитин с необычайной полнотой показал власть нужды и бесправия, трагизм семейно-бытовых отношений в России XIX в.

По-своему верны действительности и женские образы поэмы. С полным и несомненным сочувствием Никитин изображает жену Лукича Арину. Рассказывая о горестной участи этой простой женщины, до крайности забитой и запуганной своим мужем, поэт замечает: «...Бедная Арина! Повысушили до поры Нужда да тяжкая кручина...», «...Одна незлобная душа Осталась в горе хороша».

Покорная воле мужа, обреченная на безмолвие, но жизненные трудности не убили в героине ее восприимчивости ко всему прекрасному: «Вишь, родной... Поди, как свищет!.. Соловюшек у нас в саду!»

С чувством глубокой симпатии рисует Никитин образ Саши. По чертам своего характера она примыкает к тем людям, которые, испытывая на себе общественный или семейный гнет, не могли быть счастливы в условиях современной им действительности. Девушка восстает против семейно-бытового деспотизма, против брака по принуждению, но у нее недостает силы противостоять произволу своего отца. Подавленная его властью, она покоряется, уступает. Саша чахнет от своей сытой замужней жизни:

*Уж у меня изныла грудь
 От этой жизни!.. я молчала...
 Он мягко стелет, жестко спать...
 Пусть бьет! Я не хочу скрывать!*

Ярко и типично обрисованы два антипода – столяр и молодой купчик, муж Саши.

Мастеровой человек Василий – столяр, красавец и силач, с глубоким чувством любви к Саше, с его гуманным отношением к отцу ее, сгубившему их счастье, – является необыкновенно обаятельной личностью.

В образе честного и трудолюбивого столяра поэт увидел то хорошее и высокое, что характеризует труженика – его цельное чувство, его теплую душевность и доброту, любовь к природе, к народной поэзии. Органически связанный с простым народом, Василий – противник хищничества, угнетения. Однако его сопротивление притеснителям отличается нерешительностью, слабостью. На жалобу Саши по поводу жестокого самовластия ее отца он замечает: «Поудержись; грубить не след Что делать! более терпела...». Протест столяра явно ограничен. И этим в известной мере объясняется то, что образ Василия не стал образом широкой и глубокой типичности. Столяр – один из первых в литературе образов мастерового человека, обрисованный положительно и в то же время – без всяких сентиментальных приукрашиваний и снисходительного отношения автора. Никитин подметил черты характера, которые являются индивидуальными и в то же время типичными для трудящегося человека – великодушные, честность и доброта. Удивительно тонко передает автор момент встречи Василия и Лукича, показывает, как столяр утешает избитого старика,

не упрекая его в разбитой любви, предлагает ему помочь, стараясь сделать так, чтобы сама помощь не была обидной:

*Слышь, Карп Лукич! Ты не сердися...
Вот деньги есть... Не откажися,
Возьми на праздник. Видит Бог,
Даю из дружества. Ведь хуже
Обманывать, дрожать на стуже...
Возьми, пожалуйста, сосед!
Ну, хоть взаем... как знаешь!*

И в идейном и в сюжетном плане прямой противоположностью столяру является муж Саши – купец Тараканов. Ироническими штрихами обрисован молодой купчик, с его жадностью, мелкой торгашеской душой. Часто встречаются подобные характеры в пьесах А.Н. Островского. Выразителен диалог купца с молодой барышней:

*– Вы танцы любите?
– С трудом,
Так-с, малость самую танцую».
– Зачем же?
– Как бы вам сказать...
Ногами вензеля писать
Мне некогда-с! ведь я торгую.
– Вы курите?
– Ни, боже мой!
И не к чему-с: расход пустой!*

Перед женитьбой Тараканов обещал Лукичу большую помощь и, разумеется, не выполнил своего обещания. Бездушие, мораль собственника, не способного на большое чувство, ярко раскрывается в характере купца. Зять отказывается дать деньги Лукичу на похороны жены. Но после ссоры с Сашей он дает отцу мелочь с подобающими наставлениями:

*Тесть молча подаянье взял
И точно память потерял...
– А вам пора за ум приняться! –
Прибавил зять: – Вы наш родной,
Не с поля вихорь, не чужой,
А с пьяным нечего мне заться!*

Купец Тараканов был главным образом продуктом непосредственного наблюдения действительности, художественным отражением, наблюдаемым по этому непосредственно в купеческой жизни.

Знаменателен конец поэмы. Лукич отдал Сашу замуж за нелюбимого человека, похоронил жену и сам окончательно опустился. Богатый зять с презрением относился к старику. Но столяр, обиженный когда-то Лукичом и не помнящий зла, заступает за него, когда разъяренная толпа нападает на старика, помогает ему деньгами. Лукич приходит к сознанию своей вины перед столяром и перед дочерью и идет в питейный дом. Именно такой конец судьбы героя говорит о жизненной правде. Если бы Никитин показал Лукича исправившимся, он погрешил бы против правды. В судьбе главного героя все жизненно верно. В этом сила художественного реализма поэмы. Рисуя страшную и вместе с тем такую обычную судьбу «кулака», Никитин скорбит о человеке,

---

который испытал на себе полную нищету, грязь и унижения, и его судьба была судьбою многих бедняков:

*Ты сгиб. Но велика ль утрата?
Вас много! Тысячи кругом,
Как ты, погибли под ярмом
Нужды, невежества, разврата.*

Никитин в своей поэме поставил одну из больших проблем, волновавших писателей натуральной гоголевской школы, – проблему маленького человека, чувства человеческого достоинства, попранного ненормальными социальными условиями жизни того времени.

Существенное значение для оценки «Кулака» и определения его историко-литературного значения имеет вопрос об оригинальности поэмы в отношении сюжета, идеи, типов, образов, формы и художественных приемов, какую роль в создании ее сыграли литературные влияния, пользовался ли Никитин непосредственными наблюдениями действительности, или же исключительно литературными источниками.

Друзья поэта находили, что Никитин попал под влияние комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся», усматривая сходство между Сашей Никитина и Липочкой Островского, между Таракановым Никитина и Подхалюзинным Островского. Действительно, можно предположить, что Никитин, рисуя своих героев, действительно находился под живым впечатлением героев Островского.

В первой редакции поэмы друзья Никитина указывали на существенное сходство героини Саши с Липочкой. Переработав тип Саши, поэт оставил без переделки тип Тараканова. Это доказывает, что Никитин, находясь под сильным влиянием своих друзей, переделывая «Кулака» согласно их указаниям, не был пассивным и покорным исполнителем их требований, не всегда следовал их советам. Поэт переработал тип Саши только лишь потому, что был согласен с их мнением, а не потому, что ему посоветовали сделать.

Современники отмечали, что для обрисовки типов в «Кулаке» Никитин мог почерпнуть материал из «Мертвых душ» Гоголя, что для обрисовки Скобева мог послужить Собакевич. Для Долбина – Манилов. Эти гоголевские типы имеют так мало общего с указанными типами «Кулака», что отстраняется всякая возможность утверждать, что они служили главным литературным источником для обрисовки героев. В данном случае нельзя упускать из виду, что эти типы Никитина могли быть исключительно продуктом непосредственного знакомства его с данной средой. Критики сопоставляли Тараканова с Пазухиным из комедии Салтыкова-Щедрина «Смерть Пазухина». Всякие сопоставления Тараканова с Пазухиным должны быть оставлены, т.к. «Смерть Пазухина» была напечатана в «Русском Вестнике» в конце 1857 г., «Кулак» же был окончательно готов и послан в набор 2 августа 1857 г.

Сопоставляя типы в поэме «Кулак» с типами других писателей, видим, что литературные источники сыграли незначительную роль в обрисовке выведенных Никитиным в «Кулаке» лиц: материал для их характеристики он черпал главным образом из жизни, из непосредственных собственных наблюдений.

Таким образом, поэма И.С. Никитина «Кулак» была подлинно новаторским произведением. В русской литературе до 1858 г. произведения жанра

поэмы посвящались дворянскому герою, «лишнему человеку». Никитин обратился в поэме к простым людям – столяру Василию, мещанской дочери Саше, наделив их высоким человеческими качествами. Показанные в жизненной обстановке того времени, герои получились яркими и убедительными. Поэма проникнута состраданием к молодым людям. Сложным типом представлен здесь главный герой Карп Лукич. Он пользуется авторским сочувствием, но не идеализируется. Никитин показывает самодурство Лукича, стремление к наживе путем обмана. Изображением города И.С. Никитин существенно раздвинул рамки своей образной системы, обогатил жанровое разнообразие и формы поэтической речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александрову-Дольнику К.О. 9 сентября 1857 г. // Никитин И.С. Собрание сочинений в 2 томах. – М., 1976. – Т. 2. – С. 256-257.
2. Добролюбов Н.А. Кулак. Поэма И. Никитина // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в девяти томах. – Т. 3. – М.-Л., 1962. – С. 152-159.
3. «Известия 2-го отд. Академия наук». – 1858. – Т. VII. – Вып. 4. – С. 289-313.
4. «Отечественные записки». – 1869. – Кн. VIII. – Отд. II. – С. 295.
5. «Вестник Европы». – 1869. – Т. IV. – Кн. VIII. – С. 896-897.
6. И.И. и А.И. Брюхановым. 10 апреля 1856 г. // Никитин И.С. Собрание сочинений в 2 томах. – М., 1976. – Т. 2. – С. 245.
7. Из воспоминаний Плотникова. Письмо Плотникова Нордштейну. Архив Воронежского литературного музея.
8. М.Ф. Де-Пуле. Биография И.С. Никитина. – Воронеж, 1869.
9. Письмо А.Н. Майкову. 3 марта 1858 г. // Никитин И.С. Собрание сочинений в 2 томах. – М., 1976. – Т. 2. – С. 268-270.
10. Письмо Н.И. Второву. 2 августа 1857 г. // Никитин И.С. Собрание сочинений в 2 томах. – М., 1976. – Т. 2. – С. 253-256.
11. Письмо И.И. Брюханову. 27 февраля 1858 г. // Никитин И.С. Собрание сочинений в 2 томах. – М., 1976. – Т. 2. – С. 266.
12. Письмо Н.И. Второву. 24 марта 1858 г. // Никитин И.С. Собрание сочинений в 2 томах. – М., 1976. – Т. 2. – С. 273.

Рецензия
на учебное пособие «История русской литературы XX века» в
4-х книгах, выпущенное издательством «Высшая школа»
в 2005-2008 годах

В начале 2008 года в издательстве «Высшая школа» завершена публикация нового учебного пособия «История русской литературы XX века» под редакцией проф. Л.Ф. Алексеевой. Закончен большой труд: издание в 4-х книгах выходило в течение 3-х лет (2005-2008); над пособием работал большой авторский коллектив – 36 специалистов, среди которых литературоведы, критики, преподаватели высшей школы. Перед ними стояла сложная задача – выработать свою, весомую и аргументированную концепцию, которая позволила бы, с одной стороны, не потеряться в изобилии «хороших и разных» учебников по литературе только что завершившегося, сложнейшего века, с другой стороны, стать по-настоящему полезным и востребованным изданием. В предисловии редактором подчеркнуто, что пособие «предназначено для самостоятельной работы студентов, повторения и дополнения сведений, полученных на лекциях, ознакомления с главами, посвященными тем писателям, творчество которых не получило освещения в лекциях преподавателей (в особенности это касается студентов заочного и вечернего отделений)» (Кн. 1, с. 5). Отметим, насколько важно последнее.

Количество монографических глав в этом издании впечатляет: 74 имени, значительно больше, чем во всех учебниках и пособиях по литературе этого периода, вышедших ранее. Отбор имен и в хорошем смысле традиционен (ни одно значительное писательское имя не забыто), и в значительной степени нов (скажем, писателям военного поколения – К. Воробьеву, А. Беку – монографические главы посвящены едва ли не впервые; то же можно сказать о П. Нилине, С. Довлатове и некоторых других художниках), а иногда неожидан. И если особое внимание к таким поэтам, как Д.Л. Андреев, Н.И. Глазков (раздел об этом поэте блестяще написан Г.Н. Красниковым) представляется вполне оправданным и отрадным, то выделение в особую главу творчества А.Н. Варламова – более чем сомнительным.

Первая часть учебного пособия «История русской литературы XX века» посвящена анализу эволюции русской литературы в 1910–1930-е годы. Убедительно охарактеризованы доминирующие тенденции в развитии прозы, поэзии, драматургии, становление направлений, течений и литературных групп, нравственно-философская и социальная проблематика произведений, их сюжетно-композиционное своеобразие. Уделено внимание хронологической организации, формам выражения авторского миромоделирования, типологии жанров, изменениям в структуре повествования за счет усиления субъективного начала и расширения сферы видения героев.

Эстетическая сущность и художественная самобытность произведений 1910–1930-х годов осмыслена авторами учебника в контексте философских, социальных, религиозных идей эпохи. Несомненным достоинством является то, что учтены типологические параллели с русской литературой XIX века и зарубежной классикой.

Особенно удачны обзорные главы, посвященные русской поэзии 1910 – 1930-х годов, литературной жизни 1920-х годов и прозе этого же периода. Выверенным, целостным и системным анализом поэтических миров художников отличаются главы, в которых рассмотрено творчество А. Блока, Н. Клюева, В. Маяковского, О. Мандельштама, Н. Гумилева, Б. Пильняка, А. Платонова, М. Зощенко. В них ярко и содержательно представлены образная система и мотивная структура произведений, способы повествования и формы выражения авторского сознания, изобразительные средства языка и стилевые приемы художников.

Вторая книга дает освещение литературы первой волны русской эмиграции с 1917 года до начала Второй мировой волны. Выделение литературы Русского зарубежья первой волны в отдельную книгу, как справедливо отмечает главный редактор этого издания проф. Л.Ф. Алексеева, «продиктовано особой значимостью этого феномена для истории отечественной культуры». Учебно-методическое обеспечение этого курса является задачей первостепенной важности.

За последнее десятилетие отечественные ученые выпустили целый ряд учебных пособий по литературе Русского зарубежья, но подготовка квалифицированных изданий по данной теме продолжает оставаться актуальной. Рецензируемое пособие представляет удачный опыт реализации целей, поставленных авторами.

Вторая книга состоит из трех обзорных глав, посвященных литературной жизни русской эмиграции первой волны, прозе и поэзии Русского зарубежья 1910–1930-х годов, и 16-ти глав-персоналий. Выбор имен для монографических глав вполне обоснован: специальное внимание уделено тем писателям, творчество которых достаточно полно и ярко представляет сам феномен литературы Русского зарубежья. Особенно значимы главы, посвященные творчеству М. Алданова, Б. Зайцева, И. Шмелева, Д. Мережковского.

Ценно то, что настоящее пособие не повторяет другие издания подобного типа. Очень кратко дается характеристика литературной жизни эмиграции, процессов, связанных со становлением, самоопределением, формированием самосознания писателей первой волны и определением миссии русской эмиграции. Это вполне оправданно: материал об этих процессах студенты могут найти в других пособиях и энциклопедических изданиях.

Из обзорных глав следует выделить главу о прозе 1910–1930-х годов (авторы А.М. Ваховская, И.Ю. Симачева). В ней сделан акцент на таком своеобразном и еще недостаточно изученном явлении, как «беженский роман» (повествование о «великом исходе из России» и о «хождении по мукам» на чужбине), его жанровые разновидности, художественные открытия. Рассматривая эмигрантскую прозу под этим углом зрения, авторы вводят в этой главе целый ряд имен писателей, творчество которых еще мало изучено (А.М. Ренников, Н.Н. Брешко-Брешковский и другие). Авторам удалось подчеркнуть их индивидуальность, а также включить их произведения о судьбах русской эмиграции в литературный контекст.

Концептуальный характер носит вторая часть этой главы, посвященная религиозно-философским идеям прозы Русского зарубежья. Выводы сделаны на основании творчества таких писателей, как И.С. Шмелев и Б.К. Зайцев. Но их духовно-религиозные поиски рассматриваются не изолированно, а в кон-

тексте идей и исканий других русских изгнанников – религиозных философов С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева. Опора на отечественное философское наследие позволила авторам пособия раскрыть сущность их православной духовности, истоки православных идеалов и предлагаемые пути к «органичному бытию».

К несомненным достоинствам данного пособия следует также отнести включение разделов, нетрадиционных для данного типа изданий. Например, раздела о творчестве А.М. Горького 1920-х годов, когда он жил за границей, встречался и переписывался со многими писателями-эмигрантами, вместе с В. Ходасевичем издавал журнал «Беседа», с помощью которого хотел наладить диалог между диаспорой и метрополией, и т. д. Заслуживает одобрения стремление авторов отойти от тематического подхода к анализу творчества писателей зарубежной России и проследить динамику развития отдельных жанров, проявить внимание к философским и историософским концепциям, нашедшим художественное воплощение в произведениях писателей первой волны.

Создателям учебного пособия удалось показать уникальность исследуемой литературы, сконцентрировать внимание на ключевых вопросах историко-литературного курса, отражая при этом современный уровень и продуктивные тенденции филологической науки. Тем не менее, возникают и некоторые сомнения. Вся книга посвящена первой волне эмиграции как наиболее ярко оформившемуся и значимому феномену. Но все-таки логично было бы дать представление о второй и третьей волне эмиграции в обзорной главе в этом же томе учебного пособия. Обзорные и монографические главы об эмигрантской поэзии получились менее основательными, чем о прозе.

Третья книга посвящена литературе 1940-х – 1960-х годов. В целом эти десятилетия хронологически выстроены традиционно: выделена литература 1941-1945 годов, первого послевоенного десятилетия и литература периода «оттепели» (1954–1969) И это вполне закономерно: едва ли появятся поводы пересматривать границы этих этапов. Свежестью подхода и глубиной анализа отличаются в книге как обзоры поэзии, так и главы-персоналии, написанные Л.Ф. Алексеевой, Г.Н. Красниковым, М.В. Яковлевым.

Несомненным достоинством является пристальное внимание к драматургии и выделение творчества А.М. Володина и В.С. Розова для монографического рассмотрения.

Отрадно и то, что проза о войне и о судьбах деревни и крестьянства в литературе этих этапов проанализирована в монографических и обзорных главах 3-ей книги концептуально, под углом зрения глубинного философского и духовно-нравственного поиска выражения национальной идеи.

В четвертой книге учебного пособия «История русской литературы XX века: 1970–2000 годы» предпринята попытка дать обзор отечественного литературного процесса 1970-х годов, а также перестроечного и постперестроечного этапа. Важно то, что дается достаточно обширное по количеству анализируемых авторов и разнородное по стилистическому многообразию представление о литературе и литературной жизни 1970–2000 годов. Традиционно много внимания уделено прозе. Безусловного одобрения заслуживает раздел, посвященный русской исторической прозе 1970–1990 годов (автор Т.И. Дронова). Несомненный интерес вызывают монографические главы о творчестве видных прозаиков, поэтов, драматургов.

В период изменившейся системы эстетических и идеологических координат

нат, отсутствия единых художественных критериев, доминирования «вкусовой» эклектики и нелинейности развития новейшей литературы сложно сохранить объективность и непредвзятость оценок.

Научный коллектив четвертой книги учебного пособия «История русской литературы XX века: 1970–2000 годы» стремится быть максимально объективным, рассматривая творчество художников, принадлежащих к различным «лагерям» современной отечественной литературы – так называемому либеральному и так называемому патриотическому.

Разумеется, писать о «текущем», не устоявшемся литературном явлении ответственно и непросто, поэтому закономерно, что возникают некоторые вопросы и недоумения.

Не совсем ясно, по какому принципу отобраны персоналии 4-х «монографических» поэтов (И. Бродский, Ю. Кузнецов, Л. Мартынов, Н. Рубцов) и почему именно «романтические произведения» создавали поэты фронтового поколения Б. Окуджава, Ю. Левитанский, Б. Слуцкий, А. Межиров.

Хотелось бы, чтобы картина отечественного литературного процесса последней трети XX века была представлена более емко, цельно и мотивированно.

К спорным моментам концепции учебника можно отнести некоторые его структурные особенности. На наш взгляд, «Введение» могло быть более развернутым и содержать в себе характеристику как принятых в науке периодизаций русской литературы XX века, так и наиболее удачных, с точки зрения авторского коллектива, учебных пособий. В главе «Русская поэзия 1910–1930-х годов» нет никаких сведений о пролетарских поэтах, о творчестве Д. Бедного, Н. Тихонова, Э. Багрицкого, Б. Корнилова, М. Светлова. Следовало бы сказать о том, что в конце 1920-х – начале 1930-х годов в литературу вошли М. Исаковский, А. Твардовский, Н. Заболоцкий, хотя их творчество рассматривается монографически в книге 3-ей («Русская литература 1940–1960-х годов»). Это тем более странно, что в других случаях дан краткий анализ творчества отдельных авторов в обзорных статьях, а затем более полный в монографических (Астафьев, Бондарев, Распутин и т.д.). Здесь важно было бы соблюсти единообразие. Довольно трудно объяснить, почему в монографической главе о С. Есенине не только не дается анализ его последних поэм, но они даже не упоминаются. Глава о поэзии М. Цветаевой помещена во второй книге, анализирующей феномен первой волны эмиграции, но именно ее поэзия эмигрантского периода охарактеризована чрезвычайно кратко и довольно бегло по сравнению с доэмигрантским творчеством.

Главу о творчестве Е. Замятина логичнее было бы видеть в 1-й книге, а не во 2-м томе, посвященном литературе Русского зарубежья. Недоумение вызывает помещение в 1-й том, хронологически ограниченный 1910 – 1930-ми годами, главы о творчестве Б. Пастернака.

Расположение в алфавитном порядке монографических глав не совсем соответствует жанру учебного пособия подобного типа. Оно скорее характерно для справочника, словаря или энциклопедии.

В целом хотелось бы, чтобы главы-персоналии как о прозе, так и о поэзии были представлены более структурированно.

Изданию не помешал бы именной указатель и, кроме списков рекомендованной литературы, более разнообразный методический арсенал в виде конт-

рольных вопросов или рекомендательных тем к различным видам самостоятельной работы в вузе.

Однако высказанные замечания носят рекомендательный и уточняющий характер и не ставят под сомнение научную значимость и методическую ценность учебного пособия, обоснованность и достоверность содержащихся в нем выводов. Коллектив авторов во главе с профессором Л.Ф. Алексеевой четко определил свои научные и методические задачи и сумел занять достойную внимания нишу в ряду современных разработок концепции литературы ушедшего века.

Доктор филологических наук, профессор Ануфриев Анатолий Евдокимович,

кандидат филологических наук, доцент Богатырева Наталия Дмитриевна,

кандидат филологических наук, доцент Лицарева Ксения Станиславовна,

кандидат филологических наук, доцент Шершнева Галина Николаевна.

*Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров),
кафедра русской литературы*

Май 2008 года

ИНФОРМАЦИЯ

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Ф.И. БУСЛАЕВА

16-18 апреля 2008 г. кафедра русского языка и методики преподавания русского языка (зав. кафедрой – проф. Г.И. Канакина) Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского провела Всероссийскую научно-практическую конференцию с международным участием «Наследие академика Ф.И. Буслаева: история и современность», посвященную 190-летию со дня рождения учёного-энциклопедиста. Это уже третья конференция, приуроченная к юбилейным датам Ф.И. Буслаева: первая прошла в 1993 г. (к 175-летию учёного), вторая – в 1998 г. (к его 180-летию).

Установившаяся на Пензенской земле традиция чествования учёного связана с тем, что выдающийся филолог, методист, искусствовед Ф.И. Буслаев родился в Пензенской губернии, в г. Керенске (ныне это районный центр Вадинск). В Пензе прошли детские годы будущего учёного, здесь он жил с 5 до 16 лет, учился в приготовительном пансионе и гимназии, готовился к поступлению на словесное отделение философского факультета Московского университета.

С Пензой и Керенском связаны лучшие воспоминания академика Ф.И. Буслаева: «Там, в Керенске и Пензе, всегда были для меня моя собственная личная и семейная старина, там были дорогие предания ранних годов моей юности».

Ф.И. Буслаев – талантливый и многогранный учёный; его труды по филологии, истории русского языка, методике преподавания русского языка, славянской письменности, фольклору, иконографии, истории русского быта, западноевропейскому искусству и т. д. известны не только в России, но и далеко за её пределами.

Огромные знания, широта научного кругозора, редкий талант исследователя сделали из него не кабинетного учёного, а профессора, преподавателя, «великого учителя», как назовёт его позднее академик А.А. Шахматов.

Многие поколения учёных прошлого и настоящего находили и находят в трудах Ф.И. Буслаева свежие мысли для своих исследований. Сборник статей участников конференции – яркое тому доказательство. Материалы на конференцию прислали учёные из более чем 20 городов России: Москвы, С.-Петербурга, Самары, Мурманска, Читы, Пятигорска, Тамбова, Белгорода и др. городов. Заочное участие в конференции приняли специалисты из Турции, Испании, Польши.

Непосредственно участвовали в конференции учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Челябинска, Тамбова и других городов. Среди почётных гостей – авторы учебников современного русского языка, по которым учатся студенты вузов России, – Павел Александрович Лекант, д.ф.н., проф. Московского государственного областного университета, и Елена Сергеевна Скобликова, д.ф.н., проф. Самарского госуниверситета.

Работа конференции привлекла внимание широкой общественности, учителей-словесников и студентов, краеведов, музейных работников.

В ходе конференции было прочитано и обсуждено более 60 докладов. На пленарном заседании состоялись доклады д.ф.н., проф. П.А. Леканта (Москва) «Категориальный статус связки БЫТЬ»; д.ф.н., проф. Е.С. Скобликовой (Самара) «О современном состоянии теории второстепенных членов предложения»; д.ф.н., проф. В.Д. Бондалетова (Пенза) «Достижения славянской исторической лексикологии – в студенческую аудиторию».

Кроме пленарного заседания, состоялась работа пяти секций.

Наиболее многочисленной была секция «Влияние лингвистического наследия Ф.И. Буслаева на современное языкознание», возглавляемая д.ф.н., проф. П.А. Лекантом. Здесь состоялись доклады д.ф.н., проф. Т.Е. Шаповаловой (Москва) «Временная семантика русского предложения»; д.ф.н., проф. Е.В. Алтабаевой (Мичуринск) «Ф.И. Буслаев и современная концепция оппозитивности»; д.ф.н., проф. О.И. Литвинниковой (Елец) «Вопросы словообразования в трудах Ф.И. Буслаева»; к.ф.н., доц. Н.Б. Самсонова (Москва) «О логико-семантической проблематике лингвистических исследований»; к.ф.н., доц. И.Г. Родионовой (Пенза) «Вопрос об аналитических формах сравнительной степени имён прилагательных в лингвистической литературе»; к.ф.н., проф. И.Ф. Шувалова (Пенза) «Словосочетания типа «день отдыха» в русском языке»; к.п.н., доц. М.П. Болотской (Пенза) «О семантике в морфологии русского языка» и др.

В секции «Формирование национального мировосприятия и духовности на занятиях русским языком и литературой», работавшей под руководством д.ф.н., проф. Е.С. Скобликовой и к.ф.н., доц. Л.В. Чижонковой, выступили к.п.н., проф. Г.И. Канакина (Пенза) «Формирование культуроведческой компетенции школьников средствами языка русских пословиц»; к.ф.н., доц. Л.В. Чижонкова (Пенза) «Русский язык и русский дом (на поэтическом материале)»; к.ф.н., доц. И.А. Рыжков (Мичуринск) «К проблеме изучения выразительных средств синтаксиса на занятиях по русскому языку»; к.ф.н., доц. Е.В. Чепкасов (Санкт-Петербург) «Религиозно-нравственные вопросы рассказа Н. Лескова «На краю света» применительно к студентам»; доц. Л.Б. Гурьянова (Пенза) «Формирование лингвокультурологической компетенции на занятиях по современному русскому языку в педвузе» и др.

В секции «Развитие методических идей Ф.И. Буслаева» под председательством д.п.н., проф. П.А. Гагаева и д.п.н., проф. Л.А. Месеняшиной были заслушаны доклады д.п.н., проф. П.А. Гагаева (Пенза) «О подсказанной учёным идее»; д.п.н., проф. Л.А. Месеняшиной (Челябинск) «Внутренняя противоречивость лингвометодического наследия Ф.И. Буслаева»; к.п.н., доц. Л.И. Головиной (Елец) «Постоянная связь содержания с формой» в словообразовательной работе»; к.п.н. доц. Н.И. Наумовой и к.ф.н., доц. Л.В. Фёдоровой (Пенза) «Традиции и новации в концепции грамматического образования Ф.И. Буслаева» и др.

В секции «Историко-культурный подход к фактам русского языка» под председательством д.п.н., проф. В.П. Киржаевой были заслушаны доклады д.п.н., проф. В.П. Киржаевой (Саранск) «Отражение норм языка древнерусской письменности в «Повести временных лет»; к.ф.н., доц. В.М. Шетэли «О проекте «Словаря русского языка XIX века» (буквы Ж-И)»; к.ф.н., доц. С.В. Кезиной (Пенза) «Архаизмы в лексике живописи» и др.

Участники секции «Ф.И. Буслаев и отечественная культура» под ру-

ководством кандидата культурологии Л.В. Рассказовой обсудили доклады заслуж. учителя РФ, директора музея И.И. Срезневского Н.В. Колгушкиной (Рязань) «Современники Ф.И. Буслаев и И.И. Срезневский в контексте лингвистической и историко-культурной традиции XIX века»; к.ф.н., доц. М.Г. Лунновой (Пенза) «Библейская фразеология и проблемы речевой культуры»; к.п.н., проф. Г.В. Пранцовой (Пенза) «Письма русского путешественника» Ф.И. Буслаева как опыт публичной речи и литературоведческой интерпретации»; кандидата культурологии Л.В. Рассказовой (Пенза) «Ф.И. Буслаев о значении русского религиозного искусства для светского образования» и др.

Особый интерес участников и слушателей вызвала пресс-конференция с учёными-лингвистами «Русский язык в современном мире». На многочисленные вопросы учителей и студентов отвечали д.ф.н., проф. П.А. Лекант (Москва), д.ф.н., проф. Е.С. Скобликова (Самара), д.ф.н., проф. Т.Е. Шаповалова (Москва), д.ф.н., проф. Л.А. Месеняшина (Челябинск), д.ф.н., проф. В.Д. Бондалетов (Пенза), директор музея И.И. Срезневского Н.В. Колгушкина (Рязань) и др.

Культурная программа конференции, посвященной 190-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева, включала поездку в музей-заповедник «Тарханы», экскурсии по городу Пензе.

Логическим завершением работы конференции стал вечер, подготовленный работниками Литературного музея. В здании этого музея находилась Пензенская мужская гимназия, где учился юный Фёдор Буслаев, где, как писал впоследствии учёный, «... под руководством Белинского и Евтропова я впервые узнал и полюбил русскую словесность, которой потом посвятил всю свою жизнь в литературных трудах и в лекциях с кафедры Московского университета».

Участники конференции пожелали организаторам конференции продолжать всемерно пропагандировать идеи выдающегося земляка, организуя научные конференции и публикуя его труды; изыскать возможность учредить стипендию имени академика Ф.И. Буслаева для студентов университета.

*Г.И. Канакина (г. Пенза, ПГПУ),
Т.Е. Шаповалова (г. Москва, МГОУ)*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1. Для публикации научных работ в выпуске серии «Русская филология» «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке с аннотацией на русском и английском языках. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторов и кандидатов наук, докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов.
2. Объем статьи – не более 16 тысяч знаков.
3. Необходимо сдать дискету с электронным вариантом и распечатку на бумажном носителе (1 экземпляр). В материалы следует включить сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), место работы или учебы (должность), ученая степень, ученое звание, домашний адрес, контактный телефон. К материалам аспирантов и докторантов приложить отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендацию кафедры, на которой выполняется работа.
4. Текст статьи оформляется в соответствии со следующими требованиями: 1) текстовый редактор Microsoft Word for Windows; 2) межстрочный интервал – 1,5; 3) верхнее поле – 2 см, нижнее – 3 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см; 4) шрифт Times New Roman; 5) кегль – 14; 6) страницы не нумеруются; 7) выравнивание по ширине; 8) перенос не задается.
5. Иллюстративный материал (слова, словосочетания, предложения) печатается курсивом без **кавычек**; семантика языковых единиц печатается обычным шрифтом и выделяется ‘английскими кавычками’: Речь. ‘Способность говорить, говорение’; дефиниция слова, взятая из словаря, должна быть паспортизирована последующей ссылкой на словарь в примечаниях.
6. На первой строке у правого поля полужирным курсивом печатаются **сначала инициалы**, затем фамилия автора. Через строку по центру – название статьи прописными буквами полужирным шрифтом. Ссылки в тексте цифровые, сквозная нумерация в квадратных скобках. **Концевые сноски исключаются**. В конце статьи через строку прописными буквами полужирным шрифтом пишется **ПРИМЕЧАНИЯ**.
7. Редакционная коллегия оставляет за собой право не рассматривать материалы, оформленные без учета перечисленных требований. Присланные материалы не возвращаются. В случае принятия статьи условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «Русская филология» – доктор филологических наук профессор *Лекант Павел Александрович*, **зам. отв. редактора** – доктор филологических наук профессор *Шаповалова Татьяна Егоровна*.

Адрес редколлегии серии «Русская филология» «Вестника МГОУ»: 107005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 21-а, МГОУ, комн. 105. Телефон (495) 265-08-07.

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«Русская филология»

№ 2

Подписано в печать: 05.05.2008.

Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookC».

Уч.-изд. л. 11,25. Усл. п. л. 10,25. Тираж 500 экз. Заказ № 31.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, Радио, д. 10а.